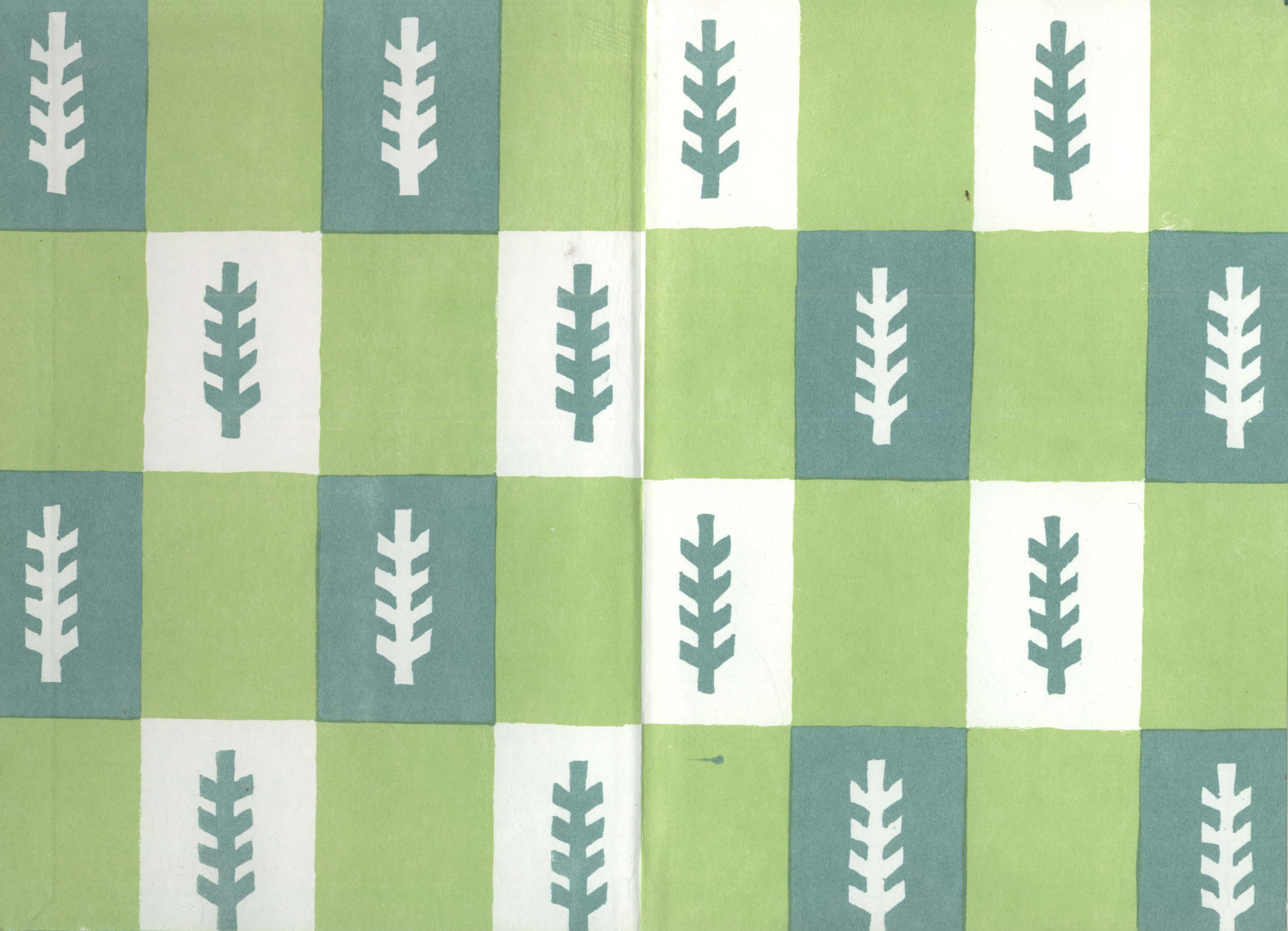

В. НИКОНОВ
СОХАТЁНОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

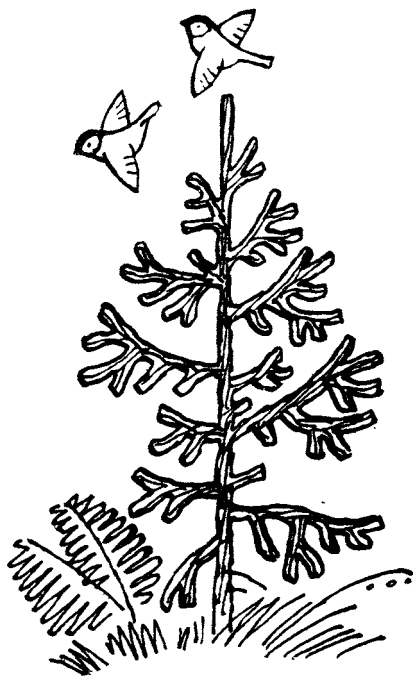

В. НИКОНОВ

СОХАТЁНОК

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

ОТ АВТОРА

Я не встречал людей, которые не любят природу и животных. Если такие есть, то, наверно, это большая редкость.

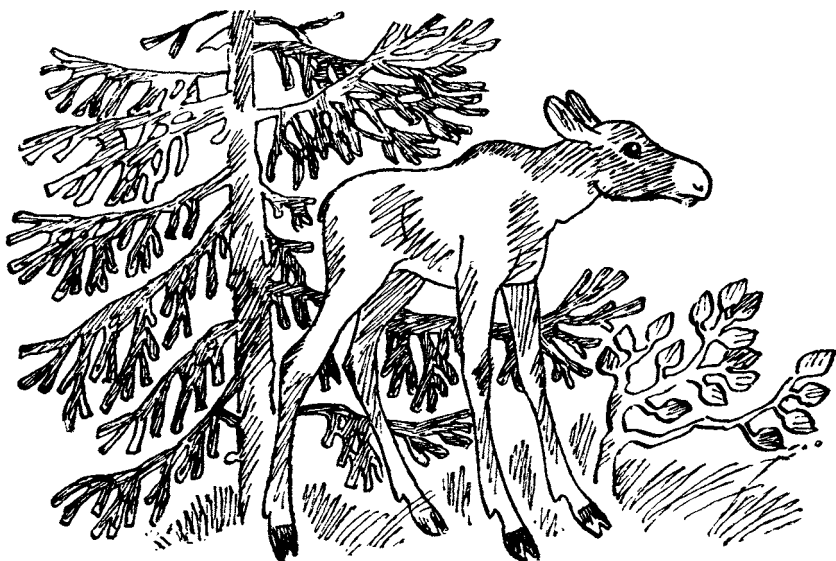
Без природы я не могу жить. Не знаю, что зовёт меня в леса и горы, к родникам и рекам, к суровым таёжным людям. Это «сверху» они суровы, а «внутри» — добры и приветливы. Они знают: человеку в тайге всегда трудно, и готовы помочь в любую минуту.

Мы с отцом жили на берегу Японского моря. Не совсем на берегу — километров двадцать пять от него. Отец жёг уголь, а я учился в селе. Летом, в дни каникул, я шёл к нему по тропинкам, лез по скалам, мог наткнуться на тигра и медведя, на змею-питона. Но я шёл и не боялся. Не боялся — и всё! А если б появился страх, ни разу бы не дошёл до отцовской землянки.

Повесть о сохатёнке я писал долго, с раздумьями. Написал всё, как было, ничего не придумывая, разве чуть-чуть прибавил.

Было это на Забайкальском Севере, где глухая тайга на сотни километров, где упираются в небо медноголовые горы, где живут мои добрые друзья — русские и эвенкийские ребята. Те, о которых я написал первые свои книжки — «Вадимка» и «Сын каюра».

Рисунки В. Кулькова

Дочери Алёне

МАЛЫШ

Гром ударил рядом, на минуту оглушил сохатёнка. Он прыгнул в кусты, упал на муравьиную кучу. Вскочил, не чувствуя боли, прыгнул ещё раз. В морду ткнулась ветка боярышника, острые колючки впились в губы. Ему хотелось бежать, бежать, не зная куда. Сердце билось часто, его толчки отдавались в животе, растекались по телу. На секунду он увидел мать-лосиху возле тонкой берёзки, длинные ноги с узкими копытами, безрогую голову на корот-

кой шее. Мать лежала не двигаясь, с глазами, полными ужаса, в ожидании близкой смерти.

Второй выстрел грянул тут же. Сохатёнок побежал быстрее. Высокие кочки заплетали слабые ноги. Шатаясь, телёнок бежал к воде. Теперь он понял: выстрелы гремели от ближней сопки, охотник прятался в кустах. Лосёнок торопился к речному берегу, куда, наверно, придёт мать-лосиха. Полежит, отдохнёт, разыщет сына. Здесь, на берегу, успокоясь, он прильнёт к её вымени, досыта напьётся сладкого молока, вкусно пахнущего материнским телом.

Так спешил он, пока не вышел на зелёную полянку. Толстая бурая зайчиха сидела под кустом, оглядываясь во все стороны. Ей было тяжело бежать. Она с жалостью смотрела на уставшего сохатёнка.

Скорей всего, он остался один, а мать, наверно, убил охотник. Тот, который дважды стрелял у скалистой сопки.

Это было и хорошо и плохо. Хорошо потому, что, убив лосиху, охотник не будет гоняться за зайцами. Плохо потому, что лосёнок не выживет в страшном для него лесу. Она видела таких одиноких сохатят, знала, что их ждёт...

За поляпкой место пошло ровнее, кочки поредели, их сменили жёлтые волнистые ковыли. Золотистая травка зеленела вдоль берегов. Впереди блеснула река, освещённая вечерним солнцем. На неё стаями садились утки, уставшие от перелёта.

Лосёнок оглянулся, выбрал место, где можно полежать. Здесь и дождётся мать, она должна его найти. Найти, покормить, обласкавать, как умеет делать только она.

Лениво проползла между кочек серая змея с раздутым животом — даже не взглянула на сохатёнка. На сухой обгорелой жердинке сидел обиженный ворон, скучно каркал через ровные промежутки. Ворон ещё не видел ни лосиху, ни охотника, иначе молчал бы и ждал своей доли.

И зайчиха и змея в другое время могли бы заинтересовать сохатёнка. Но сейчас лосёнок ничего не видел, не слышал. Его привлёк черёмушник у реки, густая трава. Он лёг, закрыл глаза и стал ждать.

Высокий сутулый человек с нестриженной головой на короткой шее, с крупными жёлтыми зубами сидит на лиственничной колоде, дымит помятой

сигаретой. Он только что освеживал сохатику, сложил мясо, прикрыл брезентом. Приятно передохнуть в густых сосенках, зная, что тяжёлая работа закончена, что дома ждут жена, горячие щи со свежим мясом. Мавра обрадуется мужниной удаче, истопит баню, поставит на стол бутылку водки. Так положено: на свеженину должна быть выпивка.

Вечернее солнце медленно скатывается за горы. Когда оно скроется, глухая темнота опустится в долину. Не пройдёт и часа, как станет темно. Впереди тридцать километров быстрой реки — плыть надо против течения. Спешить охотнику некуда: с тушей он разделался засветло, а домой приплывёт в середине ночи. Чтоб ни один глаз не увидел, что лежит в лодке под брезентом.

Самое бы время поесть. В поисках зверя охотник целый день бегал голодным, пересекал долины, переваливал сопки, пока не наткнулся на лосиху с лосёнком. Утром выпил кружку горячего чая без сахара, съел кусок хлеба, пожевал холодного мяса. Бывалые охотники всегда сначала пьют чай, потом берутся за еду. Вот и сейчас: хочется есть, да некогда. Надо перенести мясо в лодку, спрятать винтовку в надёжном месте, зарыть остатки зверя. Тогда, пожалуй, можно достать из сумки чёрствую краюху, кусок недоеденной говядины — заморить червяка. Покурить, рассудить, куда деть мясо, чтоб не нашли, если придут с обыском. Давно известно: запретный товар весь базар ищет.

Задумавшись, охотник не слышит шуршания веток, детских голосов, старческих вздохов. По тропинке шагает узкоплечий старик в брезентовом плаще, за ним — два мальчика: один лет двенадцати, плотно сбитый, с каштановым чубом во весь лоб; другой — десяти-одиннадцати, черноглазый

с короткой стрижкой ёршиком. Оба в зелёных рубашках, в штанах из крепкой чёрной материи, закатанных по колено, в старых кедах, побелевших от воды и солнца. Оба похожи друг на друга: лицом, походкой, разговором. Старик первый замечает охотника, раздвигает кусты, останавливается. Думает, как быть: пройти мимо или окликнуть? Пройти — потому что сбраконьерничал мужик. При таких делах лишние глаза — лишние думы. Остановиться надо по самой простой причине: авось мяса даст. Голодная весна нынче у Сараниных, не грех бы подкормиться малость. Не зря говорят: мельница сильна водой, человек — работой и едой.

— Здорово, Андрон! — Старик выходит из-за кустов. — Никак, зверя убил?

Охотник швыряет сигарку, не разгибаясь прыгает к сосне, хватает винтовку. Глаза прищурены, губы сжаты. Рука готова нажать на спусковой крючок.

— Здорово, говорю, Трухин! — Старик поглядывает на прикрытую кучу. — Мда, вот какое дело...

— Здорово, Бормаш! — Андрон переводит дух. — Напугал ты меня: думал, кто из надзора. — Оп узнаёт саранипских ребят. — Вы будто ангелы на крылышках...

— Ково там! — Старик чешет затылок. — Мы, малина-ягода, мотором шумели, по кустам чисто медведи пёрли. Забылся ты, слух ослабил...

Трухин прислоняет винтовку, слизывает с губ табачные крошки. Думает, поглядывая на ребятшек: «Надо рассказать им про сохатиху. Трепанутся где-нито, беды не оберёшься...»

Андрон достаёт новую сигарету, суёт в уса́тый рот, чакает зажигалкой. Затаившись, начинает рассказывать:

— Слышь, Бормаш, какой случай подвернулся. Плыл я, стал быть, покос посмотреть. Оп у меня нынче за Круглым озером. Ничего покос, трава ходкая... Нда, плыву обратно. Слышу, в этом месте мык стоит невозможный, возня на весь берег. Рёв — кусты трещат! Только приглушил мотор, ка-ак он заревёт! Медведь, значит, Михайла Иваныч. Ну, думаю, дело плохо, ломает кого-то вражина.

Притыкаюсь, стал быть, к берегу, хватаю винтовку — и сюда. Подбегаю, смотрю... — мать честная! — медведь сохатиху дерёт. Она лежит, кровью исходит и всё мычит: «Мы-ы!.. Мы-ы!..»

Я сгоряча навскидку — хлесть! Да, видать, мазал. Медведь — прыг, прыг! За одну сосну, за другую... По-ошёл чесать! Кинулся я за ним, пальнул два раза. Да разве достанешь? Кабы место чистое!

— Бывает, — соглашается Бормаш. — Медведь, он всё ест: муравья иссосёт и зверем не погнушается. Он такой, малина-ягода...

Тот, что постарше, недоверчиво смотрит па Трухина. Врёт дядя Андрон, не было здесь никакого медведя. Если бы они дрались, всё было бы испаханно. И следов медвежьих не видно. Вон у куста есть маленькие — наверно, сохатёпковы... Интересно, убил малыша или нет?

Эта мысль не даёт покоя: «Сходить бы, посмотреть. Если след пошёл дальше, значит, убежал; если здесь оборвался... А что, проверю в самом деле...»

— Ты сиди, Максим, — догадывается охотник. — Рано в следопыты записался. Кабарожка тут бегала, козы ходили. Зверья нынче — ужас... Ты-то как здесь? — обращается к старику. — По какому делу?

— Мох мы драли! — Бормаш незаметно дёргает Максима. — Председатель послал. Говорит, будем бабку Феню обстраивать, пашу погорелицу. «Ты,

просит, сплавай за Круглое, мох там наипервейший». Я, понятно, ребятишек прихватил: втроём, думаю, быстрее пойдёт. Мда, такое дело...

— Ты что приуныл, Петьша? — Андрон оглядывает младшего. — Замёрз?

— Есть маленько. — Петя дёргает плечами. — А кабарожку вы тоже убили, дядя Андрон?

— Нет, кабарожку не трогал. — Трухин ловит недоверчивый взгляд Максима. — Пускай бегают. Весной нельзя бить зверя. Только при нужде, как сейчас. Понял?

— Ага.

«Настырная саранча, — мрачно прикидывает Андрон. — Беды бы не нажить».

— Помочь тебе? — Бормаш кивает на брезент. — Хошь и не та сила, а всё что-нито сделаю.

— Не надо, обойдусь. Я тебе стёгну отрублю, по соседски. — Андрон смекает, как обезопасить себя. — Без мяса, наверно, живёшь?

— Откуда оно?.. Отруби, если не жалко.

— Чево жалеть-то? — Трухин берётся за топор. — Всё одно пропало бы, раз медведь задрал. Доне-сёшь?

— Справлюсь, — суетится дед. — Ребятишки подсобят... Петьша, Максимка, чево рты разинули? Подмогните!

— Погодь, я сам. — Андрон легко вскидывает мясо на плечо. — Показывай, куда идти.

Мясо Трухин кладёт в носовую часть, плотно прикрывает мхом.

— Ты смотри... — наставляет старика. — Говорят, Синчук должен приехать. Не напорись по недогляду. Ребятишкам накажи...

— Знамо дело, — торопится Бормаш. — Всё в аккурат сделаю.

— Ну, с богом. — Андрон отталкивает лодку. — Мне моху подкинй, пригодится когда-нибудь.

— Само собой. Могу ещё сплавать, — обещает Бормаш. — Спасибо, сосед, за подмогу. Когда-пито и я... кхе, кхе... отдарю.

Лодка, огибая островок, вылетает на середину Черемной. Русло реки в этих местах изменчиво, приходится плыть от берега к берегу. А где берег, там коряжина; где коряжина, там беда. Глаз да глаз нужен на реке.

— Максимка! Садись на нос, гляди в оба!

Максим и так не спускает глаз с берега. Если сохатёнок убежал, значит, бродит где-то неподалёку. Может, в кустах залёг или спрятался. Трухин увидит — не пожалеет.

Старик Бормаш мысленно опережает события. Думает о том, как приплывут домой, затопят печку, поставят чугуна с водой, положат мясо. Сохатиха молодая, вариться мясу недолго. Потом сядут за стол, возьмут по куску, начнут есть, радуясь сытному ужину. Зубы у деда крепкие, справятся не хуже молодого.

После еды старик ляжет возле печки, укроется тулупом, погреет косточки. По-хорошему, надо бы в баньку, распарить веник, похлестаться в охотку. Правду говорят: баня — вторая мать, кости расправит, всё тело поправит. Вот кабы пораньше приплыть, можно было б наказать ребятам — Максе с Петрухой — баньку истопить. Ну, там видно будет. Важно домой поскорей попасть, мяска поесть вдоволь.

— Деда, почему я медвежьих следов не видал?

— Выходит, не усмотрел. Глаз у тебя не охотничий, Петьша.

— А ты усмотрел?

— Знамо дело, — кривит душой Бормаш. — Лапищи — во! Обе твои ступни в его след войдут. Такой ково хошь задавит.

— А маленькие чьи, деда?

— Маленькие... — мнётся Бормаш. — Кабарожка, видать, приходила. Они знашь как по камням бегают? Щёлк! Щёлк! Никакой волк не догонит. Такое дело, малина-ягода...

— Что ты всё «малина-ягода»?

— Поговорка такая, привык. Спервоначалу вроде бы шутил, потом смолой прилипло. Никаким скобелем не отдерёшь.

— А почему тебя Бормашом зовут?

— И на это есть причина. Одним словом, житейская.

В первые дни, как приехали Саранины в Юмурчен, собрались мужики у магазина, сели в сторонке, стали толковать. Люди таёжные, и разговор такой: кто где был, чего промышлял.

— Ты зачем, Лукьян, удочки привёз? — интересуется Андрон. — Аль тут лесу мало?

В самом деле, в диковинку мужикам лукьяновские удочки, никто, кроме ребятишек, не рыбачит ими на Черемной. Удилища — вот они стоят, бери на корню. Всякой длины, всякой толщины. Гибкие, упругие, хоть на ленка, хоть на хариуса.

— Под Читой многие удочками ловят, — отвечает Лукьян. — Озёра там знаменитые: Арахлей, Иргень, Беклемишево... Семь штук и все цепочкой. Летом, конечно, ловишь на червяка, на гольяна. Пищуху насаживаешь — рыбёшка такая вроде вьюна. Зимой — на бормаша, самая что ни на есть азартная рыбалка. Бормаш, сказать вам, водяной жучок, живёт в мелких местах, в траве. Берёшь палку, наматы-

ваешь старую ветошь, посыпашь мукой — и в про-
рубь.

— Мукой? — хмыкает Чубаров, председатель
сельсовета. — Сроду не слыхивал.

— Для чего муку рыбам скармливать? — не ве-
рит Андрон. — Ну-пу, ври дальше.

— А чего врать-то? — обижается Лукьян. — Все
так ловили. Наутро, значит, вытаскиваешь палку,
а в ней бормашей этих — видимо-невидимо.

— Замёрзнут же! — сомневается Андрон.

— Не замёрзнут. Сразу в бапочку, в постельку,
малина-ягода, в байковую тряпочку — и за пазуху!
Иной раз, коли клёв хороший, положишь за щеку
штучек пять-шесть — рай божий! Для быстроты,
значит, чтоб с банкой не возиться, бормашей не мо-
розить.

— Тьфу, нечистая сила! — сплёвывает Ап-
дрон. — Они же во рту шевелятся, жуки эти?

— Ну и что? — посмеивается Лукьян. — Даль-
ше слушай! Берёшь, значит, сапки, кладёшь фанер-
ную будку, железную печурку, сухие чурочки, две-
три удочки-подергушки, и — трогай конь — две по-
ги. Облюбуешь местечко — тоже знать нужно, —
продолбишь луночки, поставишь будочку, затопишь
печечку. Таскай-потаскивай!

— И что ловится? — Чубаров явно не верит ста-
рику: брехливый, видать, дедок, мастер байки ска-
зывать.

— Окунь больше, попадают чебаки, а то и щука-
травянка. Штук тридцать — сорок: падёргаешь за-
просто.

— Лежачок не берёшь? — хохочет Андрон.

— Спирту не прихватываешь?

Смеются мужики над Лукьяном. О такой рыбал-
ке никто не слыхивал.

— Ну, удивил! — трясётся от смеха Андрон. — Бормаш, говоришь? Ты сам Бормаш и есть! У нас так сроду не рыбачат. Летом — сеть под руками. Зимой... выедем на Черемную, стукнем, где поспособней, — рыба сама вверх летит. Будто артезианский колодец. Слышал про такой? Клади в мешок, понужай обратно. Понял, Бор-ма-а-аш?

Посмеялись мужики, разошлись. Только с той поры Лукьяна редко Лукьяном звали. Всё Бормаш да Бормаш: «Вон Бормаш на конюшню шлёпает», «А что, старик, побормашим?» — и пальцем по кадыку: намекает на выпивку.

Лукьян как будто не обижается. Смолчит, подосаждает про себя, поперечного слова не скажет. Знает по опыту: не след в новом месте вступать в раздоры. Заклюют, затюкают. А потом привык, не стал обращать внимание.

Лишь однажды не стерпел старик, сказал Трухину резкое слово. В тот день, когда сосед привёл исхудалого Карьку.

Обманул Андрон Лукьяна, сказал, будто председатель колхоза разрешил дать ему Карьку на охоту. Поверил конюх: как не поверить, если тот сослался на председателя. Неделью проездил Андрон по дальним угольям. Измотал коня, измучил, привёл кожу да кости. Ахнул Бормаш, схватился за голову:

— Чево ж ты, непутёвый, коня так измочашил?

Трухин зыркнул глазами, повёл длинным носом, будто соболя вынюхивал.

— Помалкивай, коль в Юмурчене жить хочешь. У нас тут свои законы. Не тебе их менять. Не бормаши на старости лет...

Назавтра пришёл на конюшню председатель, увидел Карьку с голыми рёбрами, накинулся на конюха. Тот объясняет: так и так, по вашему распоря-

жению отдан был коняга. Председатель слушает, ничего понять не может.

— Не в своём ты уме, не было такого распоряжения! Самоуправством взял Трухин Карьку. И ты за это в ответе, потому что должен был спросить у меня!..

Максим не слышит, о чём говорит дедушка. Сидит на носу, шарит взглядом по берегам. Где утка взлетит, где рыба всплеснёт, где коза выскочит. Настоящий охотник всё приметит.

Но первым увидел сохатёнка Петя:

— Дед, смотри, смотри, кто это?

— Где?

— Во-он у черёмушки! — Он показывает на кусты. — Сохатёнок это, дедушка!

— Где, где? — вскакивает Максим. — Покажи!

— Да вон! Видишь, поднимается? Деда! Подожди, не плыви! Давай поймаем!

— На што он! — Старик догадывается, в чём дело. — Мать его близко пасётся.

— Дедушка! Он хромает! — И Максим видит лосёнка. — Раненый он, дедушка!

— Пошто раненый! — не сдаётся Бормаш. — Споткнулся, поди, ногу подвернул...

Максим вдруг вскакивает на борт, вскидывает руки, щукой бросается в белую пену. Дед вскрикивает, качнувшись с лодкой. Петя хватается за борт, испуганно ищет глазами брата.

— Ах ты мать честная! — Бормаш резко выворачивает руль. — Держись, внучек, держись, Максимка-а!..

Старик сбавляет ход, одной рукой хватается шест. Максим плывёт не оглядываясь. Чуть наискосок, чтоб помогало течение. Легко и плавно выкидывает

руки. Над водой пузырится зелёная рубаха, торчит мокрая голова.

— Стой, стой, сатанёнок! — Дед пытается схватить внука. Тот бакланом уходит в глубину, выныривает сбоку. Бормаш в сердцах бросает шест, хватается ручку управления. — Ах ты варнак-варпачище! — грозитя кулаком. — Ну погоди, доплыви до берега! Сниму я с тебя штаны!..

Старик не пытается ловить Максима, видит — легко держится на воде. Но, распалившись, бубнит:

— Погоди, погоди-и! Спробуешь берёзовой каши! Я тебе покажу, как своевольничать!..

Всё идёт не так, как задумано. Зачем нужен им сохатёнок? Беды не оберёшься. Опять же поить-кормить надо. Когда теперь домой приплывут, когда мясо сварят? Поясница гудит, чтоб ей пусто было!

Максим бесшумно подплывает к берегу, бредёт по воде, старается меньше хлюпать. Решает зайти с тыла: обогнуть черёмушные кусты, прижать сохатёнка к воде, отрезать путь к отступлению. А там уж как-нибудь.

Пригнувшись, Максим осторожно крадётся к лосёнку. Протягивает руку, складывает пальцы в щепоть — так он манит тёлку Красулю, показывает, будто у него есть что-то вкусное.

— Бышка, бышка! Иди ко мне!

Лосёнок поднимает уши, прислушивается. Рыжая шерсть подрагивает на боку и на шее. Моторный гром поднял его, выгнал из кустов. Хотел бежать в глубь леса — не смог. Ноги не шли, дрожали, подкашивались. Тёмные глазки налились ужасом. Навстречу идёт какое-то существо. Лосёнок не знает, что существо — человек, его спаситель, что он хочет ему добра.

Слева от кустов выступает такое же существо, но поменьше. Тоже вытягивает руку, складывает пальцы щепотью, тоже твердит короткое непонятное слово «бышка».

Тот, повыше, успевает первым. Осторожно касается шеи. Дрожкий ток пробегает по телу телёнка. Вот-вот загремит ужасный гром, и он упадёт, как упала его мать.

Другой, поменьше, тоже тянется к шее. Страх, как озноб, сжимает мускулы. «Сейчас, сейчас!» — стучит сердце.

Так продолжается минуту-две. Лосёнку становится теплее от рук незнакомцев. Меньший снимает рубаху, накрывает лосёнку спину, гладит шерсть у подбородка. Оказывается, приятно, когда гладят в этом месте...

— Не бойся, малыш! — Петя стряхивает песок с его шерсти.

Максим нагибается, оглядывает сохатёнка. Все четыре ноги бело-серые — от копыт до ляжек. От ляжек начинается красноватая шерсть с жёлтенькими полосками по бокам. Когда сохатёнок повзрослеет, шерсть его станет тёмной и разница в окраске будет видней.

— Смотри, кровь! — Максим замечает красные пятна на ногах. — И на коленке. И на той! И на той! Петя, зови дедушку!

Дед откликается не сразу. Нехотя выходит из лодки, кричит и охает, проклиная Андрона, лосиху с лосёнком, настырных внуков.

Ничего не хочется, кроме тёплой постели, двух-трёх дремотных часов, чтоб прошла усталость, чтоб отдохнула голова. Не нужны ни суп, ни мясо, пропади они пропадом!

— Деда, деда! У сохатёнка кровь... — тянет за

рукав Петя. — У нас в лодке есть тряпки. Я принесу...

Бормаш на коленях щупает худые мослаки сохатёнка, хмыкает, качает головой:

— Ах ты боже милостивый, беда-то какая!... Макса, Петьша! Гоните его к речке, промыть надо раны-то... Ах ты, дитё непутёвое, куда ж тебя несло по ерникам да кочкам?

Забыл старик про свои угрозы, отошло сердце, жалко стало несмышлёныша. Не бросать же на съедение волкам! Живая душа, грех оставлять без помощи...

Сохатёнок, оказывается, терпелив к боли. И когда моют, и когда бинтуют тряпками. Молчит, сопит, не брыкается. Только водит лиловыми глазами.

— Возьмём его, деда?

— Знамо, возьмём. — Бормаш поднимает лосёнка. — Вот сюда, на мох, положим. Будто нарошно постель готовили... Петруха! Макса! Живей садитесь!

Сумрачная темень плотно обкладывает лес, воду, землю. В пепельном небе слабо вспыхивают звёзды, тускло мигают над Петиной головой. Он лежит в дедовой телогрейке, одной полкой укрывает себя, другой — сохатёнка. Лосёнок тычется головой в Петин живот — наверно, ищет материнское вымя.

— Лежи, лежи... — уговаривает Петя. — У нас есть корова, будет тебе молоко.

Сохатёнок впадает в тягучую дрему.

ЗНАКОМСТВО

Посёнок лежит на дворе возле дома Сараниных. Дом стоит на берегу Черемной, вблизи лесной опушки. Внизу сверкает петлистая река, бежит в ту сторону, откуда привезли сохатёнка. В ту же сторону уходит и село — дома, рассыпанные по берегу, дворы, огороды, колхозная конюшня. За огородами чернеет бугристая марь вперемежку с пригорками. А дальше — островерхие горы со снежными вершинами. В этих горах недавно жил сохатёнок со своей матерью...

Место, где он лежит, огорожено тонкими жёрдочками, берёзовыми колышками. Рядом — корыто с ключевой водой, горка свежей травки. Кто-то решил, что Малыш уже ест траву. Не поленился, нарывал побольше. Не знал, что сохатёнок не скоро примется за эту еду.

Посёнок помнит, что его зовут Малышом. Хорошее имя, нравится. Это Петя придумал, младший Саранин.

Если вспоминать по порядку, надо начать с того, как он приучался пить молоко. Молока у Сараниных хватает и ему, и коровиной тёлке. Максим принёс большую чашку, дед сунул в неё палец и — в рот голлодному. Тот попробовал, мотнул головой. Палец был жёстким, шершавым, не похожим на материнский сосок.

Лукиян не отступал. Обнял сохатёнка за шею, совал всё тот же палец. Малыш чмокал, вытаскивал.

Эту картину и увидала бабка Феня. Она шла к председателю Чубарову по своему строительному делу. Когда ж увидала немощь Лукьяна, раскипятилась, разохалась, стала выговаривать всем троим:

— Ох уж эти мужики! Не могут простого дела сделать: телёнка к молоку приучить.

— Не телёнок, бабушка, сохатёнок! — хмыкает Петя.

— Знаю, знаю, всё равно коровины дети... Несика тряпицу да хлебный мякиш. Сичас он, милые, зачмокает, сичас...

Бабка ловко завернула мякиш в тряпочку наподобие соски, макнула в молоко, пропитала. Не сунула в рот, как Бормаш, — помазала губы. Лосёнок облизнулся, зачмокал. Ну вот, теперь другое дело! Совсем как материнский сосок, и молока много.

В первые дни Малышу приготовили постель на кухне. Постель была мягкой, подстилка душистой — из свежей травы. Трава напомнила тайгу, нежный бархатистый мох — на нём лежал он в окружении молодого леса. От леса шёл горьковатый аромат сосны, берёзы, багульника.

Когда-то мать паслась рядом, от неё пахло лесом, травой и ещё какими-то привычными запахами. А в новую подстилку попали ветки полыни. Их Малыш не принимал. Зато чабрец пришёлся по вкусу.

Лосёнок лежал у печки, рядом с дедовой кроватью, смотрел на печального старика, хлебавшего пустые щи. Мясо, что дал ему Андрон, исчезло непонятно как.

Бормаш помнил хорошо: стёгну лежало в лодке, когда он относил сохатёнка домой. Максим заметил, что возле них вертелась бездомная дворняжка Зуда. Она, видать, и стянула. Трудно поверить, чтоб небольшая собачонка унесла такой кусище. И всё ж, скорей всего, она, больше некому.

Старик ходил, искал следы на берегу. Но что увидишь в темноте? Бормаш и утром был на том месте,

да что толку. Как говорит бабка Феня, будто в землю вросло, следа не оставило.

Малыш жалел деда. Видел его тоскливые глаза, слышал вздохи. Он не знал, отчего это. Наверно, кто-то обидел, как обидели его. Лосёнку тоже становилось тоскливо.

На второй день он пил молоко из обычной соски. Бабка Феня вспомнила, что у неё есть настоящая соска. Вспомнила, заторопилась к Пете:

— Есть, милый, есть! Как же! Много добра согрело, а соску вот сберегла. Бери, бери пои своего Малыша...

Сохатёнок пил долго, с наслаждением, помня вчерашний голод. Красные бока раздувались, жёлтые полосы росли, ширились. Синие ноздри трепетали, шумно втягивали воздух.

— Пей, пей, Малышок! — уговаривал Петя. — Поправишься, пойдём гулять. Я знаю такие места... Спрячемся, никто не найдёт.

Максим привязался к сохатёнку не меньше, но не хотел признаваться ни деду, ни брату. Такой уж был скрытный.

Лукьяна не радовало выздоровление сохатёнка. Старик отрешённо бродил по двору, переставляя с места на место вилы, метлу, лопату. Брал без толку, ставил без толку. Нужно было чем-то заняться, отогнать невесёлые мысли. Там ещё, на Черемной, он догадался, чей сохатёнок, почему очутился на берегу. Догадался, но смолчал, чтоб не было хуже. А вот брать не надо было...

Через неделю Саранины вывели Малыша во двор. Он был пуст, корова с тёлкой паслись за селом у сосновой рощи. Дед на рассвете ушёл на конюшню — он был исправным конюхом. На дворе братьям показалось скучно, они пошли к реке.

По дороге на лосёнка накинулись собаки — они водились в Юмурчене стаями, — забегали сзади, спереди, норовили схватить за ноги. Малыш прижимался то к Пете, то к Максиму. Останавливался, подрагивал боками, крутил ушастью головой, косил испуганным глазом. А то вдруг склонял голову на всякий случай. Драться он ещё не умел, но чутьё подсказывало: надо устроить врага.

Максим сообразил: не нужно отгонять собак. Петя обхватил Малыша за шею, что-то шептал на ухо. А брат подзывал собак по кличкам, знакомил с сохатёнком.

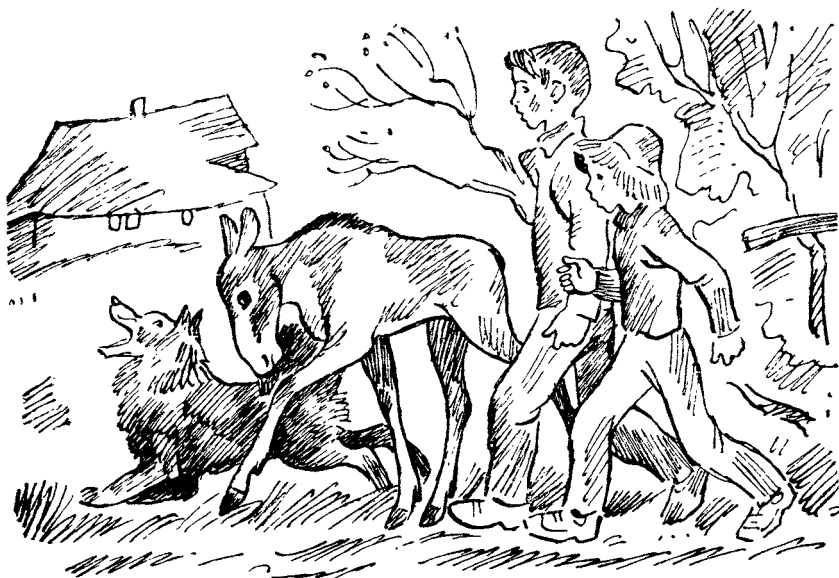
Тут были матёрые медвежатники, юркие лайки, угонистые соболятницы. Были шавки-приживалки, они лаяли на всех — зарабатывали свой трудный хлеб. Подходили старые псы; эти отохотились и вроде бы жили на пенсии. Обнюхав зверя, лениво зевали, постепенно разбредались по своим делам. Понимали: ребята не дадут Малыша в обиду.

Лосёнок только начинал жить. Он слышал гром в лесу. На моторной лодке гром был другой, без порохового дыма, без пламени. Вот ещё один гром — от железного чудища, что весело катит по дороге, пыхтит, стреляет трубой. Малышу кажется: этот гремучий дымный ком катится на него. Он смотрит на Максима, на Петю, те идут спокойно, не обращают внимания. Значит, и ему нечего волноваться. «Первушинский трактор», — говорят между собой ребята.

«Трактор» звучит трескуче, как «Андрон». На нём сидит чёрный тракторист Первушин, улыбается, приветливо машет кепкой.

— Как зовут? — спрашивает ребят.

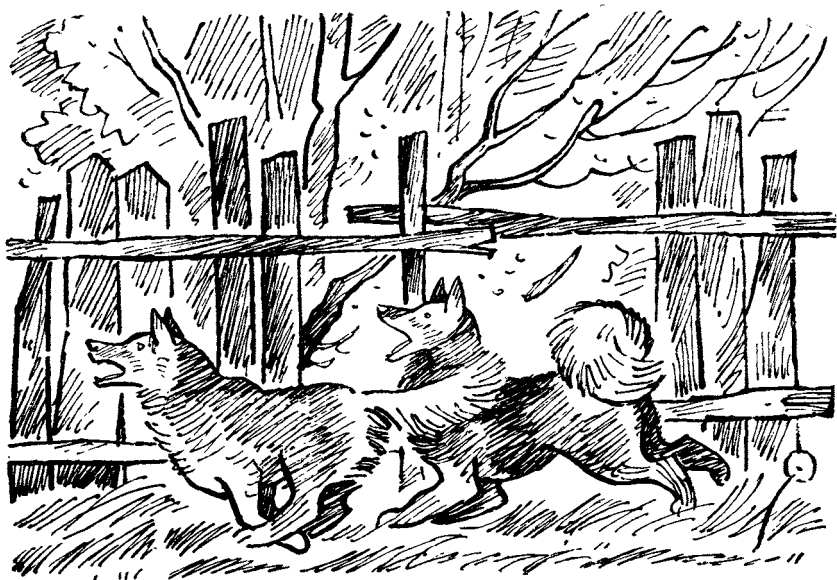
— Малыш, — ответно кричит Максим, — Малышок!

Тракторист опять улыбается, опять машет кепкой. «Хороший», — решает сохатёнок. Он уже усвоил: кто улыбается, тот добрый.

Бочку и Карьку Малыш признал с первого знакомства. Скорей всего, потому, что за бочкой вышагивал его спаситель — дед Лукьян. В одной руке старик держал палку с кожаным ремешком, в другой — вожжи. В кнуте Карька не нуждался. Он был опытным конягой, исправно нёс водовозную службу. Добросовестно тянул бочку в гору, покряхтывал, пофыркивал: мол, тяжело, а что делать? Хорошо знал дорогу, изучил все остановки: заворачивал в детские ясли, в пекарню, в общественную баню. После них — во все дома, в которых не могли обойтись без дедовой воды.

— Сначала общественные дела, а там все осталь-

вые, — учил дед Карьку. И тот кивал, соглашался, потому что дед рассуждал справедливо.

Малыш увязался за стариком и лошадью, потащил за собой Максима с Петей. И не ошибся. Карька заученно стал возле бабкиной бани. Старуха вынесла две краюшки хлеба, тёплого, недавно испечённого, посоленного крупной серой солью, пахнущего травяными настоями, сладостью меда. Одну дала мерину, другую — сохатёнку. Малыш жевал, закрыв глаза, растопылив ноги, выпатив губы. Всем видом показывал, как вкусен хлеб старухи.

Карька жевал устало, по-стариковски. Он получал такую порцию каждый день.

...Вернувшись домой, ребята загнали Малыша в загородку, сами пошли обедать. Петя сел у окна, чтобы видеть лосёнка.

Малыш лёг на траву, закрыл глаза, расслабил уши.

Из-за гребнистых гор ползли белые облака, клубились, курчавились, густели. Над рекой метались быстрые стрижи. На той стороне рыбак ставил сеть, толкал лодку против течения. По зелёному лугу разбредались пёстрые коровы с телятами.

Утомлённый впечатлениями дня, сохатёнок задремал.

Ребята затевают новую постройку — крепкий загончик для Малыша.

Максим приносит жерди, Петя достаёт топор, пилу, гвозди.

Топор с пилой остались от отца, он любил рубить, строгать — плотничать. Всегда что-нибудь мастерил для ребят, для зверофермы. И этот просторный дом построил собственными руками.

Максим пробует пальцем остриё — так делал отец, — берёт длинную жердину, тешет с одного конца, заостряет колом. С другого отрубает метра два с лишним.

Кол он забьёт в землю. И второй забьёт, и третий. К этим кольям привяжут жердины. Почаще, чтоб не пролезла собака. Потом переплетут прутьями. Дверку устроят со стороны дома. Сделают всё как полагается.

— Возьми нож, нарежь прутьев, — говорит брат Пете.

Малыш поднимается, идёт вслед за Петей. Ступает медленно, красиво перебирает белыми ногами. Голова поднята вверх, уши торчком — на страже. «Телёнок на ходулях, — говорит про него бабка Февя, — только голова длинная».

Придумала: «Телёнок на ходулях». А вообще-то интересно: все четыре ноги белые.

— Иди, иди! — погоняет Петя. — Скоро я сделаю тебе узду и седло. Будешь работать. Все должны работать. Понимаешь?

Малыш кивает длинной головой. У Пети добрый голос — значит, он в хорошем настроении. Они идут на речку. Это Малыш любит. Петя обтирает его каждое утро — приучает к купанию. Объясняет, что так делают все знаменитые пловцы, все «моржи». Привыкают к комнатной воде, к холодной — из крана, к ледяной — в проруби. Сохатёнку не нужна прорубь, хватит реки. Но, как говорит Стась Чубарёнок, важны система и дисциплина. Система у них отрабатывается, дисциплина — с этим похуже. Всё-таки сохатёнок — не человек.

Максим выносит широкую скамью, ставит на неё табуретку, залезает наверх. С этой вышки он забивает первый кол. Бам! Бам! Бам! — бьёт топор по дереву. Ах! Ах! Ах! — отвечает земля.

Крепко выходит, прочно, по-отцовски. Отец любил так работать: широко, размашисто, с выдумкой. Когда был в настроении, всё кипело в руках. Встанет на срубе, вскинет руку с топором, крикнет матери: «Эге-гей! Давай-давай! Не задерживай!»

С той же высоты Максим видит, как из сельсоветской избы выходят двое, идут по дорожке к дому Трухина.

Один из них, мужчина лет сорока, плечистый, плотный, бывший моряк Алексей Чубаров — председатель сельсовета, другой — Володя Синчук, молодой парень, худощавый, со спокойным взглядом. Он — охотинспектор. Приехал по заданию охотничьего хозяйства, да вот задержался. Другие дела оказались важнее.

На полпути им встречаются дед Лукьян и бабка Феня. Старик идёт домой, бабка увязалась за ним: посмотреть на сохатёнка, как он пьёт молоко из соски.

— Вы-то мне и нужны! — здоровается Чубаров. — Пойдёте с нами по важному делу.

— По какому? — вострит уши Бормаш. Что-то обрывается у него внутри, мелкая дрожь ударяет в пятки. «За сохатихой идут, чует моё сердце, за ней!»

— К Андрону зайдём. — Алексей поправляет флотский ремень. — Опять сбраконьерничал мужик. Составим акт, а вы — за понятых.

— Кто сказал? — хитрит старик. — Может, брехня какая?

— Кто сказал, тот сказал. — Чубаров понимает, куда клонит Бормаш. — Наше дело — пайти, наказать.

— Чевой-то, Лексей, говоришь? — спрашивает бабка.

— К Трухину зайдём, потолкуем!

— А-а! Чайку попить? — догадывается старуха.

Бормаш крикает, сутулится, соображает, как быть. Кто-то подстержёт браконьера, не иначе. Как бы на меня не подумал Андрюха. Я да ребята — свидетели, больше никого не было.

— Не гожусь я в понятые, — крутится Бормаш. — Грамоты нет, соображения не хватает.

— Тут грамота не нужна. — Председатель смотрит на Лукьяна.

— Всё равно — не могу, и всё!

— Почему? Ну-ка объясни!

— Не могу! — режет старик. — А силком не имеешь права!

— Силком — да, — соглашается Чубаров. — Но запомни: обязательно докопаюсь я до твоей причины.

— Ты про чё это? — интересуется старуха.

— Про то, про это, про зиму и лето! — злится Чубаров. — С каких пор браконьеров стали бояться? Соберу собрание, расскажу про вас, молчунов. Чтоб Трухин не радовался!

— Отпусти старика, — Володе почему-то жалко деда, — поищем кого-нибудь другого.

— Можно и так, — морщит лоб председатель. Ему явно не нравится эта история.

— И вообще давай без понятых, — решает Синчук. — Составим протокол, подпишем. Трухин поставит подпись.

— Не поставит. И без понятых говорить не будет. Знаю субчика!

— А это на что? — Синчук показывает фотоаппарат. — Возьмём старуху для проформы. И девать-ся ему некуда.

— Мне-то, милые, что делать? — крутится бабка.

— С нами пойдёшь! — кричит ей в ухо Чубаров. — Чай пить!

Трухин встречает гостей на дворе. Одет он по-городскому: коричневый костюм, жёлтые туфли, шёлковая рубашка, расстёгнутая на две пуговицы. Лицо весёлое, глаза осторожно приветливы. «Знаем, что надо, — говорят глаза. — С чем пришли, с тем повернёте».

— Здорово, Трухин. — Чубаров тушит сапогом папиросу. — Меня ты знаешь — представитель Советской власти, Синчука — тоже, встречаешь на таёжных тропках. И бабка Феня тебе известна. Зачем пожаловали, не секрет. Давай, Трухин, без волынки, Показывай мясо, составим протокол, и делу конец.

— О каком мясе речь? — усмехается Андрон. — Ошалел, что ль, председатель? Весна на дворе, кто сейчас зверя бьёт?

— Стал быть, бьют. — Чубаров оглядывает двор. — Выходит, не желаешь по-хорошему?.. Эй, ребята, крикните Зуду! А ты, Андрон, вяжи своих собак, чтоб не мешали.

«Зуда? — скрипит зубами Андрон. — Как же я прозевал? — Думал убрать и забыл! Ах ты, чёртова собачонка! Продаст ни за грош ни за копейку!»

— Собаки — не помеха. — Он цепляется за последнюю возможность. — Пусть бегают.

— Так и запишем. — Чубаров берёт карандаш, бумагу. — Гражданин Трухин срывает задание областного охотничьего хозяйства.

— Мавра, привяжи кобелей! — цедит Андрон. Зуда — бездомная дворняжка — была знаменит тем, что в любом месте отыскивала мясо. Не один браконьер пострадал от её нюха, большие штрафы платили хапуги. Били, травили, вешали Зуду обозлённые мужики. Она ж была на удивление живуча, прямо-таки бессмертна. Убегала с обрывком петли, зализывала раны, спасалась травами...

Приземистая, косолапая, с отвислым животом, Зуда поводит носом, принюхивается к ветерку. То поднимает, то опускает ушастую голову.

— Ищи, Зуда, ищи! — подбадривает Чубаров.

Дворняжка бежит вокруг дома не задерживаясь. С ходу прыгает в огород, дальше — за баню. Останавливается в бурьяне, поглядывает на Чубарова.

— Значит, здесь, — определяет Алексей, — в погреб. Неси, Трухин, лопату.

— Ещё чево? Может, копать заставишь?

— И заставлю! — строжает Чубаров. — Будешь

сопротивляться — срок получишь. Советую не напрашиваться.

Андрон и сам понимает: шутить с гостями не приходится. Лучше отделаться штрафом, чем сидеть за решёткой.

Трухин срывает дверку, открывает подполье. Вдвоём с Чубаровым вытаскивает большие куски мяса. Такие большие, что непонятно, как он мог один привезти их из лесу. Синчук фотографирует Андрона рядом с сохатиной. Этого Трухин не ожидал. «Теперь не открутишься, второй раз ловят, гады!»

Чубаров бросает Зуде солидный кусок — она честно заработала обед.

Протокол составляют на месте, подписывают все трое. К удивлению председателя, Трухин ставит подпись безоговорочно. Никогда ещё Андрон не расписывался в своём браконьерстве.

— Мне-то что делать? — изнывает бабка.

— Приложи руку, — подаёт карандаш Чубаров.

— Я только крестиком, — предупреждает старуха. — Пойдёт крестик?

— Ставь. — Чубаров обращается к браконьеру: — Андрон Трухин! На основании постановления правительства ты подвергаешься штрафу в установленном размере. Как платить будешь? Через суд или прямо в сельсовет?

— Некогда мне по судам таскаться!

— Так и отметим: в сельсовет, — записывает Чубаров. — Распишись ещё раз.

Не заметно, чтоб Трухин волновался. «Ну что ж, — думает, — сегодня ваша взяла, завтра мой верх. Не в первый раз и не в последний».

— Бросай, Трухин, нечистые дела. — Алексей

кладёт протокол в сумку. — Ещё раз попадёшься — тюрьмы не мишуешь.

— Не пугай, председатель! — Андрон отпускает собак. — Сделал дело — иди на все четыре. Я могу сесть, а ты — лечь. Тайга большая, молчаливая.

— Это что — угроза? — Синчук вплотную подходит к Трухину. — Правильно я вас понял?

— Не угроза — предупреждение.

— Всё равно. В таком случае, придётся вам явиться в охотинспекцию. Вызов пошлю почтой.

— Некогда мне ездить! — хрипло огрызается Андрон. — И вот што: катись отсюда, пока собак не натравил!

— Не пугайте, Трухин, не боимся, — сдерживается Синчук. — Чубаров, оформляй дело в суд.

Вот всё как повернулось. Не брякни он лишнее слово, обошёл бы штрафом. Дёрнул чёрт за язык: «Тайга большая...» Пошёл молоть. Теперь кто что ни сделает — подумают на Андрона. «Ругался, скажут, грозился...» Эхма, голова ненутёвая!

Петя с Малышом не знали, что происходило на Андроновом дворе. Увидели, как уходили Чубаров с Синчуком. Бабка Феня за ними — не дождалась чаю.

— Зачем они приходили? — спрашивает Петя брата.

— Не знаю.

— Зачем Зуда прибегала?

— Ничего не знаю, не приставай! Ни про Зуду, ни про Чубарова. Без нас разберутся.

— Ты почему злой?

— Не суйся не в своё дело... Где лоза?

— Лоза? — вспоминает Петя. — Я, понимаешь, сохатёнка мыл. Сам искупался. Вода холо-о-дная!

— «Холо-о-дная»! — сердится Максим. — Когда

я тебя к порядку приучу? Оплетать падо, а он купаться вздумал.

— Видишь? — Петя жалуется сохатёнку. — Из-за тебя мне попало. Пошли обратно.

Встреча с Чубаровым испортила настроение Бормашу. Засосало под ложечкой, застучало в голове. Чем больше он думал, тем больше мрачнел, заговаривал сам с собой: «Прижмёт теперь Андроха, не даст проходу. «Вы, скажет, донесли, кто более». Мда, такое дело...»

Похлебав щей, надвинув на глаза блин-кепчонку, конюх молча отправляется к своим соловым. Идёт мимо Трухиных, а на крыльце как раз покачивается пьяный Андрон. Успел приложиться к бутылке. Заметил Бормаша, манит согнутым пальцем.

— Что, старик, тук-тук? За моё-то добро?

— Никому не говорил, Андроха! — крестится Бормаш. — Истинно слово, как на духу!

— Дорого достался мне тот кусок. — Трухин спускается с крыльца. — Считаю, тысячу целковых. Значит, и про лосёнка тук-тук? Говори, дед, не увиливай! Всё одно дознаюсь!

— Что ты, что ты! — трясётся старик. — Хошь побожусь?

— Шкура ты, дед! — Андрон сжимает кулаки. — Как есть шкура! Ну погоди! Попомнишь ты у меня сохатиху! И гадёныши твои вспомнят. За мной не пропадёт...

Бормаш совсем падает духом, начинают слезиться глаза, дрожать губы. «Господи, воля твоя, за что?.. Сохрани и помилуй, господи!..»

— Как хошь, Андроха, а моя правда. И ребятишки — ни-ни! Ни Макса, ни Петруха. Помяни моё слово: никому не сказывал! Подсмотрел кто-нито, не иначе.

— Ты один видел, ты и дошёл! — скрипит зубами Андрон. — Из наших никто не стучит. Только вы, пришлые! Ну погодь! Сынок твой не миновал беды, авось и тебя не обойдёт... Иди да помни!

У старика вдруг тяжелеют ноги, он шаркает ими, пылит, проклиная тот день, когда увидел Андрона с сохатихой, тот час, когда согласился взять сохатёнка, проявил слабость.

К вечеру уехал в город Володя Синчук. А через неделю пришла бумажка — Трухина вызывали в охотинспекцию.

Новый загончик правится сохатёнку. Он и выше, и просторней, а главное, безопасней. На загончик зло поглядывают Андроновы собаки. Лают и лают, как на лесного зверя. Скорей бы вырастали рога, тогда б он расправился с ними.

Малыш, конечно, не знает, когда у него вырастут рога. А появляются они у сохатых через полтора года. В феврале под кожей поднимаются небольшие бугорки, по-местному — опупки. В конце марта показываются первые молодые рожки — сойки. Это как молочные зубы у человека. Через три года сойки заменяются настоящими рогами — лопатами. Так что не скоро дождётся сохатёнок своего оружия.

С берега Черемной, по каменистой крутизне, поднимается ватага ребятишек. Двоих сохатёнок знает: его спасители, Петруха и Макса — так зовёт их дед Лукьян. За Максой и Петей тянется Славка Первушин, по прозвищу Полжирафа, — сын сельского тракториста. Рядом хромает Чубаров Стась — ребята зовут его Чубарёнком, и Шишкин Лавря, прозванный Плывунцом.

В прошлом году Лавря хотел на спор переплыть

Большую протоку. Доплыл до середины, устал, захлебнулся, начал пузыри пускать. Максим Саранин помог ему дотянуть до берега. «Ну и пловунец», — сказал кто-то из ребят. А Лавря сел на траву и заплакал. Не потому, что тонул, а потому, что просибрил красивый ножик с двумя лезвиями.

Славка Первушин лезет между жердинками, приседает на корточки. За ним проползают Стась и Лавря.

— Смотри, все ноги белые! — Стась тянется к сохатёнку. — А почему бинты? Он раненый?

— Ноги сбиты. — Петя разматывает тряпки. — Теперь зажили.

Лосёнку неясно, о чём говорят ребята. Этот длинный, видать, задира. Чубарёнок — добрый, Малыш это заметил в первый день, когда лежал в старом загончике. Лежал, прикрыв усталые глаза, не сразу увидел мальчишку с охапкой травы. Он шёл осторожно, шёл и оглядывался, словно своровал что. А Стась просто нёс траву ему, лосёнку. Малыш решил схитрить: не открывать глаза, не шевелиться. Стась кинул траву в загончик, похромал обратно.

Трава пахла резко, остро, кружила голову. Если бы он умел считать, насчитал бы много всяких запахов. Как жаль, что он не может её есть, ещё рано.

— Ого, какие ходули! — одобряет Лавря. — Большую протоку свободно перебередёт.

— Не как ты, не утонет.

— Живот белый? — приглядывается Славка. — У коровы не такой.

— Сравнил: то корова, то сохатый!

— Ладно вам спорить! Пошли купаться!

«Купаться» — это слово знакомо лосёнку. Ещё как! Петя каждый день говорит: «Пошли, Малыш,

купаться». Надевает узду, берёт мыло, мочалку, шагает впереди. Идёт не оглядываясь, знает: Малыш не отстанет.

.. Мыло и мочалка нравятся лосёнку, узду невзлюбил с первого взгляда. Максим сплёл из верёвок, другого ничего не было. Узда больно тёрла морду, шею возле подбородка. В первый раз он взбрыкнул и убежал за огород. Посердился, но пришёл. Петя хотел бежать за ним, брат не разрешил. «Надо, чтоб он знал твой характер», — сказал Максим.

Два дня мучили друг друга Петя и сохатёнок. Полпачки сахара съел Малыш. Даже хлеб с мёдом пробовал. Петя достал мёд у бабки Фени. «Тут я, милёпок, тебе не помощница, — сказала бабка про узду. — Как ни есть — мужицкое дело». На третий день Малыш сдался. Не правилось, а терпел.

Ребята по очереди пробуют обкатать лосёнка. Да не тут-то было!

— Малохольный! — хохочет Стась. — Крепко Лаврю отутюжил!

— Ну-ка, Максим! — просит Славка.

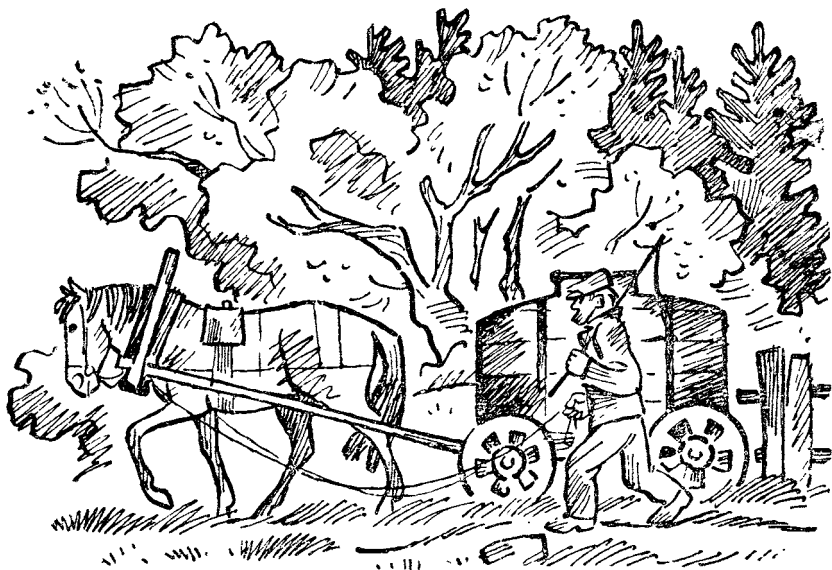
Тут уж так: тут каждый должен пробовать. Максим — хозяин, его сохатёнок не может не послушать. А если нет? Вот будет смеху!

Малыш спокойно поддаётся старшему брату.

— Вперёд! За мной! — Славка срывается с места. — Кто последний, тому воду греть!

НОЧНАЯ ТЕНЬ

В четыре часа, по туману, раздаётся первый свист кнута, первый щелчок. Пастух, в старой шляпе, с холщовой сумой, кричит на пёстрое стадо:

— Нну-у! Пошли, пошли!..

На этот крик выходят от Сараниных корова с тёлкой. Корова рогами открывает калитку. Обе проходят, не глядя на Малыша. Они относятся к нему холодно, видят в нём квартиранта. «Мы-то здесь постоянные кормилицы, а ты — залётный гость. Терпим твою физиономию потому, что хозяева тебя любят. А молоко пей, не жалко».

Вот как бы они сказали, если б могли говорить.

В семь утра поднимается дед Лукьян. Смотрит на загончик, качает взлохмаченной головой. Почему качает, почему не подходит ближе, сохатёнок не знает. Конечно, обидно, что старик Лукьян мало им интересуется. Но если разобраться, у него своих

дел выше макушки: лошади, Карька, телега, бочка. Половина деревни ждёт воды от Бормаша.

Петя встаёт вслед за дедом, выскакивает в майке, в трусиках, смотрит на небо, на солнышко, улыбается утру. И — к пему, в загончик: «Малышок! Пошли купаться!»

В это утро Малыш гуляет с Максимом. Максим тоже хороший, но не такой забавный. Часто бывает серьёзный и грустный. Особенно когда Петя начинает разговор про мать и отца.

Не всё понимает лосёнок про их отца с матерью. Куда-то они делись, так же как его мать-лосиха.

Максим натягивает трусы и майку, вызывает Малыша из загончика. Надевает уздечку, берёт в руки сыромятный повод. Уздечка кожаная, украше-

на медными бляшками, — Славка смастерил из сыромяти, что нашёл в отцовских запасах. Его отец — карымчанин, русский по отцу, бурят по матери, — имел пристрастие к лошадям, не прочь был иногда сменить стального коня на живого. Раз в полмесяца выпрашивал у Бормаша лошадку, скакал по юмурченским долинам, отводил душу. Не стал отец возражать, разрешил изрезать на ремешки сыромятную кожу. «Не дам, тайком ведь возьмёшь, знаю, сам таким был. Сохатёнку, говоришь? Ну что ж, бери».

Бляшек у Славки не было — выпросил у деда Лукьяна. Пришлось Бормашу поснимать кой-какие с лошадиных уздечек. Снимал неохотно, потому что решил загодя: не жить сохатёнку на белом свете, не сегодня-завтра порешит его Андроха. Уздечку присвоит, и бляхи пропадут.

Пусть дед думает как хочет. А сохатёнку хорошо: уздечка мягкая, не трёт. Дёрнут за повод, совсем не больно.

Максим ведёт Малыша на Черемную, моет мылом и мочалкой. Прохладно утром, дрожко, а всё ж приятно. Вот сейчас бы поиграть в прятки, в догоняшки. Вчера Петя придумал новую игру — скакалку.

Нет, Максим сегодня не хочет играть. Он садится на высокий берег; отсюда виден частокол зверофермы, белые вольеры, кухня и ледник с вытяжной трубой. Если повернуть голову вправо, увидишь сосновый сруб в три венца, услышишь стук топоров, жужжание пил. Это юмурченцы строят новый дом бабце Фене.

Плотники ставят сруб на том же погорелом месте. Так пожелала сама бабка. Место здесь весёлое, лес рядом. Тут тебе и лужайка, и родничок. Вода

всегда холодная. Вкусная вода. Сюда Петя водит Малыша, понт ключевой водой. Не из родника, конечно. Берёт ковшик, ведёрко. Бабка Феня всегда на месте: прицелится глазом, тут пощупает, там потрогает. Малыш — ничего, доверяет. Потом бабка скажет: «Дам я тебе травки одной, хороший рост от неё и крепость. Ногам и рукам крепость... Тьфу! Нет у него рвк-то!»

Смешная бабка Феня, добрая.

Сорок лет прожила в старой избе. С одной стороны, вроде худо, что изба сторе́ла, с другой — вроде хорошо: новую поставят. Просторную, с большими окнами.

Просторную не надо бы, куда ей одной... Но тут общество настояло, Чубаров особенно: «Живи, бабка Феня, ты у нас первая поселенка». Согласилась: пусть будет, как люди хотят.

Максим отпускает сохатёнка, долго смотрит на звероферму. Она памятна ему недоброй памятью. Он любит её, потому что была отцовой, и ненавидит, потому что из-за неё осиротели они с Петей.

В Юмурчен Саранины приехали в позапрошлом году. Раньше жили под Читой, за Яблоновым хребтом. Отец Максима, Егор Саранин, был хватким звероводом, знал тайгу, охоту, рыбалку. Мечтал сделать звероферму лучшей в районе, потому что любил лис, изюбрей, сохатых — всех таёжных зверей. Нравилось ему ходить по тропам, перебрывать реки, спать в палатке, варить на костре похлёбки, жарить рыбу на рожне. Всё умел делать Егор, многое знал о жизни зверей и птиц. И всё старался передать детям.

Юмурченская звероферма славилась песцами и лисами. Саранину предложили заведовать ею. Он согласился не задумываясь. Максим и Петя — одно-

му было девять лет, другому шесть — очень обрадовались переезду. Ох как надоели им болотистые места, редколесье! Да к тому ж ни ручейка, ни речушки. А в Юмурчене река так река — Черемная! Наверное, от слова «черёмуха»? Выходит, и черёмуха есть?..

Лишь старому Лукьяну не хотелось трогаться с обжитого места. Прирос, привык... За селом похоронена старуха — хоть и мёртвая, а не пускает. Но и одному оставаться какой толк? Так и согласился попытать счастье в неведомых краях.

На Черемной Сараниных приняли по-свойски. Председатель колхоза поселил их в хорошую избу, выделил корову, разную живность. А потом Егор построил свой дом. Расторопная жена Даша успевала управляться дома и на ферме.

Звероферма зажила, «зановела», как сказал председатель. Он не жалел денег, а Егор — молодых сил.

Тайга была рядом, речка под боком. Всего было вдоволь: рыбы, мяса. Песцы и лисы не обижались на питание, росли, матерели. В свободное время Егор уходил с ружьём в горы, плавал в верховья Черемной, научился рыбачить спиннингом. Всё было дремуче-просторно, любопытно.

За весну и лето Саранины сумели подновить ограду, работали всей семьёй: и Егор с Дашей, и дед Лукьян, и Максим с Петрухой. Починили старые вольеры, стали строить большой холодильник. На второй год звероферма вышла в передовые. О Егоре стали говорить: «Молодец... Хороший работник».

И вот наступила страшная прошлогодняя осень. Дожди шли весь август, половину сентября. Черемная сдурела, поднялась на четыре метра. Выплеснулась из берегов, разлилась по долинам. Зверо-

ферма очутилась на затопляемом острове. Такого не случилось лет двадцать.

Отец затревожился, забегал по селу. Нужно было спасти песцов и лисиц, всё хозяйство фермы.

Председатель дал Егору моторку, назначил в помощь трёх колхозников. Они сразу переправились на лодке, стали снимать клетки.

Лисы чуяли близкую воду, метались, лаяли, выли, бросались на людей, рвали одежду, царапали руки. Песцы вели себя смирней, но тоже волновались.

Зверьков начали вывозить ранним утром. Отправлять решили на высокий берег, рядом с домом Сараниных. Надо было перевезти сто пятьдесят клеток, а в лодку входило не более шести. Значит, Егор с Дашей должны сделать тридцать рейсов туда и обратно. Вода прибывала, и они торопились.

До обеда сплавали десять раз, после обеда — столько же. Оставалось не так много, но оба устали, особенно Даша.

Егор попросил у председателя кого-нибудь в помощь. Тот подумал, сказал:

— Пошлю с вами деда Кукшу, дам ещё моторку. Должны успеть до ночи.

Дед Кукша, колхозный рыбак, вчера только приехал за продуктами. Продукты были предлогом: просто хотел пожить в селе. Хотел отдохнуть, а пришлось работать.

Они сплавали трижды, получилось шесть рейсов. Нужно было вывезти ещё двадцать клеток.

Дед Кукша сказал:

— Оставим до завтра.

Егор не согласился:

— Вывезем все.

— Темно. — Дед взглянул на небо. — Дождь пойдёт, а может, снег.

— Успеем. — Саранин прыгнул в лодку. — Давайте торопиться!

Вывезли ещё десять клеток. Оставался единственный рейс. Пришёл председатель, посмотрел на измотанных людей, сказал:

— Хватит, Егор, дед устал, Даша едва на ногах держится. Авось обойдётся до завтра?

— Вывезем! — Егор бросил окуроч. — Зверей жаль, и колхозу убыток... Садись, Даша. Заводи мотор, дедушка. Ещё один рывок — и баста!

Последним рейсом плыли затемно. Кукшинская моторка шла впереди, за ней метрах в ста — Егор с женой. На середине реки, на быстрине, лодка ударилась обо что-то, сильно, с остановкой. Крикнув, Даша отлетела к корме, упала возле Егора. Верхние клетки посыпались в воду.

Егор вскочил на борт, пытаясь схватить одну из клеток. Руль повернулся в ту же сторону. Лодка качнулась, зачерпнула воду бортом, пошла на дно.

Даша испугалась, очутившись в воде. Егор закричал: «Держись!» Она не слышала.

Егор догнал её, поплыли вместе, сколько хватило сил. Он держал жену, кричал, изнемогая: «Крепись, скоро берег!»

Егор не знал, что плыли они посередине реки.

Он не боялся ледяной воды, тянули вниз тяжёлые рыбацкие сапоги. А Даша совсем зачеловечилась.

Они удержались бы за коряжину, на которую наткнулась лодка. Плыли почти рядом, но не увидели...

...Сколько времени Максим сидит на берегу? Час, два, три? Солнце греет жарче, теплеет ветерок. Плотники сели отдыхать, закурили. Зверовод на ли-соферме разносит чашки с сохатиным мясом, отоб-бренным у Трухина. Внизу дед Лукьян помо-гает Карьке везти бочку с водой. На той стороне, в заливчике, трое рыбаков тянут старенький бре-дешок.

Малышу тоже становится грустно. Он уже дважд-ы подходил к Максиму, легонько тыкал мордой в спину: «Пойдём поиграем, — просил, — хоть в прят-ки, хоть в догоняшки. Только не в скакалку, эту игру я не люблю».

Максим не слышит, молчит и думает, молчит и думает. И всё смотрит на тот берег.

Ветерок приносит ребячьи голоса, знакомые за-пахи. С пригорка спускается Славка — от него всег-да пахнет луком, Стась любитель грибов, Лавря с утра ел копчёную рыбу. И — Петя! Ну конечно, в его кармане сахар!

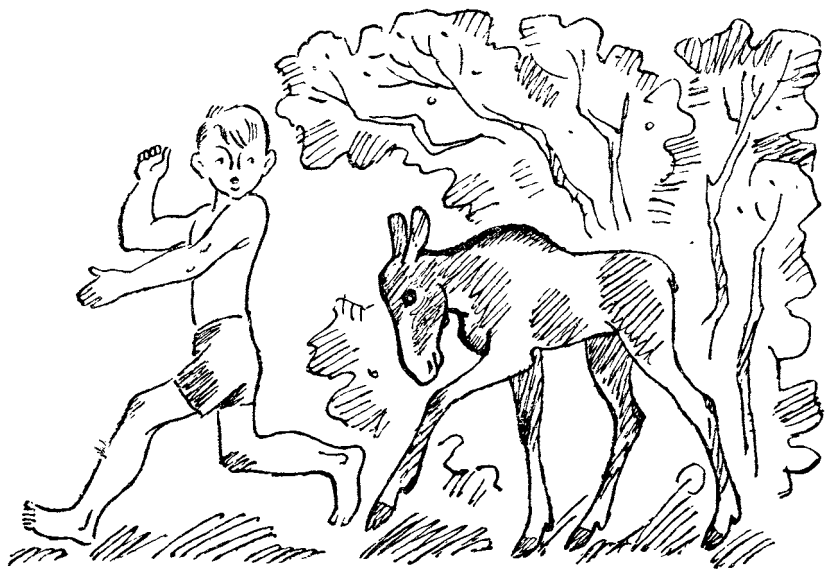
Нет, не ошибается остроухий сохатёнок, не под-водит его чуткий нос. Вот они близко. Идут, кричат па всю деревню. Что у людей за привычка кричать друг другу, надрывать горло... Глухие, что ли? Зве-ри тихо разговаривают, а всё слышат, понимают.

— Малыш! Малыш! — зовёт Петя. — Ко мне!

Сохатёнок взбрыкивает на месте, вскидывает ноги быстрым, быстрым ходом. Не как жеребёнок — сразу в скок, не как телёнок — враскачку-вразвал-ку. Своим ходом — резвым, упругим. Таким, что ни телок не догонит, ни жеребёнок.

— Молодец, Малышок! — Петя суёт ему кусок сахару.

— Ну и жарница! — отдувается Славка. — Мак-сим, окунёмся?

— Малыша плавать научим, — предлагает Стась.

— «Научим»! — смеётся Лавря. — Хочешь знать, он лучше нас плавает!

— Сказал! Он же маленький! А маленькие не умеют.

— Разбиваю! — подскакивает Славка. — Люблю, когда спорят. Кто проиграет — рвёт горох в Андроновом огороде.

— Согласен! — петушится Лавря.

— Согласен! — бьёт себя в грудь Чубарёнок. — Сейчас увидишь!

Славка знает: спор выиграет Лавря. Недавно видел он в сельской библиотеке толстую книгу про зверей. Вычитал про одного сохатого, который пе-

реплыл Финский залив, а ширина залива — двадцать семь километров. Ну понятно: если большой умеет плавать, маленький — тоже.

Ребята спускаются к Черемной, сбрасывают майки, шлёпаются в воду. Первушин плывёт на середину, поднимает длинные руки, кричит дрожащим голосом: «То-ну! То-ну-у!»

Все знают: дурака валяет Славка.

Окунувшись, Стась гонит сохатёнка в воду. Малыш упирается, наклоняет голову, даёт ему под зад. Ребята захлёбываются от смеха.

— Съел, Чубарёнок?

— Поддай ещё, Малышок!

— Ничья, — разводит руками Стась. — Упрямый, как наш козёл Борька.

Нет же, совсем не упрямый Малыш! Просто ни разу не купался. Где мыло, где мочалка? Тут он будет стоять не шелохнувшись.

— Как бы не так! — выныривает Славка. — Ждите!

Он бежит в гору, торопясь, подпрыгивая, сгибаясь от чрезмерной высоты.

— Куда, ненормальный? — кричит Чубарёнок.

— За соской, — догадывается Лавря.

Сметлив Лавря-пророк: угадал, как в воду смотрел. Славка возвращается с бутылкой молока, с бабкиной соской. Подходит к сохатёнку, тычет в рот; помедлив, вынимает обратно. Малыш делает два шага, Славка отступает к реке. У самого берега даёт ещё пососать, входит в воду, дразнит бутылкой.

— Бышка! Бышка! Плыви! Плыви! Пусть Стась проиграет, Лавря выиграет!

Славка входит в воду, Малыш стоит на берегу. Дальше — ни с места. Ни Стась, ни Лавря никак не могут дозваться.

— Говорю — ничья! — радуется Стась. — Никого не послушает.

— Малыш! Ко мне! Ко мне! — кричит Петя.

Он не знает, пойдёт сохатёнок — не пойдёт. Крикнул — и всё, захотел проверить. А сдвинулся! Одну ногу мочит, другую. Дрожит-подрагивает, шевелит мускулами. Останавливается, смотрит на Петю.

— Ко мне, ко мне, Малыш!

Лосёнок опускает голову, нюхает воду. Ничего страшного.

— Смелей, Малыш, смелей!

Раз! Два! Хлюп! Хлюп! — поднимает ноги. Вода по колено, по брюхо. Дрожко, холодно... Хлюп! Хлюп! Бух!..

Бух в яму, по самую хребтину. Одна голова торчит с ушами. Заработал ногами — легче. Совсем не холодно и приятно. Фыркает, прижимает уши. Не от страха — от неизвестности. Плывёт как ни в чём не бывало. К Пете плывёт.

— Ура-а! — подпрыгивает Лавря. — Проиграл Чубарёнок!

В третьем часу ночи Стась забирается в огород Андрона.

Он заходит от реки, от бани, от того места, где Зуда нашла сохатиное мясо. У бани Трухин посадил две грядки табаку — в тайге он больше курит самосад, — четыре грядки лука-ботуна. Лук и табак поднялись вполовину. Ближе к дому растут помидоры, капуста, в середине — зелёная гороховая роща. Ни у кого нет вкуснее гороха, чем у Андроновой Мавры. Никому не даёт Мавра семян. Говорит, если даст, у самой не будут расти.

Женщины понимают по-другому: не даёт потому, что жалко.

Догадливый Стась обмотал ноги тряпками. Как бы ни хотел Трухин, всё равно не узнает, кто побывал в огороде. Разве собаки учуют, но и к этой встрече готов Чубарёнок: есть в кармане кусочки сырого мяса. Какой бы злой ни была собака, от мяса не откажется.

Ночь сегодня душная, тёмная, чёрные облака надолго укрыли небо. Ветер утих с вечера, и это на руку: меньше будут чухать собаки.

Потихоньку ползёт Стась между грядок, опирается о землю не ладонями — кулаками. Сообразил парень: по ладони можно примерно определить, чья рука. А тут попробуй догадайся: земля песчаная, расползается под руками.

Грядки с табаком и луком позади. Чубарь проползает мимо капусты, натывается на плети гороха. Ложится на спину, ощупью подбирается к стручкам, рвёт, суёт за пазуху. Скользкие стручки холодят тело. Ёжится, по терпит.

С каждой минутой пухнет рубашка. Стась торопится, набивает и за спину. Пожалуй, хватит, пора ползти обратно. Но тут он замечает, как в летней кухне вспыхивает тусклый огонёк. Чубарь прижимается к грядке.

«Неужто учуял Андрон?»

Как жалеет Стась, что он хромоногий...

Надо отступать по той же дороге. Можно повернуть вправо, к огороду Сараниных, поднырнуть под жердину, спрятаться в коровнике. Быстро и надёжно. Стась отползает в сторону, видит, как гаснет свет, слышит скрип кухонной двери, тяжёлые шаги Трухина. Высокая тёмная фигура движется в ту же сторону.

«Зачем? — напрягается Стась. — Что он задумал?»

Стась ползёт из всех сил, не разбирая ни межей, ни грядок. Скользит по холодной ботве, озирается на тень. Вот и она, изгородь. Чубарь ныряет между жердин, пригнувшись, хромает к дому Сараниных. Ещё раз оглядывается на Трухина. Тот останавливается у чердачной лестницы. В руке его чернеет связка шкур.

Чубарёнок замедляет шаг, успокаивает сердце. Интересно, долго ли будет на чердаке Трухин? И что он делает? Шкурки прячет?

Поднявшись, Андрон ныряет в глубь чердака. Стась переводит взгляд на сохатёнка. Тот лежит в углу, повернув голову к ногам. Излюбленная поза Малыша. Даже во сне он шевелит ушами. Шевелит, а не слышит, что возле него сидит человек.

Если бы сохатёнок не спал, можно было б дать ему гороху. Ладно, завтра угостит при всех ребятах.

Андрон появляется не скоро. Спустившись на землю, прихватывает лестницу. Тоже хитрый ход: без неё на чердак не заберёшься.

«А руки у него пустые, — размышляет Чубарёнок. — Выходит, вправду прятал шкурки. Наверно, соболиные».

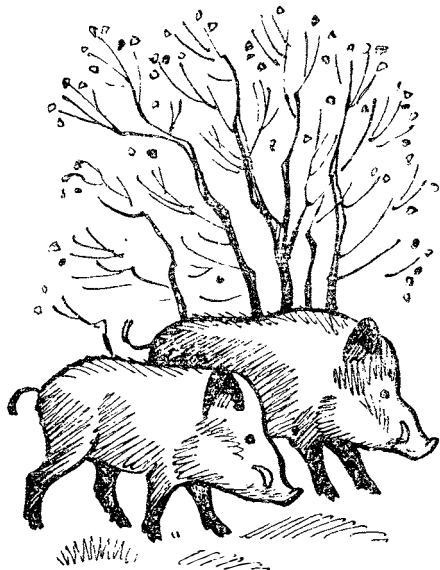
ВЫЗОВ

В глухую ночь, когда Стась крал горох, Малыш видел сон.

Снова снилась мать: она лежала в густом сосняке, на зелёно-бархатистом мху. Сохатиха поит его синеватым молоком, лижет лоб, грудь, шею.

Малыш по очереди сосёт из двух задних сосков. Вымя становится тощим и дряблым. Тогда сохатиха поднимается на час-другой, цасётся недалеко, торопливо щиплет сочную траву.

Она отходит дальше, дальше, но так, чтоб видеть его. Уходя, наказывает лежать, не подниматься. Не подниматься, что бы ни случилось.

Другие матери не знают, сколько погибает малышей из-за неосторожности. А она знает и потому учит: затаись и жди.

Как же стать незаметным? А вот так: не шевелись; протопаёт медведь — замри, мелькнёт рысь — не дыши. Хорошо, что он послушный, никогда не нарушает материнскую волю.

Вдруг сохатёнок услышал треск кустов, увидел прыгающую мать. Она то прыгала, то замирала невдалеке от Малыша. Такой танец он видел впервые. Ему стало забавно и боязно.

Из-за кустов вышел человек. Зверь и человек, казалось, играли в прятки, пока человек не понял, что перед ним мать-сохатиха и танец её — природная хитрость.

Мать, прыгая, тревожно смотрела в сторону Малыша. Он понимал, что это означало: лежать, ле-

жать, лежать! И не только. Лежать не шевелясь, замереть не дыша!

Человек не стал гнаться за лосихой. Повернул в другую сторону, скрылся в кустах.

Мать похвалила сына за выдержку, облизав особенно тщательно...

Сон длился долго, с перерывами; мать то терялась, то находилась. Она стала мычать тонко-тонко, как тёлка Красуля. На самом деле так и было. На дворе давно рассвело. Красуля почему-то задержалась, подошла к загончику, начала мычать. Мычала до тех пор, пока Малыш не проснулся, не встал на ноги. Может, ей хотелось вместе походить по лужайкам, а может, вообще подружиться и всё время гулять вместе.

Малыш не проявил никакой радости. Траву есть было рано, гулять — тоже. Красуля ушла, а Малыш снова лёг и закрыл глаза.

Этот день был несчастливим для Сараниных. Привезли старика Лукьяна с ушибленной ногой. Дня три назад председатель колхоза послал охотников в тайгу напилить лесу для повой школы. Бормаш отвозил рабочих на дальнюю лесосеку. И вот случилась беда. Как и почему, не очень понятно. Говорят по-разному, а сходятся на одном: Трухина рук дело.

Чубаров с Первушиным снимают старика с телеги, вносят в избу.

Голова Лукьяна откинута, в жёсткой бороде торчат зелёные былинки. Тонкие руки скрестились на впалом животе.

— Деда, деда! — Петя подбегает к постели. — Ты упал, да?

— Упал, Петруха. Не повезло, малина-ягода...

— Сломал ногу? Больно тебе?

— Ничего, оклемаюсь... Максимка, сходи за бабкой Феней. Иль ты, Петруха.

— Я, дедушка, я! — Петя бросается к двери. — Сказать, чтоб травы дала?

— Скажи. Она знает какой. Мол, от ушиба... Она знает.

Максим снимает с кровати одеяло, укрывает дедовы ноги. Чубаров подкладывает вторую подушку.

— За старшего ты теперь, Максимка! — Лукьян вытирает глаза. — Невезучие мы, ох, невезучие!..

— Как же ты, Лукьян? — печалится председатель. — Мужик вроде поворотливый, а не убе-рёгся.

— Оно так: счастье — на крылах, несчастье — на костылях... — охает старик. — Не подфартило. Одно слово — беда.

— Тут, Алексей, дело нечисто. — Первушин прикрывает дверь. — Говорил мне возчик, будто Андрон нарочно бревно уронил, когда в штабеля складывали. Будто тяжело ему стало, оп и отпустил. А Лукьян держал, да не выдержал, бросил тоже, да на свою ногу...

— Так, Лукьян, было дело?

— Кто его знает... — охает старик. — Упало и упало. Со всяким могло случиться.

— Слушай-ка, — догадывается Чубаров, — не видал ты, как Трухин сохатиху убил?

— Не случилось, Лексей, не пришлось, — отворачивается Бормаш. — Да и что мне: убил — убил, его дело — его ответ.

Максим хотел сказать: «Как же, дедушка, мы видели!» Но что-то вспомнил, промолчал, будто не слышал.

— Загадка! — ерошит затылок Чубаров. — Как же Синчук пропюхал?

— Не знаю, не ведаю... — охает старик. — Охо-хо! Нога-ножешка, что со мной теперь будет? С ребятами как теперь?

— И ты, Алексей, не знал? — удивляется Первушин.

— Сном-духом не чуял. Приходит Сипчук утром, спрашивает: «Почему, председатель, законов не соблюдаешь? Вчера браконьер сохатику застрелил, а ты ухом не ведёшь?» — «Не может быть, отвечаю, ничего не замечал». — Пойдём, говорит, заглянем к Трухипу, может, свеженинкой угостит?» Так и вышло, стрелил мужик сохатику... Слушай, Лукьян, — начинает догадываться Чубаров, — откуда у тебя лосёнок?

— Малыш-то? — медлит Бормаш. — Значит, как нас председатель послал за мохом, в тот день и нашли на берегу. Ребятишки увидал. Ох, ох! Грехи мои тяжкие!.. Што бабка-то не идёт?

— Мясо у Андрона на второй день взяли? — вспоминает Чубаров.

— Кажись, на второй. Не помню, Лексей, ох-хо, не помню!..

— Так, — ищет зацепку Чубаров. — Когда я хотел тебя в полаты пригласить, ты ужом, ужом! Ох, крутишь-вертишь, Лукьян. Не зря, видать, Андрон с бревном-то...

Подозрение Чубарова пугает Бормаша. «Не дай бог, откроет секрет, тогда совсем недобровать. О мясе узнает. Хоть не пользовался, а брал. «Способник браконьера, скажет, вот ты кто!» Статью прилепит. А ребята, ребята как?.. Ох-хо!..»

— Не видел, — твердит Бормаш. — Разве не понимаю...

— Ты лежи, Лукьян, не волнуйся, — успокаивает Первушин. — Как бы ни было, в обиду не да-

дим. Ребятишек — тоже. А тебе, Алексей, скажу: надо приструнить Трухина.

— Да уж куда больше! Тысячу рублей заплатит.

— Тысяча для него не забота. И две отдаст. Надо морально нажать.

— Как это — морально?

— А так: созвать поселковое собрание, пропеть, предупредить: повторится — вон из села!

— Можно попробовать, — соглашается председатель. — Поговорю с народом.

Бабки Феи дома нет. Петя с сохатёнком дважды обходят огород, баньку, сосновый лесок — он совсем рядом. Лосёнок просит по привычке ключевой воды. Она такая жгучая, что ломит зубы.

— Что будем делать, Малыш?

Если бы он умел говорить, сказал бы: «Надо ждать. — И добавил бы: — Бабка Фея старая, значит, далеко не уйдёт, где-нибудь у соседей. Сидит, пьёт чай, разговаривает».

Но Малыш ничего не сказал, только мотнул головой.

— Посидим, подождём, — решает Петя.

Сидеть Малыш не может, это каждому ясно. Побегать, попрыгать — с большим удовольствием! Только Петя почему-то невесёлый!

А печалиться есть отчего. Прошлую ночь долго не мог уснуть. Больной дед ворочался, скрипел кроватью, что-то бормотал. Петя слышал отдельные слова: «Андрон... Малыш... сохатиха...» Опять бредит. Жалко Пете деда, не может смотреть на его слёзы. А теперь вот — сломанная нога. «Как же ты без меня, внучек...»

Максим лежит лицом к окну. Из окна сквозь щель пробивается голубой лучик, падает на стол, бежит по полу, прячется за печкой. Серый полумрак заполняет комнату.

Петя спит на маминой койке. Она стоит рядом с платяным шкафом. Спит чутко, просыпается сразу от скрипа, кашля, разговора.

Раньше Петя думал, что жизнь состоит из одних радостей. Как будто летишь на сапках с горки. Нет ни в чём запрета, ни отказа. Пошёл, куда захотел, сказал, что надумал. Попросил — дадут или купят. Провинился — поругают, поставят в угол. Не часто, когда соберут в кучу все грехи.

Отец был деловой, весёлый. Часу не пройдёт без затей. Летом в лес водил — птичек смотреть, зверушек.

Хорошо было с отцом. И с мамой тоже. Она вставала рано, пекла что-нибудь, жарила. Только проснутся, мама уже кричит: «Макси-и-им! Петушо-о-ок! Умывайтесь скорей, олады простынут!» А теперь? Запрет на запрете, отказ на отказе. Ослушался — предупреждение от деда, выговор от Максима. «Ты уж не шали, Петруша, пожалей старика. Одни мы теперь, заступиться пекому», — это дед говорит. «Петя! Сколько раз просил! Опять школьная сторожиха жалуется на тебя», — это Максимовы слова. Всё одно к одному: «Будь взрослым, води себя как надо». Строгим стал старший брат.

Незаметно Петя начинает думать о Трухине: «Хорошо бы Трухину письмо написать, чтоб оставил в покое деда. А то...»

— Пришёл, Петруша? — слышится бабкин голос. — Иду, смотрю — сохатёпок здесь, тебя нету. А вы што близнецы, один без другого никуда. Так пришёл, аль што пужно?

— Дедушка ногу сломал. Просил, чтоб травы принесли.

— Сломал, говоришь?.. — охает бабка. — Да как же это оп, старый? Ему б на печи лежать, а он в конюхи подался. Поди, с лошади упал? Скажи какой непутёвый! Травки, говоришь? Сичас найду травки...

Сохатёнок тут же крутится, возле бабки. Что-то не то делает бабка Феня, забыла про хлеб с солью. Шуршит травами, собирает в мешочек. Достает разные банки-склянки, всякие пузырёчки... А про хлеб не помнит. А он привык: пришёл в гости — подавай угощение!

— Ой, што ж это я! — вспоминает бабка. — Про тебя-то забыла! На-ка, на-ка, родненький! Ешь свой гостинец... Вишь ты, припасла, а забыла. Со старпом-то, с Лукьяном, затормошилась...

Малыш получает свою порцию, довольный отходит в сторонку. Он — деликатный зверь, не лезет в глаза, когда не нужно.

— Ну, где ты, Петруша? Пошли, што ли? — Бабка берёт нужный мешочек. — Пойдём лечить непутёвого деда...

Горох никто не стал есть. Отдали Малышу, тот пообедал с аппетитом. Первый раз в жизни отведал гороха.

— Зачем же я рвал? — обижается Стась.

— Спрашиваешь! — Славка жмёт ему руку.

Такой был разговор. А сейчас Петя идёт к Стасю по важному делу. Малыш плетётся за ним — неотступный телохранитель. Раньше юмурченцам казалось в диковинку, теперь привыкли: где Петя Сарацин, там лосёнок. Собаки и те перестали гавкать:

во-первых, надоело, во-вторых, попробовали его копыт. Одна шавка чуть не околела. Всё подбиралась к задним ногам. Малыш так двинул, что лежала два дня.

Стась в это время хромает по двору, гоняется за пёстрой курицей. Пеструшка вдруг стала петь петухом в самый обед. Сядут за стол, а она — «Ку-ка-ре-ку!».

— У нас была такая, — вспоминает Петя. — Попела и перестала. Знаешь, зачем я к тебе пришёл? Надо сочинить письмо про дядю Андрона. Такое, ну... ты знаешь какое. И про дедушку.

— А что про дедушку?

— Понимаешь, Трухин хотел придавить дедушку бревном. Когда на лесосеке были.

— За что?

— Не знаю... Славкин отец так считает. И твой.

— Сделаю, — обещает Стась.

Стась открывает сарай, там стоит тележка, покрашенная в голубой цвет. Тонкие оглобли подняты кверху, связаны ремённым чересседельником. Маленькая, точёная, похожая на игрушку.

— Это кому? — Сердце у Пети начинает прыгать. — Кому, Стасик? Малышу?

— А ты думал, вороне Машке? — Стась берётся за оглобли. — Отец только чуть-чуть помог. Приучим сохатёнка возить тележку. Будут приезжать из Москвы, из Ленинграда. — Стась поправляет несуществующее пенсне. — «Э-э... Расскажите, коллега, как вам это удалось?» — «А так, очень просто... Берёте в тайге сохатёнка...»

— А можно сейчас попробовать? — Петя дважды обходит коляску. Скажи, можно?

— А хмнут? — напоминает Стась. — Пойдём к Лавре, он, по-моему, тоже что-то маракует.

Лаврю ребята застают за шорным делом. Сидит на табуретке в зелёном фартуке с тесёмкой через шею, держит на коленях что-то полукруглое. И, согнувшись, кажется взрослым.

— Проходите, садитесь, — смущается хозяин. — Молока? Квасу?

— Не надо, — мотает головой Стась. — Покажи, что мастеришь... Хомут! — угадывает он. — Я же говорил!

— Хомут, — сознаётся Славка. — А ты тележку делаешь. Я видел.

Сохатёнок кланяется длинной головой. Не цирковой артист, понятно. В цирке делают всё ловчее. А сохатёнку это не обязательно, он будет рабочим животным!

— Слушай, что Петя говорит. — Стась обращается к Славке: — Надо письмо написать Трухину. А в нём предупредить, чтоб не трогал деда Лукьяна. И чтоб не браконьерничал. Согласен?

— Давай! — загорается Славка. — Я тоже придумал. Вот уж покрутится Андрониха!

Назавтра ребята собираются на тайный совет. Первушин рассказывает друзьям, что они придумали.

Первым делом — объявить войну браконьеру; вторым — держать андроновский дом под наблюдением; третьим — установить дежурство у Малыша.

— Надо выследить Трухина в тайге, когда он убьёт сохатиху. Поймать на месте. И тогда... — вставляет Стась.

— Фью-и-ить! — свистит Славка. — Расхрабрился парень после огорода. Он тебе в тайге такое покажет — родных не узнаешь!.. Петя! Неси карандаш с бумагой. — Славка придвигает к столу

скамейку. — Начнём так: «Вызов гражданину Трухину». Согласны?

— Пойдёт! — кивает Стась.

— Пишем. «Гражданин Трухин! Вы недавно застрелили мать-лосиху, когда совсем запрещают бить зверей. Поэтому вы ярый враг всей нашей природы...» Правильно? Идём дальше. «Гражданин Трухин! Вы покушались на дедушку Лукьяна, которого мы все любим. Значит, вы ненавидите не только зверей, но и людей! То есть в любое время вы можете напасть на человека». Ну, как?

— Голова! — завидует Стась.

— Про дедушку хорошо сказал. — Петя заглядывает в тетрадку.

— Все меня хвалят. — Славка переворачивает страницу. — Непонятно, за что двойки получаю... Так, дальше что?

— Гражданин Трухин! Бросаем вам вызов! — подсказывает Стась.

— Дописываем: «Гражданин Трухин! Бросаем вам вызов!» — Славка вырывает листок. — Подпись придумали?

— «Лесные братья»! — подсказывает Петя.

— Намалюй внизу чертячью рожу! — просит Стась. — Ну, лесные братья, кто понесёт?

Ребята дружно умолкают. Одно дело писать, другое — нести.

— Все храбрые в кустах? — насмешничает Славка.

— Давай по жребию. — Стась отыскивает четыре палочки. — Длинная идёт. Кто первый?

Славка тянет быстро, Лавря — с опаской. У обоих — короткие. Остаются Стась с Петей. Так кто же? Длинная достается Пете.

— Не сirusишь, Петушок? — ободряет Славка.

— Не-ет... — Он подтягивает ремешок на штанах, суёт «Вызов» за майку, расправляет на животе. Отщипывает от булки мякиш, кладёт в карман.

Малыш трогается за ним, его останавливает Стась куском сахара.

За воротами Петя не сразу идёт на андроновский двор. Сначала направляется к школе, обходит её, не торопится: кого-то будто бы потерял, кого-то ищет. Заглядывает во дворы, в палисадники. Ну понятно, ищет поросёнка.

С тёткой Маврой встречается в её дворе. Спрашивает, не забежал ли к ним маленький хрячок Васька. Андрониха мотает головой, выскакивает па улицу, кричит на все стороны:

— Люди добрые! Что ж такое деется! Утром кипулась в ледник, а лёду нету! Кому ж он понадобился? Где ж теперь мясо буду хранить?..

Женщины окружают Андронику, поддакивают, вставляют словечко-другое. Это как же, в самом деле? Никогда ещё не случалось, чтоб лёд в погребах воровали. Кому понадобился, если у каждого ледник забит до отказа?

— Погреб-то заперт был? — спрашивают женщины.

— Как есть на замке! — подтверждает Мавра. — Замчище, скажу вам, два моих кулака будет!

— Запор не порушен? — пытается бабка Феня. — Запор, спрашиваю, не порушен?

— Ково «не порушен»! Ни замка, ни крышки!

— Может, растаял? — гадают Стасина мать.

— Никово не растаял! — ярится Андрониха. — Асмодеи это, злыдни ваши, варначьё проклятое!..

Пока Мавра кричит, Петя, оглянувшись, вытаскивает листок, хлебный мякиш, лепит по кусочку

на каждый уголок, пришлёпывает на дверь. У ворот снова нос к носу сталкивается с Андронихой.

— Тётка Мавра, не видали нашего Ваську?.. — хнычет Петя. — Куда он делся? Максимка с меня шкуру спустит!

— Иди ты со своим Васькой! — грозит Мавра. — Тебя бы век не видала, Максима твоего и деда с поросёнком! Ваших рук дело, сатаны вы этакие! Ну погодьте, я вам покажу!..

Похныкав, Петя возвращается к ребятам.

— Артист! — одобряет Стась. — «Тетка Мавра, не видали нашего Ваську?.. Максимка с меня шкуру спустит!»

— Смотрите, — шепчет Лавря, — Андрониха наш «Вызов» увидала! По складам читает. Эх и раскочегарится!

— По домам огородами! — командует Славка.

ОБИДА

Максим решает открыть Чубарову правду.

Наверно, он бы ещё молчал, если б не случай с дедом Лукьяном. Слишком далеко пошёл Трухин, неизвестно, где остановится. Лучше предупредить, пока не поздно.

Чубаров сидит за столом, чертит карандашом кружочки-палочки, внимательно слушает Максимовы слова. Верно говорит парень: широко шагает браконьер, пора его остановить. И дед Лукьян хорош! Чужа Алексей, неладно что-то, а не докопался.

— Вот как дело поворачивается, — говорит Чубаров. — Скажи Лукьян вовремя, разве б мы посла-

ли Андрона в лес?.. Обезопасили бы старика... Знаешь, кто у Трухина лёд своровал?

— Не знаю.

— Славка Первушин, — подсказывает Чубаров. — Гвоздём замок открыл, вывез на тележке, бросил в Черемную. Думал, унесёт вниз, никто не узнает. А по речке плыл дед Кукша, в село ехал, на побывку. Видит — что-то белое, белей воды. Чайки не чайки, рыбы не рыбы... Подъезжает ближе — лёд. «Откуда, думает, в летнюю пору льду взяться?» Спросил у меня, а я вспомнил... А кто в андроновский огород лазил?

— Тоже не знаю.

— Сынок мой, точно тебе скажу. Значит, объяснил я ему сыромятной кожей, что так делать нельзя. Правда, не по-учёному, но парень понял... Нехорошо балуетесь. Вот я и думаю: а что, если вас на голубицу бросить? Чтобы ерундой не занимались. Сдадим ягоду в сельпо, получим деньги. Купим пособия для школы, приёмник, спортивный инвентарь. Что скажешь, Максимка?

— Хорошо, дядя Алексей.

— Тогда беги, собирай ребят.

Со вчерашнего дня на шее Малыша висит медный колокольчик, маленький, звонкий, вычищенный Петей до блеска. Чем только он его не тёр: землёй, кирпичом, суконкой. Лавря посоветовал надраить наждачной бумагой. От наждака на меди пошли полосы косым дождём. Так и вещь испортить недолго.

Звонок Петя выпросил у школьного сторожа. Идёт сохатёнок по улице, мотает головой. Колокольчик — дзинь-дилинь! Дзинь-дилинь! На той стороне села, на этой ли — всюду слышно.

«Малыш идёт!» — говорят юмурченцы.

Даже бабка Феня слышит этот звон.

С того памятного дня, когда ребята нашли сохатёнка, Малыш подрос, повзрослел, потемнел шерстью. Ноги остались беловатыми, горб округлился. Смешно было видеть, как Малыш тыкался в каждый угол во дворе. А сейчас всё знает: дом, огород, стайку, соседние дворы, улицу.

Каждое утро стоит у крыльца, ожидает Петю. А Петя просыпается вместе с дедом. Дед ещё лежит в постели, а Петя выходит во двор, угощает Малыша сахаром.

Траву сохатёнок стал есть на второй неделе. Травы была сочной, мягкой, пахла тайгой, приятно хрустела на зубах. Не сравнишь со сладким молоком Задиры, но всё равно вкусно.

Малышу стало тесновато в загончике, одипоко. Он сам определил себе место в коровьей стайке. Задира не возражала. Красуля — тоже. Когда ложились вместе, бок о бок или голова к голове, тёлка тянулась к сохатёнку, лизала лоб и шею. Она была старше и потому ухаживала за Малышом.

Иногда сохатёнок подходил к деду Лукьяну. Тот сидел на солнце, грел больную ногу. Малыш ласково тёрся возле старика, внимательно слушал, о чём рассуждал больной Бормаш.

А говорил Лукьян сам с собой об одном. Слишком долго валяется с больной ногой, некому присмотреть за ребятами. Максим — самостоятельный парень, а в Петинной голове глупости да шалости. Что ни день, то новая забава. Недавно Трухиным какой-то листок на дверь приклеил. Опять Андрониха кричала на весь двор: «Варнаки, сиротское племя! Вот уж поймаю, оборву все уши!» Где ж Максимке усмотреть за ним?..

На односельцев Лукьян не обижается: люди как люди. Недавно памятник поставили Егору с Дашей. Обелиск из дикого камня. На той скале, возле которой утонули. Помнят, уважают.

Чубаров сказывал, будто собираются присвоить лисоферме Егорово имя. Заслужил, говорят, человек делом, душой. И опять мысли возвращаются к Максe с Петрухой...

И лошадок жалко, сивых-каурых. Кто за ними приглядит-присмотрит? Он к ним привык, и они его знают. А теперь... охо-хо! Что-то будет?..

Голос у старика тихий, жалостливый. Малышу становится тоскливо от дедовых причитаний.

Но чаще лосёнку бывает весело. С утра, например, когда Максим и Петя заняты, Малыш пасётся на лужайке вместе с коровами. Колокольчик сначала смущал стадо, потом стал коровьими часами. В самый полдень, когда хозяйки ждут мужей на обед, сохатёнок отправляется в село на промысел. В это время коровы спускаются к реке, заходят в воду, спасаются от жары и паутов.

Хозяйки встречают Малыша хлебом-солью. У бабки Фени — неизменная хлебная горбушка, у Славинной мамы — сладкая болтушечка, у Стасиной — капустный лист с огорода. Лаврина мать поскупее, но тоже угостит. А бабка Феня, та ещё пучок луку нарвёт, чесноку. Лук и чеснок Малыш ест с удовольствием.

Одни Трухины не жалуют Малыша, Андрон особенно. Не думал он, что ребята спасут сохатёнка.

Во дворе Трухиных случилось новое несчастье. Сварила Мавра суп-лапшу с курицей, вынесла студить в сенцы. Сама пошла к соседке дрожжей попросить. У неё было на закваску, да привычка такая: просить и кланяться. А соседка недавно из города

вернулась, привезла, говорит, не палочками, а сухие, россыпью.

Андрон в это время проверял огород, смотрел, не было ль какой потравы. О горохе догадался в то же утро, только не мог разобрать, кто колесил по огороду. Хитрый гадёныш воровал. Максим — честный парень, не полезет, Петька — малой, заботится. Славкипа работа иль Чубарёнкава. Хромой-хромой, а расторопный.

Всё получилось лучше не придумаешь. Бредёт сохатёнок по улице, крутит головой, позванивает колокольчиком. Играет ноздрями, ловит вкусные запахи. Где борщом пахнет, где картошкой с луком. Из трухинского дома запах самый приятный, на него и решает завернуть. Бодает калитку, входит в сенцы, натывается на кастрюлю. Мавра с соседкой порядком судачат, суп давно остыл.

Попробовал Малыш — понравилось. Ну и навалился с полным удовольствием.

Прошло немного времени — загремела кастрюля по полу. Из сеней да на порог... А тут и Мавра явилась.

Поздно явилась Андропова жена. Видит, выходит сохатёнок из сенцев, облизывается. Смотрит Мавра на прилипшие к губам лапшинки, соображает, что стряслось... Да как бросится к поленице! Хотела поленом огреть. А Малыш не дурак: прыгнул через изгородь, побрёл домой. Наелся — чего ещё надо.

Вылетает Мавра с поленом на улицу, голосит, словно режут. Как в тот раз, когда лёд выгребли.

— Люди добрые! Что ж это такое? Всю кастрюлю слопа, ирод проклятуций! Да зарезать его мало, поганца такого! Вот уж Андрон возьмётся за него, скрутит башку непутёвую!..

Люди слушают Маврины причитания, вздыхают, ахают, сочувствуют. Есть и насмешники, те своего не упустят:

— Курицу-то слопал?

— Ставь почаще, остужай лучше!

— Знает, у кого есть — у жадных!

— Суп-то где был? — спрашивает кто-то.

— Где ж, как не в сенцах! Сварила, как следует быть, дай, думаю, остужу. Мой-то холодный любит. Покуда стынет, дай, думаю, к соседке за дрожжами сбегаю. У неё не палочками, а сухие, россыпью. Была-то минуто, две ли. А он, словно чуял, сатана безрогая, что я суп-лапшу с курицей варила... А лёд кто украл? — вспоминает Андрониха. — Кто горох вытоптал? Да что за напасти на мою голову? Что ни день — то беда-бедушка!

— Зачем в сенцы-то? Другого места не было?

— Какого другого? — кричит Мавра. — На крышу лезть? В подполье спускать? В своём доме опаситься? Чево защищаете ево, проклятова!

— Эт про что она? — спрашивает бабка Феня.

— Про суп с курицей! — кричит ей в ухо мать Лаври.

— А-а... хороша пища-а! — кивает бабка.

Ругаясь, Мавра возвращается в дом. За столом на лавке сидит муж, хмурой-пасмурный, темней дождевой тучи. Только что слазил на чердак, открыл заветное местечко — пусто. Пяти соболей как не бывало. Трёх баргузинских, двух амурских. Это не суп из курицы, здесь сотнями пахнет.

«Неужто ребятня сопливая? — хрустит пальцами Андрон. — Не может быть. Тут похитрее враг, опасней. Кто? Узнал бы, голову открутил, ноги б выдернул!»

— Чево раскудахталась! — набрасывается муж. — «Андрон... Андрон...» Ляпаешь не знай чево! Пропадёт сохатёнок, люди подумают, я извёл. Дура! Как есть дура!

— Дак ведь я...

— Молчи, говорю! Ахну раз, чтоб язык прикусила! Хотел потихоньку извести, так на тебе! Накаркала, ворона пучеглазая...

— Дак ведь обидно!

— «Обидно»! — кривится Андрон. — Мне, может, в десять раз обидней. Да молчу до поры до времени...

Но тут Андрон не может совладать с собой. Хватает кепчонку, пулей вылетает на улицу. Женщины ещё не разошлись, стоят возле заборов, толкуют. И смех и грех, кто бы мог подумать!..

Трухин проходил мимо понутив голову, поубавив прыти. Бабы есть бабы: прицепятся, не скоро оторвутся: «Куда идёшь да зачем?» Очень нужно объяснить каждой.

А идёт он в сельсовет, к председателю Чубарову. Не с пустыми руками — с вещественным доказательством.

— Ты смотри, смотри! — тычет бумажкой в Чубарова. — Што ж это делается? Житья не дают. Што ни день, то новая пакость.

— Сядь, остынь. — Чубаров придвигает стул. — Покажи свою бумажку. «Вызов гражданину Трухину. Гражданин Трухин! Вы недавно застрелили матку-лосиху, когда совсем запрещают бить зверей. Поэтому вы ярый враг всей нашей природы... Вы покушались на дедушку Лукьяна...» Гм! Интересно, что за прокламация? Баловство какое-то...

— Мне это баловство боком обходится. — Андрон загибает пальцы. — Ледник порушили — раз,

огород потоптали — два. Сохатёнок кастрюлю супа смолот — три. Это што, не разбой средь бела дня?

— Мда, некрасивая история,— соглашается Чубаров. — По всему видать, ребячье дело. Тут и все могут, и один человек. Грешить можно на любого. От меня-то чего хочешь?

— Чего хочу? — щетинится Андрон. — Справедливости... Если кого поймаю, пусть добра не ждёт. А на тебя, как на укрывателя, в район пожалуюсь!

— Какой же я укрыватель? — разводит руками Чубаров. — Чудишь, Андрон. Я эту бумажку первый раз вижу. Найдём — накажем, такое поощрять нельзя. А ты грозишь, не зная кому.

— Знаю! Первушинский сын да твой первые закопёрщики! Учти, как отцу говорю.

— Ты, Андрон, за собой последи. — Чубаров ищет папиросы. — Если мальчишки озлились, значит, есть причина. Сохатиху убил — раз, сохатёнка осиротил — два. Уж не говорю о старике Лукьяне. А если пригласить следователя... как думаешь?

— Не пугай, не боюсь!

— Твоё дело. А моё — предупредить. Когда штраф заплатишь?

— Будут деньги — заплачу.

— Вот как заговорил! — строжает Чубаров. — Завтра передам дело в суд. Посмотрим, как там петть будешь.

Поговорили, как пустых щей похлебали. Что ты сделаешь с этим председателем? Шёл, думал постращать... А он сам страшает. Да не чем-нибудь — судом. А суд — известное дело: собрались, решили-постановили. Плати, не то — в каталажку.

— Врёте, не одолеете! — Андрон свирепо мнёт

кепчонку. — Придёт и моя пора, отыграюсь. Ох, отыграюсь!

На улице бубнит, не в сельсовете.

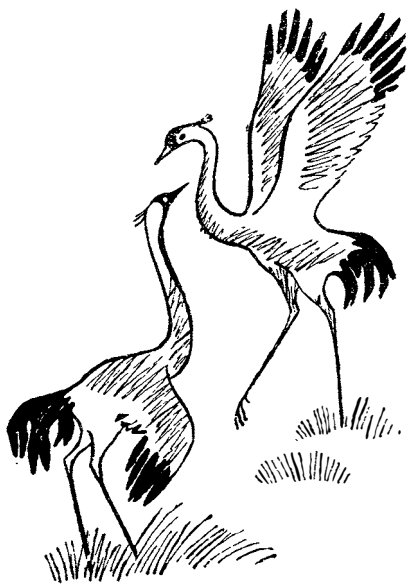
На южной стороне Юмурчена стоит высокая журавлиная гора, обрывистая с трёх сторон. По четвёртой, западной, можно пройти, посмотреть на старое гнездо. Ребята лазили туда много раз.

Когда-то на ровном выступе поселились журавль с журавлихой. Не часто бывает такое: известно, эти птицы любят низменные места, а тут, можно сказать, орлиная высота.

Взрослые не трогали и детям наказывали не трогать. Пусть живут, пусть выводят птенцов. Значит,

доверяют людям, если поселились на виду. Выйдет сельчанин поутру, посмотрит — стоят на горе журавль с журавлихой. Рядом стоят, любуются друг другом. Ну и ладно, ну и хорошо.

Этой весной не прилетели знакомые птицы. Скучно стало без них и взрослым и ребятам. Может, в полёте погибли, может, охотники подстрелили. Возможно, старыми стали, не хватило сил долететь до родины, до реки Черемной, до любимой горы.

Гнездо это — педалеко от памятника Егору с Дашей.

Под горой Петя учит сохатёнка возить тележку. Но Малыш решительно отказался от хомута и тележки, зауросил — ничего с ним не сделаешь. Тогда Петя придумал обучить его цирковым номерам.

Как-то отец привёз домой книжку о русском цирке, стал читать ребятам вслух. Про то, как клоун Дуров пел на арене весёлые песенки, разъезжал по улицам на свинье.

На картинке была нарисована чёрная вислоухая свинья, на ней Дуров с маленькой гармошкой в руках. На голове дрессировщика сидела курица, поглядывая на публику.

На афише клоун был ещё интересней. Вокруг него творилось невообразимое: козёл скакал на волке, крысы спасались с корабля на воздушном шаре. Рядом маршировали полки с коньями в руках. Барабанщики били в барабаны, ежи-пушкари палили из пушек.

У Пети не было ежей, свиней, крыс. Но у Дурова не было сохатёнка!

Первое, чему учит Петя Малыша, — прыжкам в высоту. На мягкой лесной дорожке находит два высоких пня, кладёт на них сухую жёрдочку, за ней — кусок хлеба с солью. Рядом белеют три куска сахара. Эта приманка, по расчёту дрессировщика, должна принести успех.

Петина тактика довольно проста. Лосёнок должен перепрыгнуть через жёрдочку, а в награду съесть приманку. Желание сохатёнка тоже понятное: обойти пеньки, съесть хлеб, сахар и ждать новой порции.

Так он и делает.

— Ты что? — Петя пытается оттолкнуть лосёнка. — Задаром хочешь съесть?

Станным бывает иногда Петя, совсем непонятным для Малыша. Для чего, например, козлиное прыганье? Хуже, чем скакалка. Побегать по лужку, пободаться — это он с удовольствием. В прятки — тоже интересная игра.

— Ничего, ничего, — приговаривает Петя. — Перехитрю тебя, Малышка, вот увидишь.

Он выбирает узкую тропинку, с неё нельзя свернуть ни в какую сторону — мешает крепкий соснячок. Но, как назло, на ней нет подходящих пеньков. Подумав, Петя кладёт жёрдочку меж сучков двух сосен, сам становится на другую сторону, показывает хлеб и сахар. Хлеб и сахар! Самое любимое из того, что знает лосёнок.

— Малыш, ко мне! Ко мне!

Боевая команда! Сохатёнок исполняет её беспрекословно. Он прыгает, сбивает ногами жердинку и ещё какой-то белый мешочек, похожий на бычий пузырь. Пузырь шуршит, падает, разрывается. Из него с громким гулом вылетают большие жёлтые мухи с жёлтыми усами. Жёлтые-жёлтые, с перетянутой талией, со злыми глазками. Вертялые, кусачие!

Они взлетают, как истребители с аэродромов, пикируют на Петю, на Малыша, впиваются в нос, губы, веки. Жалят, жалят без пощады!

С криком-воем бросается Петя по дорожке в село. Но ещё раньше, взбрыкивая ногами, несётся туда сохатёнок. Петя машет руками, сохатёнок — головой. Был бы хвост, им бы отмахивался. Но нет хвоста у лосёнка! А осы пуще злятся, больней кусают куда ни попадя. Будто иголки вонзают в тело. Тоненькие-тоненькие!

Забыли они, Петя с Малышом: никогда не надо отбиваться от ос, шмелей, пчёл. Лучше стоять неподвижно, меньше будет укусов. Только можно ли устоять смирно? Пулями пролетают они по улице на удивление ребятам. На крыльце стоит дородная Андрониха, таращит глаза: с ума, что ль, посходили?

Ошалелый сохатёнок с мыком влетает в трухинскую ограду. Лишь бы спрятаться!

Из избы выходит Трухин.

— Что с ним? — спрашивает. И пятится к поленнице. — Сбесился?

— Ой, не знаю, не знаю! — причитает Мавра. — Ой, боданёт сичас, полоумный!..

Лицо Трухина бледнеет, кривится. Хватает Андрон полено — бац по голове! Малыш, покачнувшись, падает на колени. Мык становится глуше, жалобней... Сизый туман плывёт перед глазами. Больно! Больней, чем жалят осы...

— Ах ты, собачий сын! — раздаётся сзади. — Ах ты, разбойник с большой дороги!

Лукьян ковыляет вдоль ограды, несёт на весу погу-куклу, опирается на два костыля. Наплывает на Андрона. Кустистые брови сдвинуты, блин-кепченка скособочена. Останавливается у калитки, поднимает костыль.

— Ты што бьёшь беззащитного! — выкрикивает дед. — Сохатиху убил и сохатёнка добиваешь? Да я тебя вот этим костылём! Убивец! Одно слово, убивец!..

Никто не видел Бормаша таким разгневанным. Видно, долго тлело, да быстро загорелось. Как ни крепился старик, не смог запрятать правду.

— Но... Но... — Трухин ошеломлён напором Лукьяна. — Чево шумишь, чево грозишься? Обор-

пяюсь я. Забирай свою дохлятину, ничего с ней не случилось...

Малыш поднимается, покачиваясь бредёт к ка-литке.

Всё это Петя видит издалека. Он бежит, забыв про укусы, бежит, ничего не видя. Ничего, кроме Андрона, кроме деда с костылём в руке, упавшего сохатёнка. Бессильная ярость закипает в его сердце.

Поздно прибегает Петя на Андронов двор — Трухины уходят в избу, дед с сохатёнком ковыляют к своему дому. И ни одного человека на улице!

Петя не ревёт, он только сжимает кулаки.

Второй день отлёживается сохатёнок. Не хочется идти на лужайку, не тянет играть с Петей. Красуля совсем изревелась — зовёт не дозовётся. Не хочет пастись без сохатёнка.

И бабка Феня ничем не обрадовала.

— Ох, горе, горе! — охает старуха. — Нет у меня нужной травки. Сходить надо, нарвать, посушить...

— Какая она, скажите? — домогается Славка. — Мы вам целый воз притащим!

— Сама я, родненькие, сама. Рвать осторожно надо, поутру, по росному времечку.

Каждое утро садится Петя возле Малыша, чешет бурый загривок. Спрашивает, не лучше ли ему, не хочет ли погулять.

«Не лучше, — отвечает он глазами. — Не знаю, что со мной, не понимаю».

— Не горюй, Малыш, бабка Феня вылечит... А я тебе кино покажу, хочешь?

Про кино Петя подумал вчера. Пошёл к своему

учителю, попросил фильмоскоп и фильм про животных.

Петя заводит сохатёнка в летник, стелет старый потник, велит ложиться. Включает штепсель в розетку, вставляет ленту.

— Смотри, Малыш. — Он завешивает окно одеялом. — Показывается фильм: «Охотник и зайцы». Внимание!

Не было фильмов про сохатых, а про волков Петя нарочно не взял. Тогда про зайцев, сказал учитель, как они охотника обманули.

Интересную штуку придумал Петя. В тёмном летнике на стене появляется белый квадратик, на нём сидят лопоухие зайчишки. Один что-то говорит, другие хохочут-заливаются. Рассказывает, наверно, про свою лесную жизнь.

Малыш видел одного зайца в лесу, вернее, зайчиху. Она сидела и дрожала, ей было совсем не до веселья.

Вдруг зайчишки начали плясать. У одного — балалайка, у другого — барабан. Кто впрыскал, кто на одной ноге. Уши тоже пляшут. Самый молодой — колесом, колесом! На сосне сидит ворон, рот до ушей, смеётся во весь лес: «Кар-р! Кар-р!»

— «Идёт по лесу охотник Кузьма Иванович, — читает Петя. — Заметили зайцы, испугались. Один кричит: «Разбегайтесь, Кузьма Иванович идёт!»

Самый старый не велит разбегаться: «Я, говорит, обману его. Лежите все, охайте, у вас животы болят». Как ты, Малыш, — прибавляет Петя, — только у тебя не живот болит, а голова.

Идём дальше! — Меняет кадр Петя. — Ага, лежат зайчишки, охают громко-громко. «Это что за лазарет?» — спрашивает Кузьма Иванович. «А вот, — говорит старый заяц, — вся родня помирает, и я то-

же. Лекарства нет». — «Какое нужно лекарство?» — спрашивает охотник. «А то, которое от животов», — отвечает. «Так я схожу, поддержи ружьецо!»

Увлёкся Петя, не слышит сопенья сохатёнка. А если не сопит — ясное дело, заснул.

— «Пока Кузьма Иваныч бегал, зайцы все патроны расстреляли. Прибежал охотник обратно, посмотрел — пустые патроны. Стал сердиться: «Почему обманули, всех перестреляю!»

Стыдно стало зайчишкам: охотник принёс лекарство, а они... «Мы тебе испечём пирог с капустой, — обещает старый заяц. — Ты у нас будешь самым лучшим гостем».

Кончилась лента. А тут бабка Феня на пороге.

— Нашла, нашла травки, Петруша, в дальнем закутке лежала, в бордовой тряпице. — Ты чо эта, кино ему показываешь?

— Ну да, чтоб веселей было.

— Рехнулся, Петруха, — беззубо смеётся бабка. — Тебя самого надо лечить. Вишь, сохатёнок-то спит. Неси воды, да не простой — кипячёной. Пой! Побольше неси, целый ковшик. Поставлю на ноги твоео дружка. А то как!

В ПОХОД

Так и решили Чубаров с Синчуком: хватит озоровать ребятишкам.

Поведут они ребят в лес вдвоём. Двадцать человек — солидная компания, за ними гляди да гляди. Не соскучишься.

С раннего утра в доме Сараниных семейная перепалка. Дед Лукьян с Максимом уговаривают Петю остаться дома, пугают дождями, грозами, высотой гольцов. Петя думает: всё это так, но идут же другие ребята! А почему он должен оставаться?

— Ты меньше всех, — говорит Максим.

— Ну и что? Я отставал от вас? Вы меня в игры переигрывали? Скажи!

— Ты ещё не знаешь... — Максим ищет выход. — В тайге много энцефалитных клещей. Если укусит, сразу умрёшь. А то останешься калекой.

— Всё равно убегу! Убегу!

— Не боишься клещей?

— А тебя не укусит? А Стася? А Лаврю?

Малыш стоит у окна, слышит ломкий голос Максима, глуховатый басок деда, редкие Петины всхлипы.

Не может он этого терпеть, беспокойно перебирает белыми ногами, трётся мордой об оконную стеклину. Мычит жалобно.

— Што делать с тобой, Петруха? — Дед сумрачно глядит на костыль. — Был бы на ногах, поехал бы с вами на Карьке. А то куда я с этой куклой? Как думаешь, Максимка?

Трудная задача у Петиного брата. Нелегко будет с ним в лесу, это Максим хорошо знает. Оставить дома? Покоя не даст. В тайге и ребята присмотрят, а здесь один дед на костылях. Вот и думай, как лучше.

— Отпустим, дедушка, — решает Максим. — А то как бы хуже не было...

— Ну смотри, Петруха! — Дед поднимает костыль. — В случае чево... этим самым...

...Все в сборе, всем не терпится выйти за село. Хочется быть в тайге, у костра, на голубичных полянах. Но, оказывается, не все дела решили, неизвестно, как быть с сохатёнком.

— Пусть сами думают. — Синчук прислушивается к ребятам. — Вот будет гвалту!

Насчёт гвалта Синчук не ошибся, но не знал, что первыми запротестуют матери.

— Куда вы его? Сами б за собой смотрели!

— Какой из него работник? Одна обуза!

— Подождите! — машет Чубаров. — Как сами решат, так и будет.

И — пошло-поехало.

— Взять! — кричат. — Он таёжник!

— В лесу волки съедят!

Малыш стоит возле Пети, крутит головой, прядает ушами: ловит всякие слова — сердитые, ласковые. Это он определяет по голосам. «Малыш», «тайга», «сохатёнок» — слова понятны. Значит, говорят о нём. А что говорят, неизвестно.

Но и тут есть выход: следить за Петиными глазами. Если глаза весёлые — всё хорошо; если грустные — радоваться нечему. Сейчас Петины глаза то весёлые, то грустные, то засмеются, то вот-вот заплачут. И сохатёнок не знает, грустить ему или радоваться.

— Стойте, ребята! — Володя останавливает спор. — Давайте хозяев спросим. Что ты думаешь, Максим?

— Надо взять.

— Ты, Петя?

— Без Малыша никуда не пойду.

— Так. Теперь сделаем просто: кто за то, чтоб взять сохатёнка, подходи ко мне. Кто против — оставайся на месте.

Давпо бы так. Все ребята оказываются возле Синчука. Интересно, кто же кричал против?

Приковылял и дед Лукьян. Тайга — не шутка, мало ль что может случиться. Последняя радость ребятишки, последняя надежда...

— Обороны вас бог... — Бормаш крестит внуков. — Пронеси все беды-несчастья... Ты, Петьша, смотри не озоруй! Ты, Максим, гляди за ним в оба. Сохатёнка берегите: живая тварь, как ни говори.

— Чево это? — тянется бабка Феня.

— Ребят наставляю, штоб вели себя как следует.

— Надо, надо... — кивает старуха. — Я к тебе, Лукьян, вечером зайду. Может, помочь што?

— Заходи, заходи, — приглашает дед. — Заодно почаюем.

Не догадывается старик, что бабка Феня будет приходить по просьбе Максима. «А то как, — согласилась она. — Чай, друг дружку выручать надо. Мне вон хату миром строят, а я человеку не помогу? В избе прибрать, корову подоить... Иди, иди, не сумлевайся. Ягодок принеси, бруснички. Шибко хорошо с ней чаёк пить».

— Тронулись! — Алексей выходит вперёд. — Максим, ты со мной, Володя — замыкающий.

Моряк Чубаров похож сейчас на командира партизанского отряда. В брюках галифе с кожаными наколенниками, жёлтая тужурка из сохатины, армейские сапоги из яловой кожи. На плече карабин, па груди бинокль. Идёт не торопясь, чтоб не отстало войско.

— Запевай!

По долинам и по взгорьям,
Шла дивизия вперёд...

Сам скомапдовал, сам запеваёт. Часто пел её, когда служил на флоте. В столовую идут — поют, из столовой — поют. Голосистые были ребята, первое место занимали в полку.

Синчук с Петей шагают последними. Дядя Володя — в обычном своём наряде: егерская фуражка с длинным козырьком, в штормовке с капюшоном, в поношенных ичигах. Бывалый таёжник никогда не пойдёт в новой обуви. Петя шагает пёстрый, как дятел: чёрное трико, красные кеды, белая махровая панамы. Отцовская, с Кавказа привёз.

— Цветной, как мухомор, — смеётся Стась. — Далеко видать, не потеряешься.

С горки на горку, из пади в падь шагают ребята. Всё дальше и дальше в дремотную тайгу, к белоголовым гольцам. В лесу тихо, прохладно. Солнышко завешено берёзами, соснами, лиственницами. Запах багульника смешан с запахом хвои, грибной дух слился с берёзовым. Парная земля волнует лесной прелью. Знакомый запах с малых лет.

Каменистая тропка выводит ребят на гольцы. На них, в кедрах-стланиках, Максим наткнулся на белую куропатку с птенцами. Их так много, что Петя не может сосчитать — девять или одиннадцать.

Куропатку и птенцов никто не трогает. Летнее время — не охотничий сезон, это ребята знают.

В одном месте Лавря сгоняет с ягодника краснобровых глухарей. Шумно, тяжело поднимаются птицы, медленно взмахивают крыльями. Нелегко им летать меж деревьями.

С громким цоканьем взлетает на сосну проворная белка. Тут уж никто не остаётся равнодушным. Все бегают вокруг дерева, смотрят, куда спряталась.

— Дядя Володя, почему белка чёрная?

— Не чёрная, ребята, серая. У каждого зверя своя пора линьки, у белки — осень. Сейчас её промышлять нельзя.

— Ребята, соболь! — кричит Стась. — Вон, вон, на лиственнице! Пулька загнала.

Пулька — охотничья лайка — нашла, что искала. Стоит возле дерева и лает, и хвостом машет. Зовёт хозяина: «Иди, иди, я своё дело сделала».

Хоть и умная Пулька, а всё равно глупая: не будет хозяин бить соболя. Летом он, как белка, никуда не годится.

Белок ребята видят часто. А соболь — это да! Уцепился за сук, свесил голову. Сам чёрный и глаза чёрные. Уши маленькие, остренькие, мордочка круглая. Смотрит, дразнит: «Не достанешь, не достанешь!»

— Пулька! — зовёт Чубаров. — Пошли!

Жалко собаке бросать соболя, — так бегала, так старалась. Это совсем не просто. А он — «пошли».

Стасю на пригорке виднее всех. Вон там на поляне мелькает что-то бурое, бежит то скачками, то вперевалочку. Может, медведь; может, россомаха. А может, просто мерещится. Когда хочешь очень увидеть, обязательно покажется.

Привал и обед сделали в два часа. А сейчас уже вечер, время думать о ночлеге.

Место для палаток Чубаров выбирает сухое, высокое. Вода недалеко, дрова рядом. Опять же рыбалка будет, как обещано.

— Но-чёв-ка!

И зашумел, загудел лагерь.

Кто треножит лошадей, кто ставит палатки. Кому досталось чистить картошку, кому носить дрова. Рыбаки срезают удилица, разматывают лески. Спиннингисты выбирают блёсны. Самый рыбный приток Черемной.

Те, что крепко устали, валяются в траву, задирают ноги выше головы. Одни привыкли к походам, другие только привыкают. Иному пятнадцать километров в тягость, а который двадцать пройдёт и ещё попросит.

Петя, к радости Максима, не устаёт. И сейчас тащит вдвое больше себя лиственничные сучья. Малыш позванивает колокольчиком, шагает сзади.

Пока готовится еда, Чубаров и Синчук смотрят, все ли ребята на месте.

В тайге ягоды — на сотни километров.

Чубаров приводит ребят на такой голубичник — глазом не окинешь, сплошное голубое море. Пятый день берут ягоду с одной поляны и ещё столько можно брать. Не поляна, верней сказать, вся падь такая.

Вёдра, горбовики, бочки наполняются быстро, колхозные возчики еле успевают отвозить.

Всё шло как нельзя лучше до шестого дня. На шестой день потерялся из виду Петя с сохатёнком.

Ребята прочёсывали ближний лес, забирались на сопки. Спускались вниз по речушке, кричали-аукали. Алексей Чубаров дважды стрелял из карабина.

Петя не отзывался.

— Ищите по всему лагерю! — приказывает Чубаров. — Как же так, ребята? Друг за другом не смотрите?

Синчук тоже встревожен. Скоро ночь, а их всё нет. Далеко не уйдут; но вдруг волки встретятся?

— Что будем делать, Алексей?

— Надо искать. Прежде андроновское зимовье проверим. Не ровен час, Трухин там. А Петруха с лосёнком на зимовье могут выйти.

— Ты думаешь?

— По-всякому думать надо. От Андрона всего можно ждать... Бери Пульку, иди с Максимом. Как ты, Максим, не забоишься?

— Не боюсь, дядя Алексей.

— А я с ребятами тут поищу. Ах ты, Петя-Петушок... Что-нибудь с лосёнком случилось, а он бросить не мог...

Синчук с Максимом берут хлеба, на всякий случай две банки консервов, чай и сахар. Котелок не нужен, в зимовье найдётся в чём сварить.

— К утру доберёмся. — Володя заряжает карабин. — Если там не найдём, поднимемся по речушке, вам навстречу.

Быстро темнеет в лесу. Белые палатки становятся серыми, потом чёрными. Ребята, пригорюнившись, сидят у костра. Никому не хочется спать, у каждого тревожно на душе.

Синчук с Максимом уходят в сторону зимовья.

...Как же всё случилось?

Звёздная ночь обнимает лес и горы, караулит прохладную тишину. Спят звери, вернувшись с солонцов. Сладко дремлет в дупле чуткая белка. Тёмными пятнами чернеют на ветках глухари. Глухо, надрывно кричит невидимый филин.

Три часа ночи показывают звёзды.

Рядом с упавшей лиственницей шепчутся молодые осинки, над ними виснут мрачные каменные глыбы. Молочно белеют притихшие берёзки. Сонный лес обливается лунным светом.

Петя устал и хочет есть. Надо б согреться и поспать. Но есть нечего, и заснуть он не может. Сырой холод забирается под рубашку. Тревожат беспокойные мысли.

Были б спички, зажёл бы костёр, просидел бы до утра. Утром встанет солнышко, обогреет лес, стонит холодную росу.

А сейчас надо ходить, бегать, прыгать. И чего это филин раскричался: «Шу-бу!.. Шу-бу!..»

Жутко от его крика, от каждого «шу», от каждого «бу» замирает сердце.

Рубашка-безрукавка — не шуба, трусы и тапочки не согревают. Если бы вчера был не жаркий день, Петя надел бы своё трико. В нём сейчас было б теплее. Хорошо, что догадался сунуть ноги в панаму...

Чтоб отвлечься, Петя думает о ребятах. Сколько они вчера собрали ягод, что было на ужин, кому дали сгущёнку за хорошую работу?..

Сейчас они спят в палатках, залезли в тёплые мешки. Стась во сне, как всегда, брыкается. Лавря сворачивается, как белка в дупле. Та хвостом прикрывает нос, а этот прячет голову в простыню-вкладыш.

Максим сейчас, наверно, не спит, ищет его с дядей Володей или дядей Чубаровым. Если догадаются идти по речушке, нападут на их след. Хотя дойдут до болота — и всё. Даже Пулька дальше след не возьмёт. Вот если перебредут... А кто догадается? Может, дядя Володя? Он всё знает.

И про дедушку думает Петя. Дедушку ему всегда жалко. Сам он говорит, что поправляется, а дядя Чубаров думает, что надо везти в город, на просвечивание. А Петя не хочет, чтоб деда увозили в город, неизвестно, что там с ним будет. Лучше б его бабка Феня лечила, у неё лекарств полная баня...

Страшно ли ему? Немножко страшно. Но он знает: Малыш куда-нибудь да выведет. Пить-то ему надо! Отец говорил, что животные далеко чуют воду. И огонь и дым. Выйдут на какую-нибудь речку, а по ней всегда можно добраться до села.

Однажды, когда ездили к деду Кукше, отец учил его, как быть, если заблудишься в тайге. По сучкам па дереве, по кольцам на пеньке можно узнать, где юг, север, восток и запад. А вернее всего — найти ручеёк и шагать по нему. До тех пор, пока ручеёк не сольётся со вторым, с третьим в маленькую речку. По речке можно дойти до большой реки. А на больших реках стоят города и сёла. Выходит, всё дело в ручейке: нашёл — спасся, не наткнулся — погибай.

Человек может жить без еды много дней, это всем известно. А у них — голубица, шиповник, саранкины луковицы. Попадут в кедровник, наедятся орехов. У Малыша еда всегда под ногами. А если волки встретятся? Медведь набредёт? Отец говорил, медведь редко нападает на людей. У волка сейчас еды много. Скорей бы со-олнышко всхо-одило!..

Петя плотней прижимается к лосёнку, слышит: громко бьётся его сердце. Максим говорил, что у взрослого лося сердце весит три килограмма. Интересно, у Малыша сколько? Что-то катается у него в животе. Ах да, он тоже голодный! Вчера некогда было травы поесть. Другому лосёнку, наверно, хоть бы что, а Малыш привык не только к траве. Каждый день жуёт что-нибудь вкусное.

И у сохатёнка нет сна — так, дремота с зевотой. Мёрзнуть он не мёрзнет, этого ещё не хватало!

Все эти дни он возил горбовики с ягодой. Горбовик — ящик из фанеры. С одной стороны плоский, с другой — полукругом. Носят на спине, на горбу. Отсюда и горбовик. Было жарко, пауты кусали нещадно. Петя сгонял их веткой. Но что для них ветка? Сильней злились, больней кусались.

Малышу нравилось, как ребята, смеясь и болтая, осторожно клали груз ему на спину. Петя вёл его по воде и кочкам, лосёнок нёс ягоду плавно, потому что у него широкие копыта. Они раздваиваются. Между половинками есть перепонка, она не даёт провалиться, хорошо держит на болоте. За каждый рейс лосёнок получал сахар и сгущёнку. Петя мазал её на хлеб, это было ещё вкусней, чем солёная горбушка.

Спал он между сосен, рядом с Петиной палаткой. В этой палатке поселились ещё Стась, Максим и Лавря. Стась был старшим поваром, старался кормить ребят повкуснее. Уж кого-кого, а Малыша Чубарёнок не обходил, давал попробовать и то и это.

Вчера ему почти не пришлось работать. Ребята решили собрать голубицу возле лагеря. День был жаркий, пауты как сбесились. Жалили так, что горели огнём бока, спина, ноги. Был бы у него хвост,

отгонял бы. Правильно решил Петя: пойти на Каменушку выкупаться вместе с Малышом. Правильно-то правильно, да вот что получилось...

Сохатёнок закрывает глаза, вздыхает тяжело и покорно.

И Петя думает о вчерашнем.

В том месте, куда они пришли, Каменушка была совсем мелкой. Пошли по течению, пока речушка не повернула за сопку. Здесь было глубже: зверю по колену, Пете по грудь. Тут и остановились, чтоб не уходить далеко от лагеря.

Из распадка подул прохладный ветерок, пауты спрятались в затишье. Прибрежная травка манила свежестью, она была зеленее. Петя сначала решил искупать Малыша. Нашёл траву помягче, свернул жгутом, намочил, стал тереть бока и спину. Так уж повелось: Петя — за вехотку, у лосёнка начинают чесаться спина, бока, ноги. Как у шелудивого поросянка.

До спины Малыша Петя дотянуться не мог. И тут у них был свой приём. Петруша ударял сохатёнка по одному колену, по другому. Малыш вставал на колени, подставлял мочалке бока и спину.

Они выкупались, решили полежать на траве. Петя положил голову на сохатёнков бок, стал мечтать о разных разностях. И не заметил, как уснул. Проснулся под вечер, когда солнце садилось за синий хребет. В долинах качались полосы туманов. Сохатёнок лежал смирно, не хотел беспокоить Петин сон.

Петруша вскочил, встревоженный тем, что надолго ушли из лагеря. «Пойдём, Малыш, — сказал он сохатёнку. — Нас уже, наверно, ищут».

Но в это время грянули два выстрела. Совсем близко, возле горы. Малыш вскинул голову, стрига-

нул ушами, бросился вдоль Каменушки. Петя, не думая, побежал за ним. Лосёнок кинулся в воду, выскочил на берег, помчался в ближний лес.

Вскоре стали попадаться высокие кочки, потом — сплошное поле. Малыш бежал, не сбавляя прыти, широко, размашисто, высоко подкидывая задние ноги. Он не спотыкался и не падал, ноги словно чуяли каждую кочку, каждую ямку. Ему казалось, что новые выстрелы догонят его и он упадёт, как упала его мать.

Наконец он остановился на сухом месте. Далеко па болоте маячил Петя. Значит, бежит за ним. Малыш мог бы подождать его, если б не страх перед громом. Всю жизнь будет трясти его эта лихорадка. Ничего с ней не поделаешь, ничего!

Малыш добежал до опушки леса. Лес был тихий, мрачный, над землёй висели угрюмые скалы. Высокие лиственницы закрывали небо, шумели от пробегающих ветерков.

Лес тоже не нравился сохатёнку, пугал тихой неизвестностью. В такой чаще погибла его мать.

Дальше идти не хотелось. Теперь, когда схлынула волна страха, лосёнок решил подождать Петю.

Петя пришёл к нему грязный и мокрый, в хлюпающих тапочках. На языке вертелись обидные слова. Но он сказал только: «Эх ты, Малыш!»

Эти слова могли означать и мало и много, смотря как понимать. Сохатёнок понял их как упрёк.

Петя развязал повод, потянул Малыша. Лосёнок упёрся ногами, замотал головой. Петя понял, что сохатёнок обратно не пойдёт. Если он упирается, мотает длинной мордой, значит, ничего с ним не поделаешь. Не помогут ни хлеб с солью, ни сахар, ни сгущёнка. Впрочем, ничего этого у Пети не было.

Надо было где-то ночевать. Лучше всего у скалы, за ветром. Петя наломал веток, положил в ямку, подвёл к ней лосёнка. «Ложись, — сказал и стал чесать там, где обозначалась серьга. — Я лягу возле тебя, нам будет теплее».

Он долго ворочался возле Малыша, согревая по очереди грудь и спину. Ночью не выдержал, вскочил, забегал вокруг деревьев. Лосёнок слышал, как шуршали листья, трещали сучки под ногами.

Петя подумал, что надо наломать веток, укрыться ими. Хоть немножко будет теплее. Он так и сделал. Минут через десять стало приливать тепло. А если лечь на спину — совсем хорошо.

Глаза закрылись сами собой.

Он проснулся на ранней заре. Дремотный туман парил над землёй, колыхался меж золотистых лиственниц. Запела птичка, попробовала голос. Умолкла, снова запела прямо над Петинной головой. Наверно, пеночка-зарничка. Ей тоже не спалось: не потому что было холодно, а потому что прогнали из дому голодные дети. Пока спят разные мушки, она поищет под корой червяков.

За ночь у сохатёнка поубавилось страху. Он готов вернуться, если нужно. Но почему Петя пошёл другой дорогой, не через болото? Петя мог бы объяснить: «Потому что и так замёрз, а тут ещё по воде хлюпать. Выйдем вон на ту горку и по ней — к лагерю».

Они идут к бело-зелёной горе, обросшей соснами и берёзками.

Петя шагает впереди в махровой панаме, в трусиках и тапочках. Он всё ещё синий, дрожит. За ним, подняв горбатый нос, плетётся сохатёнок. Он

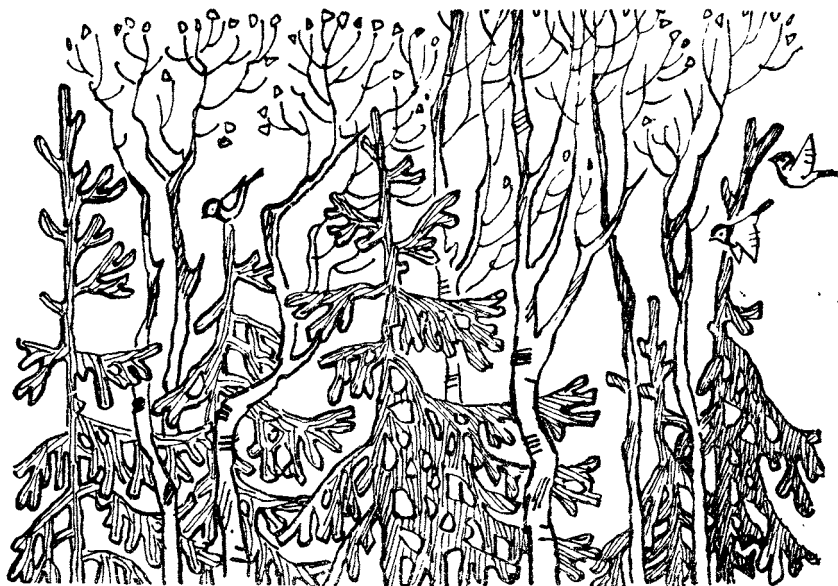

пойдёт за Петей куда угодно, а всё-таки лучше бы возвращаться старой дорогой. Там вода, трава, кочки. А гора ему совсем не нравится.

Петя, в общем, рассуждал здраво. Вчера они бежали на закат, сегодня нужно идти на восток. Как только они дойдут до пригорка, сразу повернут направо. Обогнут болото и выйдут к лагерю. Пусть подальше, зато посуху.

А вот и солнышко! Яркое, тёплое солнышко! Оно ещё за лесом, за макушками, золотисто рассыпается меж деревьев пучками, стрелами, лучиками. Сразу становится теплее. Стихает ветерок — боится солнца. Хорошо бы всё время идти под его лучами. Скорей бы кончался лес, чтоб всё время грели красные лучики.

Шумно, весело просыпается солнечный лес. Спешат за орехами крепконосые кедровки, шуршит листьями пёстрый рябчик, громко кукует пустоголовая кукушка. Кукует и прячется в густых берёзовых ветках. Ночью филин донимал, теперь эта серая вертушка. Торопливо бежит по ранним делам хлопотун ёжик. Петя трогает его палочкой — он поднимается бугром, прячет под колючки нос и лапки.

— Возьмём его, Малыш? — Петя снимает панаму. — Положим вот сюда. Покажем ребятам, Стасю отдадим.

Лосёнку всё равно, ёжик его не интересуется. А вон та полянка с зелёной травкой... Вот бы поесть — со вчерашнего дня во рту ни травинки. Ло-

сёпок сворачивает на неё, Петя — за ним. И подпрыгивает от радости. Земляника! Целая поляна!

По времени ягода отходила, но здесь её было много, и вся крупная. Росла островками, пряталась от жаркого солнца. Сверху не видно, а нагнётся — висит хитрая земляника-ягода. «Малина-ягода...» — Петя вспоминает дедушку. Вот бы его сюда! И Максима, и всех ребят!

Он ложится на спину, срывает одну ягоду, вторую, третью... Ползёт на лопатках, помогает руками. Земля, роса холодят спину, зябкие мурашки ползут по телу.

Петя ест долго, до оскомины. Никогда не думал, что от сладкой земляники может быть оскомина. А вот не может больше есть, языку больно.

— Надо нарвать ягод ребятам. Правильно?

«Рви, рви, — кивает Малыш. — Я тоже наемся, пока стоим».

Петя берёт панаму — она пустая. Удрал ёжик, побежал к своим ежатам.

— Ну и ладно. — Петя снова ложится на спину. — Нарву — и скорее домой.

От полянки они сворачивают в левый распадок. В тот самый, который уходит в сторону от лагеря.

...Синчук с Максимом явились в зимовье под утро. Могли прийти раньше, если б не заблудились. Давненько охотинспектор не хаживал по юмурченским тропам. Хотел спрямить, а вышло на кривую. Ночью — не днём, не особенно разглядишь. Пока разобрался, километров десять лишку отмерили.

Судя по всему, хозяин был недавно. Дверь, обитая войлоком, подперта крепким колом, к стене приткнулась поленица сухих дров. Шесты и вёсла аккуратно сложены возле зимовья. Всё вокруг прибрано, подметено, нигде не видать ни щепочки, ни тряпочки.

В избушке пахнет увядшей травой, порохом, кerosином. Дощатый стол накрепко прибит к закопчённой стене. На нары брошена трава. На железной печурке чернеет котелок с недопитым чаем.

Синчук удивляется строгому порядку в зимовье. Много лет он бродит по тайге, видел всякое: избушки, землянки, ямы-копушки. Многих браконьеров лавливал. А такой чистоты-аккуратности не замечал. Будто не уходил отсюда хозяин — отлучился на минутку.

— Пойдём, Максимка, осмотрим окрестность.— Нет ли заездка в слиянии Каменушки с Талой?

Каменушка — та самая речка, на которой стоит ребячий лагерь. Здесь она шире и глубже, в хорошую воду заходят и таймени. Талая бежит из гольцов, вода на ней — хрусталь хрусталём. Каждый камешек будто на ладони. На стрелке этих рек и встречаются разные рыбы.

Насчёт заездка можно было не сомневаться. Метров за двести Синчук с Максимом увидели частую городьбу. Светлая вода напористо рвалась меж белых кольев, струясь и пенясь, катилась под каме-

нистый берег. Рыбы в заездке полным-полно, жипит, как похлёбка в котле.

Крепкую тюрьму ленкам и тайменям выстроил Андрон Трухин. Что не съест браконьер, то продаст, а деньги — в кубышку. Не сложная арифметика.

— Так и знал! — Синчук останавливается возле заездка. — Дважды предупреждал: не тронь Каме-нушку с Талой. Самые рыбные речки, самые подходящие для икрёма. Придётся снова штрафовать. Как говорится, горбатого могила исправит.

Он щёлкает фотоаппаратом: нужно доказательство браконьерства.

— Поймай немного для еды, остальных выпустим.

Максим поддевает сачком двух ленков, выбрасывает на берег. Володя раздевается, лезет в бурли-вую воду.

Крепкие колья не сразу поддаются его силе. Дол-го нужно расшатывать, пока не полезут из камени-стого дна. Видно, не один Трухин загораживал ре-ку, были помощники.

— Помоги! — отдувается Синчук. — Медведя бы сюда, и ему хватило б работёнки...

Немало пришлось им повозиться, выдёргивая по колышку.

Почувяв свободу, ленки стремительно бросаются в поток. Мелькают хвосты, головы, плавники, огнём вспыхивают чешуйки. Во всю силу бегут ленки из мест заключения, мощно работают хвостами. За ни-ми кружатся берёзовые колья, вязки из прутьев, пена, что сгустилась в заездке. Обе речки, вздох-нув, расслабься, свободно разливаются по всему руслу.

Увлёкшись, они очищают реку до последнего ко-

лышка. Все рыбы могут гулять по обеим рекам, ходить в гости друг к другу.

После обеда Синчук с Максимом решают отдохнуть возле избушки, на крутом берегу. Сидят на бугре, посматривают на долины обеих рек. По ним могут пройти Петя и лосёнок. А могут и не пройти. Всё зависит от случая.

— Залезу на лиственницу, посмотрю. — Максим поглядывает на самую высокую. — Дайте мне бинокль.

Добравшись до верхушки, Максим садится на крепкий сук, наводит бинокль то на одну долину, то на другую. Вот теперь хорошо: самые далёкие кражи кажутся рядом.

Горы, горы, горы... Лесные, снежные, каменные. Поднебесные зелёные купола, плоские, острые, обрывистые. Сотни гигантских пил с огромными зубьями. Они смотрят в небо и пилят его. А когда идёт снег, будто летят белые опилки.

Над горами парят орлы. Один, мохноногий, с загнутым клювом, виден совсем близко. В правом крыле орла не хватает нескольких перьев — зияет пробоина. Наверно, потерял в драке. Зоркие глаза ни секунды не стоят на месте, шныряют по земле, по сопкам, по деревьям. Видит он и Максима, да не по зубам добыча.

Самое опасное место для ребят — Старая протока. Если выйдут на неё, попадут на дорогу в город. А до города шестьдесят километров, вернее, до шоссе. Если очутятся на Талой или Каменушке — тоже не близкий путь до Юмурсена.

— Слазь, Максим. — Синчук понимает, что сидение бесполезно. — Пойдём на Старую протоку. Бери карабин, будешь головным разведчиком.

В крутом овраге Максим натывается на мёртвую собаку с куском провода. Знакомую, похожую на Зуду.

— Дядя Володя, смотрите!..

— Зуда? — приглядывается Синчук. — Трухин прикончил. Далеко заманил... Надо было взять её в город, как же я не догадался?

После ягодника Пете с лосёнком попалась старая тропинка. Неизвестно, куда она ведёт, где кончится, что будет потом. Был бы Петя таёжником, не пошёл бы по ней. Она была давно заброшена, усыпана иголками, шишками. Сыроежки росли прямо на дороге. Но Петя решил: лучше по этой дороге, чем продираться сквозь чащу.

Хочется пить. Поел ягод, потянуло на воду. И Малышу охота напиться. Он когда долго не пьёт, то серьга туда-сюда, туда-сюда катается, будто калдык у человека.

Лосёнок знает, где вода: там, внизу, на дне распадка. Он чует её ноздрями. Слышит, как поёт, тихонько, по-комариному. И оттого, что она близко, серьга ходит глубже и чаще. Вот здесь можно свернуть с тропинки, спуститься вниз. Ведь он не привык терпеть жажду, захотел — подавай сразу.

Малыш решительно поворачивает вниз.

— Ты куда? — Петя натягивает повод. — Иди на дорогу!

Малыш дёргает головой и снова лезет в березняк. Такого ещё с ним не бывало. Вчера испугался выстрелов. А сегодня?..

Не скоро приходят они к ручейку — крутизна оказалась порядочной. Петя поскользнулся, зацепил рубашкой за пенёк, разодрал боковину.

Потом ударился головой об осину. Ударился, отпустил повод. Малыш привёл его к журчащему ручейку.

Пьют они от души. Лосёнок сосёт ледяную воду со вздохом, со свистом. И Пете больше некуда. Хоть знал он, что много пить нельзя, особенно в походе, — не удержался. Жажда оказалась сильнее.

Поели, попили, теперь бы пойти вдоль ручейка. А как пойдёшь? Сплошные заросли. По воде брести? Долго ль вытерпишь? И спать охота, под ветром, на солнышке. Ноги ещё идут, карабкаются наверх, а глаза слипаются. Что-то долго нет лагеря. Может, не в ту сторону идут? Наверно, сбились с дороги после ягодника.

Спать некогда, это Петя хорошо знает. А вот куда идти дальше? Распадок оказался длинным-длинным, отец называл такие тянигусом — тяни гуськом. А то смеялся: «Сопки называются так потому, что, когда люди на них поднимаются, сопят».

Перед последним спуском лес пошёл угрюмей, дорожка — сырей. Стали попадаться смородина, ольшаник. Грибы сами полезли под ноги: сырые грузди, подберёзовики, подосиновики. Значит, скоро конец распадку.

Конец-то конец, а что толку? Ручеёк-погремушка скрылся в камнях, растёкся болотом. Впереди видна узкая долинка. Долинка есть, а реки нет. Выходит, не всегда ручеёк впадает в реку?

— Заблудились мы с тобой, Малыш. — Петя прижимается к лосёнку. — Дурачок я, дурачок! Надо было идти старой дорогой.

Есть хочется давно. Сохатёнок щиплет траву на ходу и поэтому отстаёт от хозяина. А Петя думает о хлебе. Был бы хлеб, ну, без всего, съел бы

целую булку! А сейчас приходится рвать шиповник. Ест, ест, а всё голодный.

А вот и дождь капает. Быстро налетели тучи из-за гор, закрыли небо. Начали сеять мелко, пудно. Сохатёнку хоть бы что, у него — шерсть. А Пете приходится трястись от холода. Бр-р! Опять эта противная дрожь...

Ему хочется плакать.

Вторая ночь тоже была холодной. Дождь перестал перед утром. Шумел ветер, качались деревья. Кто-то кричал, ухал, свистел, выл. Пете казалось, что где-то близко ходят волки. Он даже видел их глаза, маленькие огненные точки.

Никаких волков близко не было, иначе сохатёнок не спал бы спокойно. А он мирно сопел и согревал Петю. Иногда раздувал широкие ноздри, дышал неровно. Наверно, опять снилась мать.

Утром Петя снова поел шиповника, а Малыш пощипал траву. Надо было торопиться, хотя неизвестно, куда и зачем. Просто надо было двигаться, что-то делать, о чём-то думать.

Они идут по той долине, что обманула их надежды. Ручеёк иссяк, нового не было. Долина не прямо упирается в горы — круто сворачивает за ближнюю сопку. А что за той сопкой, неизвестно. Вот какая получилась бестолковщина!..

Малыш вдруг вскидывает голову, фыркает, настораживает уши. Что-то увидел или услышал. Что-то ему не нравится.

— Что ты? — напрягается Петя. — Идём, идём, дурашка!

Из-за кустов появляется человек: высокий, плечистый, в брезентовом плаще, в резиновых сапогах.

За спиной торчит винтовка, на плечах что-то рыжее, большое. Коза? Как будто она.

Охотник идёт тяжело. Или приустал, или промок. Не видит ни Петю, ни лосёнка, пока не сталкивается нос к носу.

— Дядя Андрон! — вскрикивает Петя. — Здравствуйте!

Трухин медленно поднимает голову. Глаза сужаются в щёлки. Остро щупают Петю и сохатёнка. «И вы здесь? Ко времени пришли!»

— Откуда идёте? — Трухин сбрасывает козу, достаёт кисет. — Далеко гуляете.

Петя так растерялся, что не может сказать ни слова. Вот когда Трухин рассчитается с ним. За письмо, за сохатёнка. И никто не узнает...

— Заблудились мы, дядя Андрон. Были в лагере, брали ягоду. Пошли купаться и потерялись.

— Где брали?

— На Каменушке.

Трухин знает об этом. Ещё бы не знать: там самые опасные для него враги — Синчук с Чубаровым. А спрашивает ради любопытства: может, что-нибудь новенькое узнает.

— Второй день, говоришь, ходите?

— Ага.

«Ну скажи, какая незадача! — Андрон жадно сосёт сигарку. — Тогда лосиху убил — он с дедом тут как тут. Сейчас коза попалась — опять он, как из-под земли. Наваждение, да и только!»

Наваждение наваждением, а соображать надо. Коза — небольшая беда. И узнают — кто поверит? Не пойман — не вор, издавна известно. А избавиться от парнишки не мешает.

— Домой, значит?

— Куда ближе: домой или в лагерь?

— В лагерь — дальше. — Трухин кивает на распадок. — Вот по нему шпарьте. Выведет на дорогу — километров пять отсюда. Поверни направо. Там ещё километров пять. К вечеру притопаешь.

— Спасибо, дядя Андрон.

— погоди, спросить хочу... Не знаешь, кто в мой огород лазил?

— Не... не знаю.

— Лёд кто вытащил? Бумажку на дверь прилепил?

— Про лёд не слыхал, а бумажку — я.

Не надо бы Пете сознаваться. А вот само вылетело, не успел подумать.

— Ты, значит? — Андрон не ожидал такого признания. Даже задохнулся табачным дымом, закашлялся. — Так... Вызов мне посылаешь?

Вот и попался, тут уж не открутишься.

Трудно пришлось бы Пете, если б не андроновский Пират. Вывернулся откуда-то, налетел на лосёнка — лохматый, грудастый, самый сильный из всей оравы. Огромный медвежатник с рычащей пастью, со вздыбленной шерстью. То ль подумал — дикий сохатый, то ли узнал давнего врага. В грозном прыжке рванул сохатёнка за ляжку. Лосёнок взбрыкнул ногами, пустился наутёк. Пират повис на нём, потащился по земле.

Слёзы вскипают в Петиних глазах. Не помня себя, бросается за собакой и лосёнком кричит что есть силы:

— Малыш! Малыш!

А Малышу не до него. Будто ножом резанули по ляжке, острая боль впилась в тело. Больно, ой как больно!.. Нет сил тащить собаку, нет дыхания, разрывается сердце. Кровь бросилась в глаза и в голову, страх сковал от копыт до ушей.

— Дядя Андрон! Дядя Андрон! Прогоните Пирата!

— Ничего... играютя они. — Трухин прячет кисет. — Поиграют — разбегутся.

Силы оставляют сохатёнка. Ещё два-три прыжка — и упадёт, и не встанет. А собаке то и нужно: вцепится в горло, рванёт клыками — и конец всему.

В последнем прыжке взвизгивается Малыш, высоко вздымается над землёй. Пират разжимает зубы — Малыш бьёт собаку ногой по голове. С диким визгом падает кобель на землю...

Тут-то очнулся Андрон, откуда прыть взялась! Ни слова, ни полслова, хватъ винтовку — и к плечу. «Ах ты, сволочная скотинка! Лучшую собаку убила! Сколько вреда-пакости принесла... Конец тебе, конец!»

— Стой, Трухин! Ни с места!

Андрон поворачивается на голос. Знакомый голос, синчуковский, и Максим тут. «Хлестануть бы сейчас одного, другого... Жалко, много их собралось».

— Давай винтовку! — Синчук забирает оружие. — А это что? Коза? Разберёмся. Здравствуй, Петя! Долго мы вас искали...

— Дядя Володя! Максим!..

— Ну и силач! — Максим расцепляет Петины руки. — Два дня не ел, а такой сильный!

Синчук проходит мимо Пирата, останавливается возле Малыша. Ляжка его разорвана.

— Максим, Петя, идите сюда! Смотрите, какая рана. Надо кровь остановить. Погодите, так не годится, может лягнуть. Давайте свяжем, повалим на землю.

— Не надо. — Петя поочерёдно трогает колени Малыша.

Лосёнок ложится на землю, больной ляжкой кверху. «Мне больно, но я ложусь, — говорит он мутным взглядом. — Я знаю, вы мне поможете».

— Максим, давай фляжку!

Вода! Петя давно хочет пить. Но не попросит ни глоточка. Пусть дядя Володя выливает всю.

Синчук льёт воду на рану, осторожно обтирает Петиной панамой. Придут в лагерь, зальют йодом.

Трухин смолит сигарку за сигаркой. Злобой горят воровские глаза.

Синчук фотографирует козу и Трухина возле неё. Всё должно быть доказательно. Винтовку отобрал. За незаконное пользование оружием положено строгое наказание, вплоть до тюрьмы.

— За козу уплатишь штраф. За нарезное оружие сам знаешь...

— А собака убитая не в счёт?

— Не в счёт. Она первая на лосёнка набросилась. А вот Зуда тебе зачтётся.

— Ну, Синчук, встретимся в другом месте!

— Встретимся, Трухин, в суде... Пошли, ребята!

Синчуковский отряд поспевает к обеду. Первым увидел его Стась-поварёнок. В белой тужурке, с половником в руках, кинулся навстречу.

— Ребята-а! Смотрите, кто идёт!

Все горохом высыпают из палаток, наперегонки несутся к Пете, к сохатёнку. Стась успевает схватить кусок хлеба с солью.

— Явилась пропажа! — Чубаров примечает хромоту лосёнка. — Что с ногой?

— Андропова собака. Чуть не задавила.

— Опять Трухин! Возле зимовьюшки?

— Километра три в стороне. С козой шёл, на них вот наткнулся.

— И козу убил? — Чубаров оглядывает винтовку. — Андропова?

— Его. — Володя разряжает карабин. — Едва Малыша не застрелил.

— Ну, собачий сын! — дивится Чубаров. — Вторую за лето отнимаем. Арсенал у него, что ли? Петя угощает Малыша хлебом с солью.

ПОВЕСТКА

В сентябре забайкальская осень прощается с дождями. В долинах желтеют рослые травы, в горах осыпаются берёзы и осины. Ранние заморозки сушат шелковистые лиственницы. Иголки падают на землю, от этого она желтеет, становится мягкой, пружинистой. На ней последние денёчки жируют птицы и звери, готовятся к долгим зимним холодам.

Медведи ищут берлоги, зайцы становятся белыми как снег.

По утрам над полями, над озёрами пролетают журавли. Собираются в стайки полевые жаворонки, каменные дрозды, соловьи-красношейки. Впереди тяжёлая дорога. Счастливый путь вам, птички-невелички!..

Не вся природа мертвеет в сентябре. Далеко по сопкам разносится брачный зов изюбрей. Веселеет тундровый рогатый жаворонок. Все улетают на юг, а он явился на север: кому здесь холодно, кому — жарко. мудро придумала природа, нигде не должна иссякать жизнь...

В погожие безветренные дни в самом Юмурче-

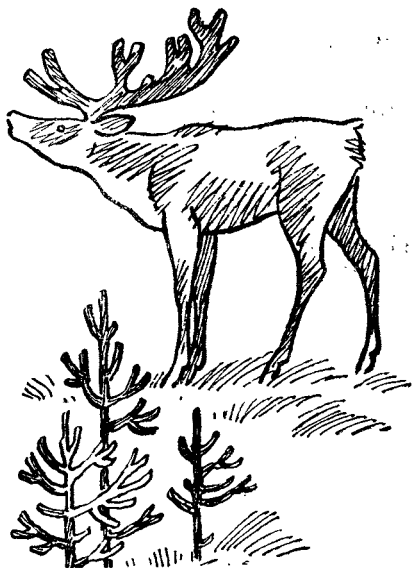
не слышны изюбри-
ные песни. До чего ж
они волнуют охот-
ничьи сердца! Мед-
ленной ходит трактор
Первушина, вздраги-
вает карандаш в руке
Чубарова. Замирает
душа у Андрона.
Хоть сейчас готов
схватить винтовку,
мчаться в горы. Легко
сегодня обмануть зве-
ря на дудку. И чаще
прежнего тянет мах-
ру.

В октябре в селе
выпал небывалый
снег. Шёл три дня и
три ночи, тяжёлый, мохнатый, липкий. Такого сне-
га юмурченцы не видели много лет.

Занесло единственную в селе улицу, дома похо-
дили на огромные грибы, придавленные снежными
шапками. Люди с трудом выбирались на улицу, раз-
гребали дорожки, откапывали окна и двери.

Кончился снег, подул холодный ветер — с се-
вера, с ледяных гольцов. Много истратил сил, что-
бы сдуть белые заносы, чтоб свободней вздохнуло
село. Но заносы затвердели, не поддавались ветру.
Так и остались лежать на горах, в селе, на берегу
Черемной.

По-всякому относятся юмурченцы к снежному
изобилию. Охотникам, что собрались в тайгу, он
портит настроение. Снег им, само собой, нужен, без
него что за охота? Да смотря какой!

Если умеренный — самый подходящий; тот, что выше крыши, — тащи обратно: лошади нелегко, собаке трудно, самому не рай. А ехать надо не далеко, не близко — километров за шестьдесят — семьдесят.

Оттого и хмурится чаще обычного Алексей Чубаров, неласковым словом поминает «небесную канцелярию».

Охота — основное занятие колхоза, ею живут и кормятся жители таёжных сёл.

Бабке Фене, например, от снега ни жарко ни холодно. Изба у неё новая, печка русская, широкая — сделали, как просила. Протопит печку, ляжет на её спину — блаженствует, как в парной.

У Первушина забот не меньше, чем у Алексея. С утра до вечера гремит «дэтэшкой», протаптывает дороги на скотный двор, на лисоферму, на городской тракт. Раздвигает юмурченскую улицу.

У старика Лукьяна своя радость — пошла нога на поправку. Оттого повеселел, подобрел. Скоро, наверно, потянут бочку с ленивым Карькой, потюжат снежную дорожку. Одно огорчает: прячет сосед Трухин камень за пазухой.

Ребятам снег — забава. На переменах играют в свежки, после уроков катаются на лыжах и санках.

На вырученные за ягоды деньги купили школьные пособия: географические карты, большой глобус, приборы для занятий по физике. Остались деньги и для поездки на Байкал.

Зима прибавила забот о сохатёнке.

Летом было разгуляй-море, ешь — не хочу. А теперь приходится поджимать живот, класть зубы на полку. Главная беда — сена нет. Проморочились

ребята: говорить говорили, а не запасли. Бормаш летом маялся ногой, бабка Феня собирала травы. Да какой из неё сенокосчик! Надо было Чубарову про это сказать иль председателю колхоза. Одним словом, нечем кормить Малыша.

Первым заговорил о лосёнке Славка:

— Что мы за хозяева? Весной кричали: нако-сим сена! Пришла осень. Где оно? Почему должен голодать сохатёнок?

— За ягодами ходили, — вспоминает Стась.

— Ну и что? Ягоду он есть не будет. Сена по-просит. Хлеб любит, разные болтушки.

— Лук, чеснок, сахар, — подсказывает Лавря.

— Суп с лапшой и курицей!

— На третье — сгущёнку!

— Ладно, разговорились! — супится Славка. — Предлагаю: кормить сохатёнка по очереди. Сегодня наш дом, завтра — Чубарёнка, потом — Лаврин.

— Так нельзя, — протестует Максим. — Нужен один хозяин.

— Ты, конечно? — хмыкает Славка: до чего же противный Максим Саранин! Что ни скажи, всё не по его.

— Мог бы и ты. — Максим примирительно толкает друга.

— Я что, я как все, — теряется Славка. — Тогда... тогда пошли к отцу Стася. Попросим у него сена.

— Муки попросим!

— Крупы!

— Сгущёнки!

— Хватит зубоскалить! Дело говорю! Кто со мной? Максим, Петруша, Стась... Ты, Лавря?

— Я, понимаешь...

— Понимаю, подумать надо. Сиди и думай, как курица на яйцах. Пошли, ребята!

Чубаров принимает гостей сдержанно; слушает рассеянно. Задумчиво барабанит пальцами по стеклу, отвечает невпопад. Стась редко видел отца таким — наверно, что-то случилось.

— Молодцы, ребята, понимаю вашу заботу. Но... поговорим об этом в другое время. Идите гуляйте. А ты, Максим, останься.

Ничего хорошего не ждёт Максим от разговора с Чубаровым. По глазам видит, по голосу слышит: плохие новости у председателя.

И сон плохой снился. Тягучий-тягучий, с огнём, с выстрелами. Откуда-то пришёл ночью Трухин. И всё растёт, растёт... Во всю комнату, под самый потолок...

— На вот. — Чубаров протягивает бумажку. — С подписью, с печатью, как положено. Пришла на моё имя. Как председатель сельсовета должен вручить... И обязан следить за выполнением. Ты сейчас за старшего в семье, с тебя спрос.

Максим берёт бумажку, быстро пробегает глазами. Что-то холодеет у него внутри. Горячо становится голове, туманятся глаза.

*Председателю Юмурченского сельсовета Чубарову А. П.
для предъявления Саранину Лукьяну Ефимовичу,
жителю села Юмурчен.*

Областное управление охотничьего хозяйства напоминает вам, что у гражданина Саранина проживает шестимесячный сохатёнок по кличке Малыш. Согласно существующему Положению жители села могут держать диких животных до пятимесячного возраста. Предлагаю в семидневный срок доставить сохатёнка по кличке Малыш в городское отделение охотничьего хозяйства...

— Куда его отправят? — Максим поднимает голову. — А, дядя Алексей?

— Не знаю, — мрачнеет Чубаров. — Не приходилось заниматься такими делами. В Москву, наверно, повезут, в Зоопарк, а может, в какой заповедник. Бывает, за границу отправляют, в жаркие страны. Мы у них зебр, страусов покупаем, бегемотов. Они у нас — лосей, соболей. Такие вот дела... Надо подумать, кто повезёт Малыша в город. Я не могу, уезжаю на сессию. Машина, как на грех, сломалась. На тракторе увезти? Кузов делать надо...

Максим не слышит, о чём печалится Чубаров. В мыслях он дома, на дворе, вместе с Малышом. Вспоминает тот весенний вечер, моторку, сохатёнка на берегу. Дед ворчит, не хочет брать лосёнка. Вот Малыш дома, у печки, на траве. Дедушка поит его из самодельной соски. Поход в тайгу... Всё было — хорошее и плохое. Все любят сохатёнка — и дети и взрослые. Через два года был бы большим сохатым, с могучими рогами. Большим Малышом...

— Ты что молчишь? Кого, спрашиваю, в город с Малышом отправить?

— Не знаю.

— И я вот не знаю. Была б моя воля, не делал бы этого. А закон есть закон. Переступишь — отвечать придётся.

— А что, если... дядя Алексей... Нет, нельзя...

— Знаю твою думку, — догадывается Чубаров. — Увезти в тайгу, переждать время. Так, что ль?

— Так.

— А потом? Всё равно в деревню пригонять надо. Тот же Андрон доложит: «Прячут, не отдают». Приедут, оштрафуют. Потом всё равно отвозить придётся.

Всё правильно, ничего не скажешь.

Ребята ждут Максима. Стась узнал о беде впереди всех. Мать сказала по секрету. Да разве такой секрет удержишь! Вот и сидят, ломают голову: что делать, как быть?

— Я б его ни за что не отпустил! — толкует Славка. — Что ему в жарких странах делать? С крокодилами жить? Со львами да с тиграми? Пусть африканцы сами разводят, если надо.

— Почему африканцы? — протестует Лавря. — А если индейцы?

— Какая разница? Везде там жара. А Малыш жары не переносит. Мы же знаем.

— Отец говорит, нельзя больше держать, — объясняет Стась. — Есть закон: за нарушение — штраф.

— А ты испугался?

— Мне что? Не мне попадёт.

— Кому же? Максиму?

— И не Максиму. Дедушке Лукьяну, вот кому.

— Смотрите, Стась-то прокурор, все законы знает!

— В зоопарке ему не сладко придётся, — сомневается Лавря. — Кто палкой кинет, кто горчицу в хлеб спрячет. Я читал про одного мальчишку, его звали Кишем. Знаете, как он белых медведей ловил?

— Иди ты со своим Кишем! — отмахивается Славка. — Пойдите, а кто повезёт сохатёнка?

— Я.

— Ты, Максим? — не верит Стась. — Ну и ну! Отец сказал?

— Да.

Не знает Максим, почему сказал «я», брякнул не подумавши. Или расставаться с Малышом не хо-

телось, или боялся в чужие руки отдать. Никогда не врал, а тут само собой получилось.

— Ты, Максимка? — приходит в себя Чубарёнок. — Слушай, повезём вдвоём! Одному, знаешь, трудно! А тут... один будет спать, другой — караулить. Ведь как может получиться: украдут — деньги в карман. А может быть и хуже...

Вполуха слушает Бормаш ребячьи разговоры. Слушает, себя понять не может. Вроде бы хорошо, что забирают Малыша, и вроде бы плохо. И жалко: привык к сохатёнку; а с другой стороны — всегда жди подвоха. Под самым боком живёт Андрон Трухин.

Кряхтит Бормаш, ворочается на лежанке, разговаривает сам с собой: «Мда, трудная попалась задачка, малина-ягода...»

Правду говорит Максим: нерешительный у него дед.

Первый снег, первая зима... Малыш радуется белому полю, снежинкам, падающим с неба. Попробовал их ловить: высунет язык, они садятся, тают. Языку холодно и приятно.

Бродить по снегу одно удовольствие. Ступаешь, а он сыплется, сыплется... В первый день, когда выпал снег, Малыш подумал, что это сахар. Лизнул — не сладкий. Почему?

— Снег это, снег, Малыш! — Петя взял горсть, помял, запустил в ворота. — Так мы в снежки играем!

Петя услышал о повестке последним: ходил к бабке Фене перебирать картошку. Незадачливая вышла у ней картошка: гниёт и гниёт помаленьку. Семена те же самые, и земля прежняя. А вот навалилась хворь, ничем не отобьёшь. Травками по-

лечить её надо бы, да не знает какими. Людей лечит, а картошку не может.

Как узнал новость, сразу побежал к Чубарову. Не может быть, чтоб Малыша увезли! Наверно, в городе перепутали, а может, дядя Чубаров неправильно повестку понял. Как же он останется без сохатёнка?

Чубаровы сидели за столом, ужинали. Стась загребал из чашки любимую лапшу. Отец разговаривал с матерью о каких-то охотниках, о пушнине. Печалился, что снег большой, — неудачливый будет год на белку и соболя.

— А, Петруха! — Чубаров заметил гостя. — Садись лапшу есть. Мать, налей-ка парню.

— Не хочу, дядя Алексей. Пришёл узнать про сохатёнка...

— Всё правда, Петруха, есть такой закон.

— Это мой лосёнок, я его нашёл! Не отдам!

— Подожди, не горячись. — Чубаров встал из-за стола. — Поговорим серьёзно... Пойми, нельзя держать сохатёнка в селе. И в тайге нельзя, не приспособлен. Волки задерут, человек может застрелить. Он же ручной, понимаешь?..

Нет, не хочет понимать Петя, что говорит председатель.

«Ничем не помог дядя Алексей, зря только ходил», — думает он по дороге домой.

На этот раз Максим встал раньше брата. Сидит на табуретке, чинит унты, готовится в дорогу. «Готовься, готовься, — думает Петя, — только не придётся тебе шагать с Малышом по городу. Уж я-то знаю».

Нужно торопиться!

Петя шмыгает на кухню, берёт хозяйственную сумку, надевает пальто и шапку. Максим подозрительно смотрит, как суетится брат. За ним сейчас нужно смотреть больше, чем за сохатёнком.

— Ты куда?

— В магазин за хлебом.

— Есть же хлеб.

— Нету.

— Как нету? — не верит брат. — Вчера покупал.

— Говорю, нету. Малышу скормил, спроси дедушку.

Хитрит Петя, ой хитрит! Ничего не знает дед Лукьян, спит-храпит на своей лежанке.

Петя выводит лосёнка из стайки. Надевает узду. Максиму видно из окна: брат отдаёт последний кусок хлеба с солью, гладит шею обеими руками. Самые приятные минуты для лосёнка.

— Пошли в магазин, — говорит, — за хлебом.

В магазине он берёт большую булку, просит насыпать полную сумку зерна.

— Зачем зерно-то? — спрашивает продавщица.

— Малыша кормить, чтоб рос быстрее.

От магазина Петя спускается к реке. Знакомая Малышу дорожка. Черемная посыпана глубоким снегом, изрисована полозьями, копытами. На середине высится ледяная шапка, озарённая блескущим солнцем. К ней цепочкой тянутся коровы, овцы, лошади. Это их прорубь, они её хозяйева.

Сохатёнок тянется к воде. Чёрная корова уступает место. Малыш пьёт медленно, сосёт сквозь зубы, чмокает. Он-то к ним привык, а они до сих пор не могут. Странное для них животное: ни корова, ни лошадь. «Му-му! — кричат. — Кто такой?»

Всё было понятно Малышу до проруби на Черемной. От неё они должны повернуть к дому. Но сейчас Петя не сворачивает к берегу, а идёт по реке, за магазин, за пекарню.

Ну что ж, и это ясно. Вот уж куда любит заходить Малыш — к пекарям! Стоит, нюхает хлебный дух — наслаждение! Душевные люди пекари, не жадные. Вынесут тёплую горбушечку с хрустящей корочкой, душистую, посоленную. «Ешь, Малыш, поправляйся!»

Сразу за пекарней начинается лес — берёзовый, лиственный подрост. Проходят его, конный двор с лошадами. «А, значит, мы гуляем», — решает сохатёнок.

Больше часу идут по Черемной, доходят до Зелёного острова. Остров длинный-длинный, зарос высокими тополями, непролазной черёмухой. Летом юмурченцы ездят сюда на отдых; приплывают коровы с лошадьми, поесть вкусной травки. Здесь часто бывают Максим, Стась, Лавря. Максим плавает, как баклан, Стась — по-собачьи, Лавря — на доске. А то надует резиновый круг — пошёл шлёпать...

Петя выводит Малыша на поляну, похожую на ту, летнюю, где ели землянику. Достает из сумки хлеб, угощает сохатёнка. Отламывает по куску, макает в соль — припас, завернул в тряпочку, — сунёт в мягкие сохатиные губы. Верхняя губа у него большая, длиннее нижней. Зубы ровные, сильные, всё время хрустят: «Хрум! Хрум!» Какое удовольствие жевать мягкий хлеб с солью!

Малыш жуёт не переставая, не успевает брать из рук. И всё удивляется Петиной щедрости. Не часто бывает такое, чтоб в один раз скармливал по булке.

— Ешь, ешь! — торопит Петя. — Останешься здесь, поживёшь на острове. Я буду приходить, приносить хлеб и сахар. А сегодня ешь это зерно. Когда Чубаров узнает, что тебя нет, пошлёт в город бумажку: «Сохатёнок по имени Малыш убежал в лес, его искали — не нашли. Пусть живёт в тайге». А я приду, возьму тебя — снова будем вместе.

Петя снимает с Малыша колокольчик. Прижимается к шее. Сначала шея холодная, а потом тёплая. И шерстинки нисколько не колются.

Петя торопится выйти на дорогу, боится, как бы лосёнок не погнался за ним. А он и не думал оставаться. Ему не нравится поведение хозяина. Малыш догоняет его, толкает в спину мягкой губой — сообщает, что он здесь. Петя вздрагивает, хотя и ожидал толчка. Останавливается, укоряет взглядом.

— Как ты не поймёшь? Это же маскировка!

«Не знаю никакой маскировки. — Малыш опережает Петю. — Ты идёшь, и я иду. Мы же гуляем. Я никогда с тобой не разлучался, пусть и дальше будет так. Лучше дай ещё хлеба».

— Понимаешь, я спасаю тебя! От жары, от крокодилов, от клетки. От злых людей — они будут смотреть на тебя и дразнить. Как ещё объяснить?

«Ничего объяснять не надо, — машет головой лосёнок. — Если не даёшь хлеба — твоё дело. — Он заглядывает в сумку. — И сахару позабыл дать».

— Что ж мне с тобой делать? — размышляет Петя. — Думал, всё будет хорошо, а ты вон какой упрямый. Стоп! Рыбачий домик! Как я раньше не догадался? Пойдём, там тепло и никто не увидит.

Рыбачий домик высокий, просторный, с дверью и полом. Даже окошечко есть, смотрит в таёжную сторону.

Петя открывает дверь, зовёт сохатёнка:

— Заходи в дом!.. Так, стой здесь. Сейчас насыплю зерна, соберу сено, постелю постель. Дверь закрою на палочку, подопру поленом. Чтoб подумали, что здесь никого нет. Вот и всё!

Вот и всё. Отдыхай, Малыш, и жди.

На обратном пути Петя заходит к бабке Фене. Та угощает его пирожками с морковью. Вкусными, сладкими: ешь, ешь — не наешься.

— Ты пошто без сохатёнка? Захворал, што ли? Всегда при тебе, а тут бобылём явился. Я горбушку с солью припасла. Любит он горбушку-то.

— Любит, — мычит Петя полным ртом. — Угадала, бабушка, приболел Малыш, я один пришёл.

— Поди ж ты! — ахает старуха. — Неужто не той травой лечила? Да нет, кажись, той... Ешь, ешь, да пойдём. Взгляну на него. Другой травки возьму, поспособней...

Петя никак не ожидал от бабки такой прыти. Как он не подумал, поддакнул старухе. Откручиваясь теперь от настырной...

Жуёт Петя пироги, не торопится, думает, как бабку обхитрить. Только ничего не приходит в голову.

— Я ведь люблю сохатёнка-то, — признаётся старуха. — Он когда и без тебя ко мне приходит. Полю грядки — он со мной. Сорву морковку — он её хрум, хрум! Вырастешь, говорю, воду мне будешь возить. Ты, говорю, здоровый, а я воп какая былинка-тростинка... А сама репу даю. Любит он репу-то!

— Воду возить... воду возить... — соображает Петя. — Слушай, бабушка, я тебе воды натаскаю. Полную кадуюшку. Я сейчас...

— Сказал — воды! Вчера Стасик с Максой носили. На неделю хватит.

— А дрова? Хочешь, дров наколю?

— И дров не надо. На днях пильщики были, из колхоза. Председатель послал. «Идите, говорит, напилите дров бабке. Одинокая она, ухаживать некому». Пришли, значит, с пилой этой... механической. Жик-жик! Готово дело.

— И покололи?

— Маленько сами покололи, остальные — Макса со Стасем.

Везде суются Максим со Стасем, никуда от них не денешься.

— А хлеба у тебя нету! — Петя шарит глазами по столу. — С чем щи хлебать будешь?

— Хлеба, кажись, нету, — вспоминает старуха. — Хотела взять вчера и забыла.

— Вот видишь! Давай деньги, я живо! Сколько? Булку, две?

— Ошалел! Полбулки на два дня за глаза.

Схватив сумку, Петя вылетает на улицу. На бегу заматывает шарф, застёгивает шубу. За углом переводит дух. Надо ж попасть в такой переплёт, еле выкрутился!

А теперь к Лавре — отсидеться, провести время. Жди бабка обеденного хлеба.

Малыша привёл дед Кукша. Ходил проверять лунки — не попалось ли чего? Зимой он иногда и на острове рыбачит. Идёт обратно, слышит, мык раздаётся в избушке. Глянул... Батюшки светы! Сохатёнок в ней томится. Стоит мычит, а на гла-

зах слёзы, крупные, как горох. «Кто ж тебя так, родимый? Куда Петыша-варнак смотрит?»

Потом уж догадался дед, по какой причине оказался Малыш в избушке.

Привёл сохатёнка Сараниным, передал из рук в руки.

Вот когда взвился дед Лукьян, вот когда разошёлся! Терпела струна, да лопнула!

— А ну поди сюда, чертёнок! Ты что, в самом деле? Беду накликать хочешь? Мало озорства твоего видели? Теперь сохатёнка захотел угробить? Да знаешь, вражий сын, в случае чево, за него пятьсот рублей платить надо?

Не стерпел Бормаш, поперёк спины внука вытянул. Сел на лежанку и заплакал:

— Что ж вы со мной, шельмецы, делаете?..

Жалко Максиму брата, а ничего не поделаешь: заслужил — получай. И деда жалко.

Петя всхлипнул, побежал к бабке Фене. Бабка, как узнала, хотела идти к Лукьяну, отчитать непутёвого деда: «Это што за мода ребятёнка бить? Свихнулся с ума, старый! Сиротинка он, Петыша-то!»

За селом лежат нетронутые снега. Сюда ещё не добрался первушинский «дэтэшка» с деревянным утюгом, не разогнал с дороги полуметровый снег. Не часто ездят юмурченцы в эту сторону. Вот и не торопится тракторист.

Сохатёнок еле-еле бредёт по целине, трудно переставляет длинные ноги, дышит часто, тяжело, прерывисто.

Петя сидит на Малыше в шубе, в шапке с завязанными ушами, в оленьих унтах. Беспокойно

смотрит на снежный простор. Понимает: не хватит у Малыша сил долго ехать по бездорожью, по тяжёлому снегу.

И всё-таки надо бежать. Петя боится погони, уговаривает, подбадривает. Сохатёнок старается изо всех сил.

Сегодня Петя поднялся до свету. Максим не слышал, как он ходил по комнатам, искал рукавицы. Всё приготовил с вечера: шубу, шапку, валенки. Разыскал старый отцовский подшлемник — шерстяной колпак с прорезью для рта и глаз. А про рукавицы забыл. Куда задевались?..

А задевались в неподходящее место — лежали под поленьями возле печки. Поленья загремели, чуткий Лукьян спросил: «Ты, Петруха?» — «Ага! — ответил шёпотом. — На улицу надо».

Никто не видел, как прошли по селу, свернули за новый дом бабушки Фени. Отсюда начинается лес и дорога, по ней ребята ходили за ягодами. Дорога — в снегу, кружит лесом, полянами, выводит в широкую падь. И здесь сплошная целина во все стороны.

В эту падь и заехал Петя.

Малыш стоит по колено в снегу, тяжело поводит боками. Тёплый пар валит от мокрой шерсти. Идти дальше нет сил...

Ничего не сделаешь, надо возвращаться.

Когда сохатёнок повернул обратно, Петя посмотрел на Черемную, снежную, бугристую, с ледяными прогалинами. Снежную-то снежную, да по ней бежит ровная дорога! Почему ж он сразу не повернул туда? По реке до кукшинского зимовья ехать дольше, но что из этого? Утро только начинается, к вечеру доберётся. А там дед Кукша сообразит, как быть.

Малыш напрягает последние силы, еле-еле добирается до Черемной. Последние сто метров берёт прыжками. Петя едва держится в седле.

По реке сохатёнок идёт резвее: снег на льду не такой толщины — ветер слизал. Кто-то проехал на сани в сторону дедова зимовья. А по следу шагать — не то, что по целине.

У деда Кукши Петя бывал не однажды, приплывал с отцом на моторке за рыбой для лис. Вредные эти лисы, морочливые... То им мяса дай, то рыбы! Да не какой-нибудь — хорошей. Не дашь — забастуют, есть не будут. И ничего не сделаешь, накоرمишь. Шкуру-то надо беречь!

В последний приезд старик подарил отцу громадного тайменя, вполовину лодки. Ели целую неделю, приглашали дядю Алексея, председателя колхоза. Хороший был таймень!

Интересное прозвище у деда — Кукша. Отец рассказывал, что Кукша — это птица, она любит разряжать охотничьи капканы. Когда в них нет добычи, утаскивает приманку. Любой охотник старается убить зловредную воровку.

Характер у деда совсем не кукшинский. Гостеприимный, добрый. Зимой и летом дед ловит рыбу лисам. Часто приезжает в село погостить. Тайга любит молчаливых, а дед — говорун.

К деду Кукше и едет сейчас Петя — пожить у него, пока все забудут про лосёнка.

Тусклое солнце ледышкой висит в мутном небе. Кряхтят мохнатые лиственницы под грузным снегом, безвольно виснут их белые лапы. Белая речка, белая тайга, белые сопки...

Быстрая белка, цокая, слетает с высокой сосны. Она теперь не чёрная, а тоже белая. Упрямо пробирается на речку, бежит-семенит на тот берег

То ли домой спешит, то ли в гости к кому. Если подстегнуть Малыша, свободно можно догнать. А зачем? Пусть бежит. Может, и она скрывается от кого-нибудь...

Черемная петляет по долине, горы тесней сдвигаются к берегам. Камни-громадины высятся серыми караваями. Подземная вода просачивается на лёд, расплывается

матовыми пятнами. По обоим берегам белеют ледяные шапки, блестят языки замерзающей воды.

На полпути, возле скалы-сиротки, Петя останавливается передохнуть. Вынимает из кармана два куска хлеба. Один ест сам, другой даёт Малышу. Подмороженные горбушки закипают холодной водой. Теперь можно терпеть до самого зимовья.

Не так далеко остаётся до зимовьюшки. Вон за той сопкой Черемная поворачивает на юг. За ней должна быть ещё одна сопка. А за той, рядом с протокой, стоит дедова избушка. Если поднажать, часа через два будут на месте.

Беда, как всегда, случается неожиданно. Малыш минует одну наледь, вторую... В третью ухает по самый живот. Не удержавшись, седок летит через

голову лосёнка, падает в ледяную воду. С минуту барахтается в ней, с трудом выползает на твёрдый лёд. Сгоряча не чувствует ушиба. Но мокрые лицо, руки сразу охватывает жгучий холод.

Малыш выпрыгивает из воды, стоит рядом, понуро опустив голову. Всё время осторожничал, ступал не торопясь. А тут недосмотрел...

Петя вытирает лицо, руки о шерсть лосёнка. Шуба, шапка, валенки скоро покроются ледяной коркой, мороз поползёт по всему телу. Надо развести костёр, обогреться, обсушиться. На этот раз он не оплошал, взял коробок спичек. Скорее к берегу, дров там сколько хочешь!

Бежит к высокой круче, к поваленной сосне. Здесь ветер тише, ветки суше. Сперва наломать на растопку, потом принести потолще, а после — совсем толстые. Скорей, скорей, в работе разогреешься!

Теперь можно поджигать. Поджигать-то можно, да чиркает, чиркает — ни одной искорки. Полкоробки истёр — никакого толку.

Опять недодумал Петя-таёжник. Надо было положить спички в полиэтиленовый мешочек. А уж если так случилось, потёр бы намокшие головки о сухие волосы — о свои, о сохатёнковы. Бывает, зажигаются.

Сколько времени даром потерял! Километра бы три проехали.

— Эх ты! Я тебя спасаю, а ты меня топишь!

Петя бросает коробок, садится в седло, погоняет сохатёнка. Теперь одна надежда: побежит прытко — Петя не успеет замёрзнуть. Шевелись, шевелись, мохноногий, спасай хозяина!

Рукавицы мокрые, руки стынут быстро. Это ладно, их можно греть о шерсть лосёнка. А лицо? А ноги? Ноги начинают замерзать. Вода попала

в валенки, промочила портянки. Пожалуй, не добраться ему до деда Кукши: что-то медленно бежит Малыш.

Это Пете кажется — медленно. Все силы отдаёт лосёнок размашистому бегу. Так припустил, что волк не догонит. Только бы Петя продержался, не окоченел бы раньше, чем появится зимовье. Торопись, торопись, белоногий!

Что-то непонятное творится с седоком. Сначала было холодно, теперь стало теплей. Липкий сон туманит голову, сопки сливаются с белыми долинами. Сплошное белое пятно стоит перед глазами. Выплывают Максим с Чубаровым, удивляются, как он решился убежать. А ведь слово давал, честное слово...

Как решился? Ради Малыша. А честное слово не давал, потому что знал: всё равно спрячет сохатёнка.

Странно: ни Максим, ни Чубаров не ругают Петю. Говорят, а не ругают. Смотрят, качают головами: мол, сам понимаешь, что ты натворил.

Только исчезли Максим и Чубаров — появился дед. На костылях, с забинтованной ногой. Раньше у деда борода и усы были бурые, а теперь белые-белые. Как снег, по которому прыгал сохатёнок. Гладит внука по голове, а сам плачет: «Ты же, Петруха, до смерти замёрз, почему на лосёнке сидишь?»

Петя встряхивается: чувствует — вот-вот заснёт. А спать ему нельзя, никак нельзя на таком морозе. И отец говорил: «Главное, когда замерзаешь, — прогнать сон».

Сколько ещё нужно ехать? Летом бы узнал, сейчас трудно — всё скрылось под снегом. Ну и пусть, зачем ему приметы? Вот когда подремлет, станет

лучше. Спать не надо, это правильно, а подремать... почему бы нет?

У деда Кукши он попросит жареной рыбы. Никто лучше не умеет жарить ленков и хариусов. У него приправа из травы. Даже бабка Феня так не умеет. А бабка Феня...

Только б не свалиться, только б удержаться за холку... А уж дедушка спрячет Малыша, и его спрячет. Отведёт в тайгу подальше, по такой дороге, какую никто не знает. Ни Чубаров, ни дядя Володя не найдут. Вот тебе, Максимушка!..

Ниже, ниже клонится Петя к шее Малыша. Не чувствует, как валится в снег. Не видит сохатёнка, не слышит его храпа... Ну вот, стало совсем тепло, жарко даже...

— Очнулся, Петя-Петушок? — Дед Кукша степенно поглаживает усы, будто отдирает сосульки. — Ледышкой был, думал, делу конец, отчаевал Петро Саранин...

Разговорчив дед, улыбчив. Когда ходит, горбится, будто поднять что хочет. Глаза внимательны, ласковы, всезнающи. Таких дедов раньше на иконах рисовали.

Жара в избушке — дышать нечем. А старик ещё дровец подкладывает, не каких-нибудь — лиственничных.

— Терпи, Петро, кали печёнки-селезёнки, не давай хвори спуску! На-ка чаю с мёдом, с малиной... Лепёшки бери. Не стесняйся, у меня, брат, муки много...

Догадывается дед, зачем пожаловал гость: известно ему, что хотят забрать сохатёнка, увезти в Москву, в главный зоопарк. А что ему делать в

Москве? Место зверя в тайге, тут жизнь его и смерть. Малыш, правда, непривычен к лесу, так можно к работе приучить. Была б дедова воля, не отдал бы сохатёнка, ни за что б не отдал!

Да вот беда: неосторожно ехал Петруша, не убе-рёгся, как бы воспаления лёгких не было.

Вспоминает Кукша свои младенческие годы. Та-ким же был сорванцом, любил убегать в лес, ка-таться по рекам. В тайге один ночевал, без костра, без палатки. Найдёт дуплистое дерево, свернётся комочком, будто белка на морозе, продремлет ночь. А утром новые забавы: бурундука погонять, на белку посвистеть, козой полюбоваться. Никого не убивал Кукша, в жизни ружья не нашивал.

— Как же ты, Петро, в наледь угодил? — спра-шивает дед.

— Не я, дедушка, Малыш выбирал дорогу. Отец говорил: на трудной дороге дай волю коню, он луч-ше знает, куда идти. Вот я и дал, совсем повод не натягивал. Две наледы проехали, на третьей про-валились. У меня спички были, хотел костёр раз-жечь. А они подмокли. Ни одна не загорелась. По-ехал дальше — теплей стало. А когда согрелся — задремал.

— Задремал бы на веки вечные. Ладно, я уви-дал, когда от мордушки шёл. Гляжу, едет — не то мужик, не то парнишка, то ль на лошади, то ль па корове. Глянул эдак, а ты уж на снегу. Ещё бы ми-нут десять — кончено дело.

— Дедушка, знаешь, зачем я приехал? — спра-шивает Петя.

— Догадываюсь.

Старик угощает гостя жареной рыбой, тут же узнаёт сельские новости. Правду ли говорят, будто сохатёнок убил Андронову собаку? Кто из охотни-

ков ушёл на промысел? Как бабка Феня поживает? И скоро ль Первушин прямую дорогу проложит?

О дороге Петя ничего не может сказать, все другие дела знает не хуже бабки Фени. Рассказывает подробно, больше всего про бабку. Про то, как она хотела посмотреть сохатёнка. Чуть не влип он тогда...

— Долго жить у меня собираешься? — интересуется дед.

— С неделю, дедушка. У нас завтра каникулы.

— Живи сколь хошь, — разрешает Кукша. — Пищи нам хватит, сохатёнку ничего не надо, сам прокормится.

Не хочется старику огорчать Петю. Не понимает парень, что завтра же придут за ним по следу Малыша. Выходит, по-страусиному спрятался Петро: голову в песок, а хвост на воле.

— Отдыхай, отдыхай... — Дед шурует в печке. — Молодец, что о звере заботишься. В отца пойдёшь. Я в своё время...

И старик с удовольствием отдаётся воспоминаниям.

В ГОРОД

С тех пор как в сельсовет пришла повестка, в Юмурчене только и разговору о сохатёнке. Бабка Феня — сельский информатор — с утра бегаёт по селу, ходит из дома в дом, жалуется: «Куда же ево, несмышлёныша?» И сама отвечает: «В город, милые, требуют, в какую-то Ахрику. А што ему в этой Ахрике делать? Булыжники грызть?»

Юмурченцы согласны с бабкой: несправедливо

получается. Обжаловать бы надо, собрание провести: не отпускать лосёнка из села. Должны прислушаться в городе, коль народ просит.

Лишь Андрон с Маврой не нарадуются городской повестке.

Сам он после таёжного случая приболел, не собирался на охоту. А сейчас надумал: скажет, что пойдёт в гольцы, а выйдет в другом месте. Надо, встретиться с одним человеком...

Белок в этом году как в мешке орехов. За белкой потянулся соболь. Потому что мышь в лесу появилась. А где мышь, там и соболь-соболек. Хорошо можно пожить. Да не сейчас, когда сбудется одна задумка...

— Ты куда ноне? — Мавра набивает перемётные сумы. — В гольцы аль по речке?

— В гольцы, в гольцы. — Андрон старательно забивает пыж. — Жди через месяц-полтора. Если хорошо добуду.

— Когда плохо добывал? Лучше охотника по всей Черемной нет.

— С чево хвалишь-то? — оборачивается Андрон. — Какая муха укусила?

— Да ведь радость! Сохатёнка этого — штоб он сдох по дороге! — увезут. Срежут бельмо с наших глаз...

— Та ещё скотинка... — Андрон суёт патроны в патронташ. — Наделала делов...

Хитрит Андрон, не доверяет жене правды. Пусть думает про гольцы. А то проболтается соседкам, те — всему селу. Махнёт на перевал, посмотрит, что да как.

Понадобится — добежит до Сергачей. Со Спириным Гришкой потолкует, вдвоём что-нибудь сообразят.

— Коня-то где возьмёшь?

Вот пристала смола липучая — вынь да положь! Умела б молчать, сказал бы: никакого коня ему не надо. Сейчас про винтовку спросит. Ну вот...

— Винтовка-то есть? — Мавра застёгивает суму. — Прежнюю не отдали?

— Из пальца палить буду! — плюётся Трухин. — Ну дура-баба! «Прежнюю-то не отдали!»! Разевай рот, держи карман шире! Скажи спасибо, что за решётку не спрятали! Возила б передачи...

Винтовки нет, а карабин имеется. Не перевелись надёжные люди, выручают. А жене опять же говорить не надо, пусть думает, что с дробовиком идёт.

Есть ещё одна причина, важная... из-за неё должен Трухин вдвойне торопиться. Дружки из города сообщили, будто Синчук добился пересмотра браконьерского дела. Значит, вот-вот должна прийти судебная повестка. Может, сам привезёт. Куда ни кинь, одна тропа у него с охотинспектором, куда ни сворачивай, на неё попадёшь.

— Шевелись, шевелись! — подгоняет жену. — Завтра с зорькой, бог даст... А ты держи язык за зубами: не знаю, мол, не говорил, его дело, с него спрос. Поняла?

— Поняла, поняла... И так всю жизнь молчу.

— Что ты с ней сделаешь! — вздыхает Андрон. — Правду говорит присказка: ты ей стрижено, она — брито. Все вы, што ль, бабы, такие?

Ноябрьским утром приезжает в Юмурчен Володя Синчук. На старенькой полуторке с «лысыми» покрышками. Просто удивительно, как мог пробиться шофёр сквозь снежные завалы. Уважил Чубарова.

— Семён — мастер. — Володя кивает на шофёра. — Знакомся: те самые ребята, хозяева сохатёнка.

— Семён Агеев! — Шофёр подаёт ребятам крепкую руку.

Всем нравится весёлый парень в замасленном ватнике, в шапке с кожаным верхом, в сапогах на меху. По разговору — балагур, по хватке — умелец на все руки.

— Значит, так, ребята, боевое задание командования. Первое — разыскать доски, второе — найти топор, молоток, гвозди. Топор нужно поострее, гвозди подлиннее. А доски, сами видите, по кузову. Вопросы есть?

— Есть! — шмыгает носом Лавря. — Зачем?

— Вопрос по существу, — щурится Агеев. — Кстати, где ваш сохатёнок? Ага, вижу. Гро-ма-ад-ный зверина! По его мерке сделаем загородку, поставим в кузов. Посадим сохатёнка, поедем в город.

— Чудной ты мужик, — улыбается Синчук. — Где они доски найдут?

— Найдут, не беспокойся! Твоё дело — документы. Остальное беру на себя. Кстати, поесть бы не мешало.

— Поедим, когда всё сделаем. Мне к Трухину надо, повестку ему привёз.

— К заглавному браконьеру?

— К нему. А вон и жена его. Послушайте, Мавра... Хозяин ваш дома?

— Нету, нету, — подходит Андрониха. — На што он вам?

— По одному делу. Где же Трухин?

— В тайгу ушёл. Сказывал, в гольцы.

— Давно?

— Седни утром, по зорьке. Аль што надо?
— По охотничьему делу. Вернётся не скоро?
— Может, через месяц, может, полтора. Сказал, как удача будет.

— Предупредили дружки-приятели, — досадует Синчук. — Ладно, от себя никуда не уйдёт.

— Ай сказать чево надо? — пристаёт Андрониха.

— Сам скажу.

Недовольна Мавра таким разговором, ничего не выведала у охотинспектора. А хотелось порадовать, когда муж вернётся: «Синчук-то про тебя говорил...»

Невесело ребятам строить загородку для сохатёнка. Для такого дела неохота стараться. А если подумать: всё равно увезут. Значит, придётся строить.

Ребята пилят доски, те, что Стась взял у отца, сбивают крепко-накрепко. Чтоб не развалился в пути кузовок, чтоб удобно было сохатёнку.

— Так, так, ребяташки, — одобряет Агеев.

— Я напишу, — обещает Синчук. — Сообщу, куда отправят.

— А нас с Максимом не возьмёте, — спрашивает Петя, — проводить Малыша?

— А что? Возможная вещь! — Агеев смотрит на Синчука. — Возьмём, Володя? Оттуда сам привезу иль шофёров попрошу. Дело нетрудное.

— Возьмём, если дед Лукьян не против.

— Командование решило взять! — объявляет Семён. — Бегите домой, одевайтесь потеплее. Отправка в четырнадцать ноль-ноль. С собой иметь ложку, кружку, хороший аппетит. Ша-гом марш!

«Дедушка не отпустит», — думает Петя.

Любопытных в Юмурчене всегда много. И сейчас кружатся возле машины, рассуждают всяк по-своему. Бабка Феня опять заводит разговор про Африку:

— Чи жало будет, ой, как чи жало! Жара там, а он в этой шубе... Нешто, постригут? А какой он сохатёнок без шерсти? Чучело огородное... Надо б собрать ему гостинцев на дорожку, — соображает бабка. — Вспомнила! Морковные пирожки у меня есть. Любит он пирожки-то морковные! Вы подождите, не уезжайте. Я сейчас...

— Неси и на нашу долю, — просит Агеев. — То же мне буржуйка: зверя пирожками кормит!

Многие юмурченцы выходят провожать сохатёнка. Лаврина мать и Чубарёноква принесли Малышу разной еды. Бабка Феня суёт Максиму тряпицу с полосками. В ней сушёная травка. «Вдруг в дороге заболеет? Бери, бери, она же лёгонькая. Отвар сделаешь, попоишь. Хворь и отступит».

А вот и дед Лукьян ковыляет:

— Макса, а Макса! Петрушку не видел? Опять, варнак, запропастился! Ну что за дитё непутёвое!

— Не знаю, дедушка, сам ищу.

— Ну скажи на милость! — Дед обращается к ребятам: — Лавря, Стаська, Петруху не видели?

— Здесь крутился, недавно видели.

— Ах, варнак-варначище! — причитает Лукьян. — Хоть на цепь привязывай бесёнка! Макса! Ищи Петруху!

Трудно старику с Петей, совсем невозможно. Сколько раз выводил из терпения, и вот опять оказия: пропал, словно в снег зарылся.

Малыша с трудом заводят в клетку. Не нравится ему новый дом на колёсах. Куда его повезут? Где Петя? Нет, нет, всё не нравится...

Семён закрывает борт, зовёт Максима в кабину. Максим отказывается. Он поедет наверху, рядом с сохатёнком: Малыш меньше будет беспокоиться.

Машина трогается. Ребята бегут следом, машут шапками.

— Счастливый путь!

Покачиваясь на ухабах, машина минует пекарню, дом бабки Фени, выходит на дорогу. Малыш поворачивает голову, печально смотрит на родной Юмурчен...

Всё лосиное надел на себя Трухин: штаны и куртку — самая удобная одежда: лёгкая, прочная, бесшумная. Лёгкая — чтоб не устать, прочная — чтоб не рвалась о кустарник, бесшумная — чтоб не пугать зверя. И от дождя спасёт и от холода. Штаны надеты поверх ичигов, — снег не попадёт за голенище. Уши у шапки наполовину опущены, сзади схвачены завязками. Тоже таёжная хитрость: уши у охотника должны быть настороже, как у зверя. За плечом — карабин. Не обеднел Трухин от того, что Синчук отобрал винтовку. Этот же карабин не отнимет, разве что у мёртвого. А умирать Андрон не собирается.

Рано вышел охотник из дому, а всё равно припозднился: за оружием крюк сделал. Теперь вот непонятно: выехала машина из села? Кажись, нет, второго следа не видно.

Следа не видно, а на дороге что-то чернеет. Гляди-ка ты — человек, знакомая личность: Петруха Саранин! Стоит, смотрит в его сторону. Как бы не увидал, вражонок!

Ну скажи ты, судьба-судьбина! Нарочно, что ль, она сталкивает его с Сараниными?

«Однако, что он тут делает? — Этот вопрос не праздный для Андрона. — Ба! Машину ждёт! Решил, что не возмут, а здесь — им деваться некуда. До чего хитрый пацанёнок!»

Как бы ни было, придётся обойти. Андрон сворачивает с дороги, и тут ухо ловит отдалённый шум. Машина! Скорей в кусты, за деревья! Иначе всё пропало!

Он плюхается в снег за колодиной. И — вовремя. Из-за леска выплывает «ЗИЛ» — трёхтонка. Сначала виден сохатёнок — голова, уши, спина. А тело словно висит в воздухе. Потом появляется кабина, кузов. Дорога — на подъём, шофёр жмёт на газ, мотор поёт громче. Тяжело, но тянет, не отказывается.

Машина проходит мимо Трухина. Он близко видит Синчука с шофёром, сохатёнка. Максим стоит рядом, обнимает Малыша за шею.

И ещё одну сцену видит Андрон: встречу машины с Петрухой. Все собрались возле него. Максим кружит вокруг брата — наверно, ругает. Петруха стоит наклонив голову — будто бычок, готовый боднуть. Характер у бесёнка — ничего не скажешь!

Но всё кончается благополучно. Петруха лезет с Максимом в кузов. Значит, и его берут. Добился своего Петьша-вражонок!

А дорога Трухина прямее: через перевал, на Сергачи, к дружку Гришке Спирину.

...«ЗИЛ» с лосёнком заезжает в Сергачи. Здесь дом

Семёна, здесь они пообедают. Надо ещё осмотреть машину, мотор в особенности. В одном месте так трахнул об камень под снегом, что в ушах зазвенело. Из радиатора закапало. Как бы не пришлось заправлять...

Сергачи отличаются от Юмурчена: кривая улочка, старые дома. Поставлены вкривь, вкось — как попало. Река хоть и быстрая, но маленькая. Юмурчен живёт на горе, а Сергачи застряли в низине: в топи да болоте.

Родителей в доме нет, уехали в город к другому сыну.

Семён приглашает гостей, принимается хлопотать.

Уставшего Малыша отводят в сарай. У него дрожат ноги от тряски в машине, от напряжения. Лосёнок успокоился, когда увидел Петю. Но всё-таки, почему нельзя идти пешком? Он бы шёл и шёл сколько надо.

Ему уже мерещится горбушка с солью и ещё что-нибудь сладенькое. Кусок сахара — он к нему привык.

Семён вертится на кухне. Руки у шофёра хваткие, шершавые ладони в чёрных крапинках. От повседневной работы, от напильника с зубилом. Со сковородкой тоже управляется неплохо. Жарит, парит, мешает, подсыпает. И всё пробует, боится, как бы не пересолить, не перегорчить. Чтобы всё было сытно и вкусно.

Не успевают ребята оглядеться, как хозяин ставит на стол кастрюлю с борщом, сковороду с картошкой, с мясом. Звенит чашками, ложками, режет хлеб, орудует половником. Будто не две руки у Агеева, а все четыре.

— Ешьте, ребятки, поправляйтесь!

Что говорить, отощали братья, за весь день пожевали хлеба с салом. А тут мясо, да не какое-нибудь — изюбятина! Самое что ни на есть вкусное. Когда-то Максим с Петей ели такое в зимовье на Черемной. Наверно, охотник дядя Семён.

— Не я охотник — отец. Мне когда? С утра до вечера баранка в руках. Сиди, крути, поглядывай. Слушай, как старушка гремит костями! Сто лет в субботу стукнет. А всё равно привык...

Петя жуёт и дремлет, не может поднять тяжёлых век.

День с утра был заполошным. Встал раньше всех, будто знал, что приедут за лосёнком. Зашёл в стайку, поговорил с Малышом, доверил ему весь свой план.

Потом сбегал в сельсовет, узнал, когда приезжает Синчук. Оказывается, сегодня. А потом... известное дело: сбежал, перехватил машину по дороге.

— Малый-то спит, — поднимается Семён. — А ну, давайте его на кровать. Сегодня никуда не поедem — радиатор буду паять. Расхудился самовар. Батя всегда говорит: «Где работа, там забота». Правильно!

Ребята не заставляют себя упрашивать, раздеваются, ныряют под одеяло. Семён с Володиёй убирают со стола, моют посуду. Хозяйки нет, самим приходится.

— Ты отдыхай, я пошёл, — Семён вытирает руки, — ремонтировать старушеницу.

— Одному несподручно. — Володя надевает шубу. — Где подать, где поддержать... Бери на должность подручного.

— Пойдём, если хочешь. Как говорит мой батя: «Вдвоём быстрее кашу есть».

...Трухин заявляется в Сергачи позже машины. Думал, быстрее придёт, да снегу навалило. Пришлось кое-где брести по колено.

Дружок Спирина Гришка живёт на самом краю села. Нарочно там поселился, чтоб меньше поглядывали. Не ожидал Гришка гостя, а всё равно обрадовался. А то как! Вместе шастают по лесу, тащат обеими руками. В таёжных делах выручка ой-ой как нужна! У них, понятно, своя выручка, браконьерская: мясом, деньгами. Откупаются как могут.

— Кстати гость, — суетится Спирина. — Старуха, гоноши на стол, ставь поллитру! Давно с тобой за столом не сиживал, с весны, с того времени, как в последний раз у меня бывал.

— Слушай, Гришка, поговорить надо.

— Надо так надо. — Спирина подмигивает жене: — Поставь еду, сходи к соседке. Мы тут покалякаем.

За водкой дружки говорят доверительно, нечего скрывать ни тому, ни другому. Трухин жалуется на Синчука, на ребят, на сохатёнка. Не забыл о Чубарове, о старике Бормаше. Всё село поднялось на Андрона из-за проклятого лосёнка.

— Жизни, брат, не стало, следят за каждым шагом! Пирата — лучшую собаку — изничтожили, пять соболей с чердака утянули: трёх амурских, двух баргузинских. Ну, соболей, видать, Прошка-вор стянул. А всё одно: чистый разор, никакого продыха...

— Не везёт... — хмыкает Гришка. — У нас пока тихо. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Ну, и как ты теперь?

— Решил рассчитаться с Синчуком. — Трухин берётся за рюмку. — Семь бед — один ответ.

— Та-ак! — вытягивает губы Спирина. — Ну-ка, выпьем, закусим! Потом своё слово скажу.

Пьёт Андрон — не пьянеет: злость в душе сильней водки. Сейчас бы расправился с ними, в бараний рог скрутил бы. И Сараниных этих, как волчат... Вспомнит, аж задохнётся от злости.

— Э-эх! — скрипит зубами. — А-ах! — как напильником по железу.

— Неумное дело задумал, — вытирает рот Гришка. — Убьёшь ты Синчука — сядешь в тюрьму. И что? Прощай тайга, прощай охота? Правда, стервец он подходящий... Да ведь другим способом насолить можно.

— Каким?

— А таким. Есть у меня в одной партии знакомый геолог, интересуется лосёнком. «Двести рублей, говорит, кладу на бочку, глазом не моргну!» Понимаешь, мы лосёнка — ту-ту! Деньги — по карманам. А Синчуку — выговор за пропажу, а то и с работы вытурят. Вот как по-умному-то.

— Хорошо, ежели так. Где машину возьмёшь?

— Не твоя печаль. — Гришка подливает в рюмки. — Скажи, согласен или нет?

— Согласен! — Трухин бухает кулаком по столу. — С паршивой овцы хоть шерсти клок!

— Вот за это выпьем! — поднимает рюмку Гришка. — Про остальное не беспокойся, сделаю в лучшем виде.

Дома, в Юмурчене, Максим всегда просыпается раньше Пети. Потому что забот у него больше. Корову надо подоить, еду приготовить. Когда дед Лукьян здоровым был, по переменке управлялись. Теперь приходится одному. Иногда Петя встанет вместе с Максимом. А что толку? Сразу бежит к своему

сохатёнку. И не то что Петя ленится — жалеет его старший брат.

И на этот раз Максим просыпается рано. Выходит во двор, оглядывается. Невдалеке слышит сердитый рёв мотора. Максим машинально поворачивается на звук.

Из проулка тяжело выползает машина. А в кузове стоит Малыш, наскоро огороженный досками. Лосёпок крутит головой, недовольно перебирает ногами. Размотанный повод болтается из стороны в сторону. Опять эта мучительная качка. От неё мутит, слабеют ноги, прыгает сердце.

Максим не верит своим глазам. «Как попал сохатёнок в чужую машину? Куда его везут? Кто эти люди, что сидят в кабине?» В секунду слетает Максим с крыльца, перемахивает через забор, выбегает на улицу. Машина поворачивает на тракт, набирает скорость. Несколько метров отделяют его от грузовика. Но эти метры растут с каждой секундой.

— Стой! Стой! Стой! — кричит Максим на всю улицу. — Остановитесь! Слышите!..

Может, видел шофёр парня, может, нет. А если б видел, разве б остановился? Не дурак он, чтоб каждому встречному показывать краденое.

Не помнит, долго бежал или нет, не помнит, как очутился далеко на тракте. Скрылся из виду грузовик.

Тяжело возвращаться Максиму, не идут ноги, словно обуты в свинцовые башмаки. Что скажет он Синчуку, Чубарову? Сколько слёз прольёт Петя... Кто они, эти ворюги?

Максим застаёт Семёна во дворе.

Шофёр по давней привычке умывается колодезной водой. Не просто умывается — поливает из ков-

ша плечи, грудь, спину. Стоит, гогочет от удовольствия.

— Ты что кислый, Максим? Не выспался?

— Малыша украли. Гнался, гнался — не мог догнать.

— Украли?!

— Только что. А кто, не знаю. Двое сидели в машине.

— Номер запомнил?

— Нет. Не сообразил.

— Ах прохвосты! Ах ворюги! — Семён трётся полотенцем. — Ну погоди, Бориска, рябой чёрт! Кончится моё терпение.

— Вы про кого? Знаете, кто украл?

— Знаю, не в первый раз. Не горюй, поймаем: дальше города не уедут. Говори толком, как получилось?

Приходится Максиму рассказывать всё сначала.

Семён слушает. Крякает. Переспрашивает. Клянёт какого-то Бориску.

Синчук с Петей просыпаются от шума. Узнав о пропаже, Петя сбегает с крыльца, проверяет стайку. Не хочет верить ни Максиму, ни дяде Семёну. Шутят они. Спрятали Малыша и смеются.

Тёмная пустота смотрит из старого коровника. Нет лосёнка ни в огороде, ни на улице. И опять хочется Пете заплакать, как в тот раз, когда гнался за сохатёнком по кочкам.

— Не горюй, Петушок, объявится пропажа. — Семён приглашает к столу. — Ну Бориска, ну разбойник! Учуйал, сатана рябая!

— Вы про кого, дядя Семён? — спрашивает Петя.

— Про одного субчика.

— Про Трухина?
— И про него тоже.
— Думаешь, райпотребовский? — догадывается Синчук.

— Кто же ещё! Его машина у магазина стояла.

Ни Максиму, ни Пете не идёт кусок в горло. Сидят как на углях, мысленно гонятся за Бориской. Настигают, отбирают лосёнка. А Бориску забирает милиционер. Будет знать, как воровать чужих зверей...

— Зачем им сохатёнок, дядя Володя? — Петя не знает, кому «им». — Они убьют его?

— Не думаю. Наверно, сохатёнка украли на продажу. За каждого выращенного лосёнка государство платит сто рублей. Отвезут в охотничье хозяйство, запросто продадут. Ну, я готов! Поехали!

Уверенность Синчука ободряет братьев. Дядя Семён знает, где искать. Так что не всё пропало. Только б поскорей выехать.

Знакомых у Агеева — не сосчитать. Едва не каждый встречный поднимает руку. Кто просто приветствует, кто просит подвезти. Семён у всех спрашивает:

— Машину с лосёнком не видали?

— Нет, — отвечают. — А что?

— Да так, история одна... — И молчит, не хочет раскрывать секрета.

Ни одного села не пропускает Семён, останавливает шофёров, интересуется. Странно: никто не слышал о сохатёнке, никто не видел, как проезжала машина.

— Глубоко нырнули. — Семён прибавляет газу. — Ну ничего, ничего, не на тех напали...

В одном селе шофёр сказал, что видел старую

трёхтонку, на ней — то ли корову, то ли сохатого. Машина, похоже, потребсоюзовская.

— Бориска рябой! — уверяет Семён. — Домой покатил. Схватим на квартире тёпленького.

Семён — шофёр первоклассный, выжимает из «старушки» всё, что может. Ведёт, как по струнке. Сейчас важно не попасть на глаза автоинспектору. Тот разбираться не будет. Остановит, накажет за превышение скорости. Чего доброго, талон проколет. А это неприятность серьёзная.

— Кто такой Бориска? — спрашивает Петя.

— Рябой-то? Шофёр один, дружок бывший. Шаромыжником оказался, мастером купеческих дел. В городе купит, в селе продаст. Судили один раз, а всё неймётся. Опять покатил по старой дорожке.

— А если дома нет?

— Найдём! Взались за дело — доведём до конца... Ну Бориска, ну сатана рябая!..

ПОГОНЯ

Второй раз приезжают в город Максим и Петя. Два года назад привозил их сюда отец. Ночёвали в бывшем купеческом доме с неуклюжими балконами, с крылатыми ангелами. Помнят красивую площадь в жёлтых акациях, деревянную почту каланчой. Гостиницу — низкий домик из почерневших лиственниц. В те дни цвели тополя, по улицам летал тополиный пух, похожий на этот снег.

Машина проезжает вдоль площади, гостиницы, сворачивает на пустынную улицу. Направо от неё течёт мутная речка, рядом с ветхим мостиком гого-

чут белые гуси. Обижаются, что не могут пройти к воде — мешает прибрежный лёд.

Семён внезапно умолкает, сердито крутит баранку — настраивается на разговор с Бориской: «Ах ты пучеглазый! Тряхану я тебя по-нашему, по-шофёрски. Будешь помнить, воровская картина!..»

«ЗИЛ» подкатывает к старенькому дому, останавливается возле ворот. Семён выпрыгивает из кабины, толкает ногой калитку. За ним спешит Синчук с ребятами. Сейчас они увидят и Бориску и Малыша. Лосёнок их ждёт, наверное, соскучился, хочет есть.

— Эй, хозяин! — Семён стучит кулаком в ставень. — Выдь на минутку!

— Кто там? — хрипит недовольный голос. — Заходи в избу.

— Вылазь, Бориска, сатана рябая! — грозитя Агеев. — Глаза бы не глядели на твоё воровское гнездо!

Выходит хозяин в белой майке с пятнами машинного масла. Голова не голова — копна рыжей соломы. Круглые щёки с пухлыми губами словно прострелены десятками дробинok.

— Чево шумишь? Хлебнул, никак? А это што за люди?

— Не твоё дело. Показывай лосёнка!

— Какого лосёнка? — дивится Бориска. — Никого у меня нет.

— Того, что из Сергачей увёз.

— Из Сергачей?! — дёргается рябой. — Откуда знаешь?

— От милиции, — находится Семён. — Кланялись тебе, велели зайти на пару слов.

— Шутишь? — трусит Бориска. — При чём тут

милиция? Правда, вёз я сохатёнка, попросили подбросить. Так я их у геологов оставил.

Пока Семён допрашивает, Синчук обходит двор, заглядывает в пристройки. Никаких следов. «И самого лосёнка нет», — тревожится Володя. За пропажу Малыша он отвечает в первую очередь. А главное, ребят жалко.

— У каких геологов?

— У тех, что в Сухой пади.

— С кем ехал?

— Не знаю. Высокий такой, плечистый, всё волком смотрит... В лосиных штанах, в куртке, в ичигах. «Подвези, просит, на новое место переезжаю. А его геологам отдаю». Это он про лосёнка. «Они, говорит, его к работе приучат». Пятёрку дал за труды. «Выпей, сказал, за моё здоровье. И за его тоже». Это он опять про лосёнка. Ещё один был, с тараканьими усами, тот молчал, усы покручивал.

— Трухин! — вскрикивает Петя.

— Похоже, — соглашается Синчук.

— Ладно, поверим, если не врёшь. — Семён в раздумье останавливается перед братьями. — Что теперь делать, не соображу... Ехать в Сухую падь — на базу опоздаю. Опоздаю — значит, груз не получу. Не получу груз — верная нахлобучка от председателя. А то и выговор влепит. Строгий мужик. С другой стороны посмотреть — некрасиво: обещал найти сохатого — надо сделать.

— Поедемте, дядя Сеня! — Петя хватается шофёра за руку. — Пожалуйста! Трухин убьёт Малыша. Он такой, такой... хуже зверя!

Петя не выдерживает, слёзы катятся из глаз. Он всхлипывает чаще и чаще, растирает по щекам солёную влагу.

— Ну, это зря. — Семён качает головой. У него

тоже начинает щипать в носу. — Мужчины — они, знаешь, не плачут.

— Езжай, Сеня, — предлагает Бориска. — Давай накладные, смотаюсь на базу на своей машине. Получу груз. Вернёшься — перетащим в твою.

— Голова! — Агеев достаёт накладные. — Действуй, друг! Не так ты плох, как я погляжу.

— Стараюсь. — Бориска прячет бумажки. — Бросил я канительные дела. Для улучшения самочувствия.

— Лезьте, ребятки, садись, Володя! — Семён заводит мотор. — Найдём субчиков, из-под земли выроем!

Выезжают не сразу: нужно заправиться бензином. Тут уж ничего не поделаешь. Бензоколонка на том конце города, в противоположной стороне. Возле неё — длинная очередь, машин пятнадцать. Ну всё, как назло.

— Не волнуйтесь, — утешает шофёр. — Всё идёт по плану командования. Успеем поджарить пятки браконьеру.

Не унывает дядя Семён, всё у него по плану.

Тридцать километров по асфальту — разве езда? Не успеешь оглянуться — слезай, приехали. Но когда не повезёт...

Будто кто заморозил Семёна с машиной. Только выехали за город — мотор чих-пых, чих-пых! Заглох. Тут даже Синчук заёрзал на сиденье. Если так ехать, можно прозевать и Малыша и браконьеров. Совсем разладился агеевский «самовар».

О ребятах говорить нечего, места себе не находят, мечутся, как соболи в клетке.

— Пропал сохатёнок!.. — шепчет Петя.

Максим будто не слышит, смотрит на Семёна,

мысленно подгоняет: «Быстрее, быстрее, а то опоздаем!»

Пете ещё горше. Представляется глухой лес, высокая сосна с длинными лапами. Под ней Малыш с перерезанным горлом, возле него Трухин в лосиных штанах, с мрачной улыбкой: «Мой верх, гадёныши!»

— Ты что молчишь? — Петя толкает брата в бок. — Пока дядя Семён возится...

— И ты помолчи.

— Остановим другую машину?

До чего же нудный бывает брат Максима! Ноет, ноет, как зубная боль. Видит же, что дядя Семён старается.

— Не хнычь, сейчас поедem.

И верно: только сказал — мотор завёлся. Др-др-др! Как рванёт на полных оборотах!..

— Всё путём, всё ладом, — вытирает руки Семён. — По местам!

На повороте в Сухую падь встречается Агееву знакомый шофёр. Семён сигналист: остановись, дело есть. Выходит из кабины, спрашивает про машину с сохатёнком.

— Видал. — Шофёр готовится к длинному разговору. — Двое их, у геологов околачиваются. Один, значит, в лосиных штанах, в такой же тужурке, другой...

— Ты короче...

— Нельзя короче, — возражает шофёр. — Выходит, такое дело: продают они сохатёнка за двести рублей. А кто его возьмёт? Мне даром не нужно. Вот ты бы взял?

— Значит, у геологов?

— Теперь, пожалуй, не у них.

— Да где же? Говори толком!

— Эх тебя припёрло! — Шофёр вытаскивает пачку «Севера», закуривает. — Чую: краденый тот лосёнок.

— Угадал, эти ребята — хозяева.

— Ты вот что, ты в посёлок не езжай, — советует шофёр. — Сверни налево. Помнишь, где зимовьё-шка стояла? Дуй по этой просеке!

— Ничего не понимаю. То геологи, то просека. Где ж они, в конце концов?

— Сейчас поймёшь. Мужик тот, в лосиных штанах, не сговорился с геологами. Кто-то у него раньше просил сохатёнка вроде бы за двести рублей. То ли начальник партии, то ли другой кто. Теперь, вишь, этого человека не оказалось. Тут мужик рассердился, стал кричать: «Лучше убью, а за меньшую цену не отдам!» И повёл, значит, по этой просеке.

— А второй?

— Второй тоже с ним.

— Дядя Семён, скорее! — кричит Петя. — Я же говорил!..

До геологов дорога сносная, потом пошли кочка на кочке, пенёк на пенёке. Как ни крутит Семён баранку, не получается без тряски. А тряска такая, в пору из кабины вылететь.

— Останови-ка! — просит Синчук. — Я напрямую...

— Возьми карабин!

— Не надо! — Он прыгает в снег, бежит к ближайшему лесу.

На закрайке видны два человека и лосёнок. Это они: Трухин, Малыш и неизвестный. Вовремя подоспели, ой как вовремя!

Лосёнок привязан к сосне верёвкой. Повод порван, глаза налиты кровью, с губ падает пена. Не

слышит мотора, не видит бегущего Синчука. С ненавистью смотрит на мучителя.

Первым охотинспектора замечает неизвестный мужчина. Толкает плечом Трухина, показывает: «Гляди, бежит кто-то».

— Синчук! — узнаёт Трухин. — И тут разнюхал! Ну держись, сейчас я с тобой рассчитаюсь!

Андрон бросает окурок, тянется к карабину. Но Спирип опережает напарника. Вырывает, прячет оружие за спину.

— Очумел! Очнись!

— Ты... ты... предатель! — хрипит Андрон. — И тебя купили?! Так нет же, будет по-моему!

Выхватывает нож, похожий на финский. Специально кованный, специально точенный. На медведя — в случае ружейной оплошки. А Синчук сейчас — хуже трёх медведей вместе.

Пригнувшись, растопырив руки, Андрон осторожно движется в сторону Володи. Глаза — раскалённые угли. Вся давняя злоба, вся теперешняя ненависть вложены в этот взгляд...

Синчук смотрит по сторонам: нет ли поблизости сучка, палки? А где найдёшь под таким снегом?

— Эй, Трухин, не балуй! — Володя сжимает кулаки. — В тюрьму захотел?

— Мне всё одно. Семь бед — один ответ!

— Твоё дело. — Синчук сбрасывает полушубок. — Бояться я не привык. Держись, браконьерская душа!

Медленно сходятся охотинспектор с браконьером, будто борцы на белом ковре. Три, два шага остаётся между ними...

Трухин вскидывает нож, с силой опускает вниз. Синчук подставляет руку — приём самбо, — правой

бьёт Андрона в нижнюю челюсть. В ту же секунду раздаётся крик:

— Дядя Андрон, сзади!

Трухин оборачивается и... получает подножку. Не сзади — спереди настигает его второй удар.

Третий приходится под дых, когда Трухин пытается встать. Больше ему не надо.

— Здоровый, стервец! — подбегает Семён. — Этакий кабанище! Ловко ты его...

— Петруха помог. — Синчук сдерживает дрожь в руках.

Петя бросается к Малышу, развязывает верёвку. Лосёнок тычется ему в руки, закрывает глаза.

— Ты чей, дядя? — Агеев подзывает Гришку. — Подходи, не стесняйся.

— Знакомая личность, — признаёт Синчук. — Гришка Спирин, браконьер номер два.

— Пришьём и его к делу. — Семён отбирает карабин.

Петю и Максима привозит в Юмурчен тот же Семён. Старик Лукьян радуется: «Явились, малинаягода!» Бабка Феня пришла почаевать с Бормашом — снова завела разговор про Африку, про то, как трудно будет Малышу. Её никто не поддерживает. И так горько на душе, зачем беречь больное место.

Все ребята волнуются: что стало с сохатёнком? Первым прибежал Стась, одетый по-зимнему: в полушубке, в заячьем треухе. Глянул на деда с бабой, тут же определил: не скоро уйдёт бабка, только в азарт вошла — наливает кружку за кружкой. Поговорить не даст, шпарит, как автомат. Лучше по-

звать ребят к себе, дома нет ни отца, ни матери. Наговорятся вдоволь. А тут и Лавря объявился.

По дороге ребята видят на крыльце Алексея Чубарова. Машет им рукой, улыбается, гладит крутой подбородок.

— Заходите, заходите, есть новости... — Он пропускает ребят вперёд. — Плясать вам надо, всем плясать. Значит, такое дело: вернётся к вам сохатёнок.

Говорит и смотрит на всех. А ребята, как по команде, раскрывают рты. Не верят председателю, — наверно, разыгрывает их дядя Алексей. Было же решение увезти сохатёнка. Сам Синчук приезжал, говорил, ничего нельзя сделать. Что-то тут не так.

— Всё так, — успокаивает Чубаров. — Только что звонил из города Володя, просил передать: пришло письмо из охотничьего хозяйства. спрашивают, нельзя ли в Юмурчене организовать опытную станцию по одомашниванию сохатых? Мы тут посоветовались, решили: можно. Малыш будет у нас первым одомашненным животным, вожакom стада. А вы начнёте приучать сохатых к работе. Ну, как?

— Здорово, дядя Алексей!

— А Малыша в Москву не отправили?

— Не успели. — Чубаров видит, как повеселели ребята. — Значит, готовьтесь к встрече.

— Когда привезут?

— Сколько будет сохатых?

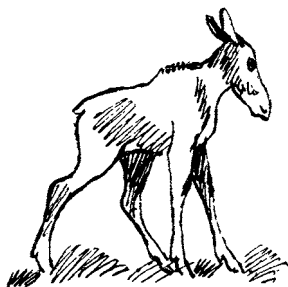
Наконец-то поверили Чубарову. спрашивают наперебой, Алексей не успевает отвечать.

— На днях Синчук привезёт Малыша. А теперь марш на улицу!

— Ура-а! — ликует Петя. — Наша взяла-а!

Надо к дедке бежать рассказать про сохатёнка. Может, бабка Феня ещё не ушла. Пусть готовит пироги с морковью.

Петя выскакивает на крыльцо, прыгает в снег. Бежит не улицей — огородами. Так ближе, быстрее. Бежит не чуя ног, задыхаясь от ветра, от неожиданной радости...

ОГЛАВЛЕНИЕ

МАЛЫШ	5
ЗНАКОМСТВО	22
НОЧНАЯ ТЕНЬ	39
ВЫЗОВ	52
ОБИДА	64
В ПОХОД	79
ПОВЕСТКА	108
В ГОРОД	131
ПОГОНЯ	147

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43,
Дом детской книги

Для младшего школьного
возраста

Василий Григорьевич Никонов

СОХАТЁНОК

Повесть

Ответственный редактор

Л. Г. Тихомирова

Художественный редактор

А. Б. Сапрыгина

Технический редактор

Е. М. Захарова

Корректоры *Л. М. Агафонова* и *З. С. Ульянова*

Сдано в набор 6/IV 1974 г. Подписано к печати

11/XI 1974 г. Формат 60×84/16. Бум. типогр. № 1.

Печ. л. 10. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 6,7.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 59. Цена 38 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство

«Детская литература». Москва, Центр,

М., Черкасский пер., 1.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома

Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект

50-летия Октября, 46,

Никонов В. Г.

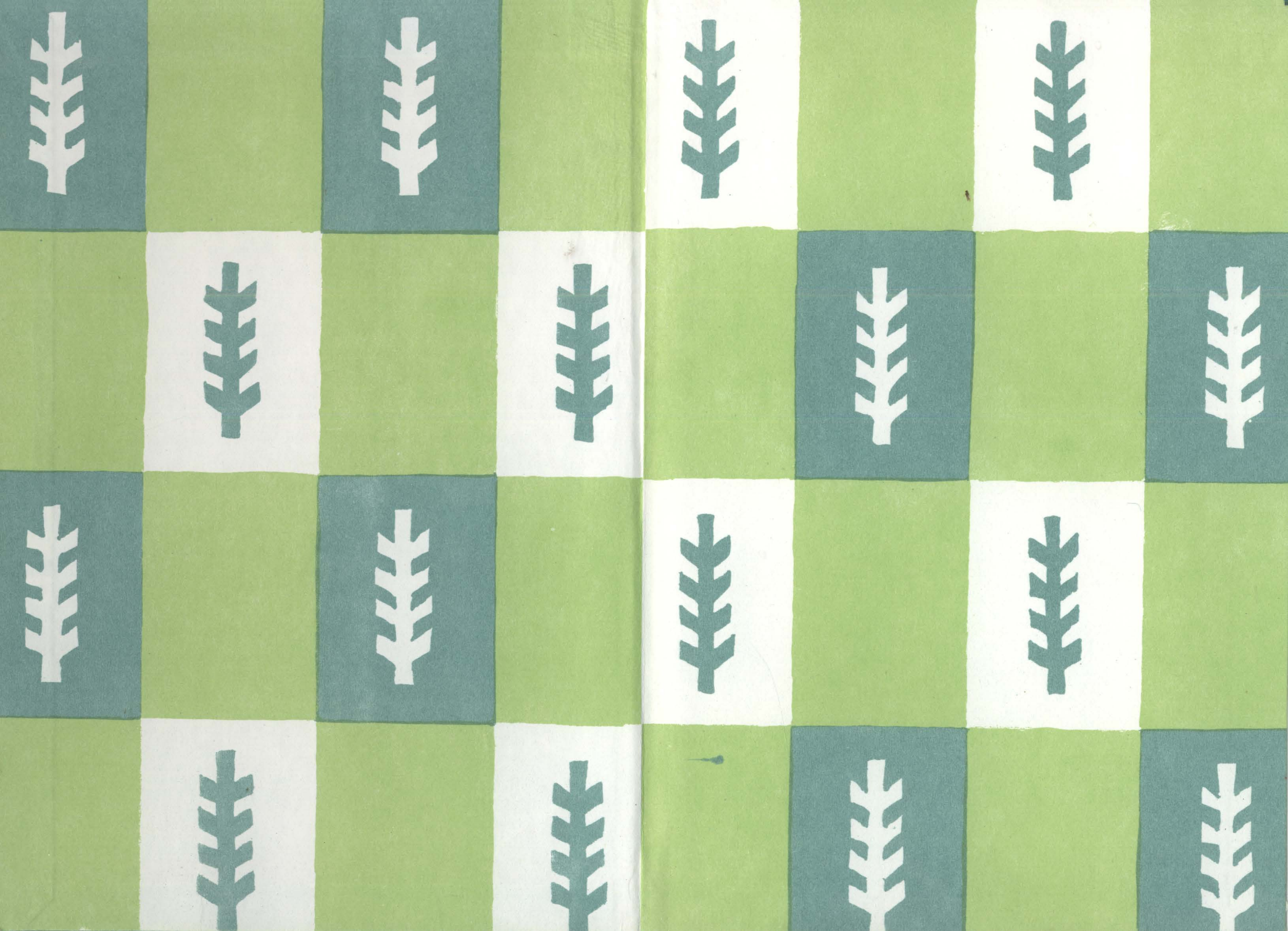
Н63 Сохатёнок. Повесть. Рис. В. Кулькова. М., «Дет. лит.», 1975.

158 с. с ил.

Повесть о ребятах, которые живут на Забайкальском Севере, о таёжной природе, о том, как дети спасли и вырастили сохатёнка.

Н 70802—040 Без объявл.
М101(03)75

Р2

Цена 38 коп.

